

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Сяб., Невскій, 92).

У 356
20

Ив. Ёужикъ.

810-83

632-3

Томъ V.

Р а з с к а з ы.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1909.

Государственная
Библиотека
ОСОР
пл. Д. В. Денина

12802-60

Типо-литография „Печатное Искусство“, Невский пр., 140-2.

РАЗСКАЗЫ.

КНИГА ИМЕЕТ:

15	Листов печатных							
	Выпуск							
7.5	В перепл. един. соедин. №№ вып.							
	Таблиц							
	Карт							
	Иллюстр.							
	Служебн. №№							
	Листов и порядков.							
	1960 г.							

197/8-100.000

22230

I

ЧЕХОВЪ.

Я познакомился съ нимъ въ Москвѣ, въ концѣ девяносто пятаго года. Видались мы тогда мелькомъ, и я не упомянулъ бы объ этомъ, если бы мнѣ не запомнилось нѣсколько очень характерныхъ фразъ его.

— Вы много пишете?—спросилъ онъ меня однажды. Я отвѣтилъ, что мало.

— Напрасно,—почти угрюмо сказалъ онъ своимъ низкимъ груднымъ баритономъ.—Нужно, знаете, работать... Не покладая рукъ... всю жизнь.

И, помолчавъ, безъ видимой связи прибавилъ:

— По-моему, написавъ рассказъ, слѣдуетъ вычеркивать его начало и конецъ. Тутъ мы, беллетристы, больше всего время... *И короче, какъ можно короче надо говорить.*

Потомъ разговоръ зашелъ о стихахъ, и онъ вдругъ оживился:

— Послушайте, а стихи Алексѣя Толстого вы любите? Вотъ, по-моему, актеръ! Какъ надѣлъ въ молодости оперный костюмъ, такъ на всю жизнь и остался.

Послѣ такихъ минюлетныхъ встрѣчъ и случайныхъ разговоровъ, въ которыхъ были затронуты любимыя темы Чехова—о томъ, что надо работать „не покладая рукъ“ и быть въ работѣ до аскетизма правдивымъ и простымъ,—мы не видѣлись до весны девяносто пятаго года. Я пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Ялту и однажды вечеромъ встрѣтилъ Чехова на набережной.

— Почему вы не заходите ко мнѣ?—было его первыми словами.—Непремѣнно приходите завтра.

— Когда?—спросилъ я.

— Утромъ, часу въ восьмомъ.

И, вѣроятно, замѣтивъ на моемъ лицѣ удивленіе, онъ пояснилъ:

— Мы встаемъ рано. А вы?

— Я тоже,—сказалъ я.

— Ну, такъ вотъ и приходите, какъ встанете. Будемъ пить кофе. Вы пьете кофе?

— Иарѣдка пью.

— Пейте каждый день. Чудесная вещь. Я, когда работаю, ограничиваюсь до вечера только кофе и бульономъ. Утромъ—кофе, въ полдень—бульонъ. А то плохо работается.

Я поблагодарилъ за приглашеніе, и мы молча прошли всю набережную и сѣли въ скверѣ на скамью.

— Любите вы море?—сказалъ я.

— Да,—отвѣтилъ онъ.— Только ужъ очень оно пустынно.

— Это-то и хорошо,—сказалъ я.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ, глядя куда-то вдаль сквозь стекла пенснѣ и, очевидно, думая о чемъ-то своемъ.—По-моему, хорошо быть офицеромъ, молодымъ студентомъ... Сидѣть гдѣ-нибудь въ людномъ мѣстѣ, слушать веселую музыку...

И, по своей манерѣ, помолчалъ и безъ видимой связи прибавилъ:

— Очень трудно описывать море. Знаете, какое описаніе моря читалъ я недавно въ одной ученической тетрадкѣ? „Море было большое“. И только. По-моему, чудесно!

Можетъ быть, это покажется кому-нибудь манерностью? Но—Чеховъ и манерность! Поставить рядомъ

эти два слова могутъ только тѣ, которые не имѣютъ никакого понятія о Чеховѣ!

„Скажу прямо,—говорить одинъ изъ хорошо знавшихъ Чехова,—я встрѣчалъ людей не менѣе искреннихъ, чѣмъ Чеховъ, по людей до такой степени простыхъ, чуждыхъ всякой фразы и аффектировки, я не помню“.

И это святая правда. Онъ горячо любилъ все искренное, жизненное, органическое,—если только оно не было грубо и косно,—и положительно не вносили фразеровъ, книжниковъ и фарисеевъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые настолько вошли въ свои роли, что роли стали ихъ вторыми натурами. Въ своихъ работахъ онъ почти никогда не говорилъ о себѣ, о своихъ вкусахъ, о своихъ взглядахъ, что и повело, кстати сказать, къ тому, что его долго считали человѣкомъ безпринципнымъ, необщественнымъ... Въ жизни онъ также никогда не носился со своимъ „я“, очень рѣдко говорилъ о своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ: „я люблю то-то“... „я не выношу того-то“... это не Чеховскія фразы. Но симпатіи и антипатіи его были чрезвычайно устойчивы и опредѣленны, и среди его симпатій одно изъ первыхъ мѣстъ занимала именно естественность. „Море было большое“... Ему, съ его постоянной жаждой наивысшей простоты, съ его отвращеніемъ ко всему вычурному, напряженному, казалось это „чудеснымъ“. А въ его словахъ объ офицерѣ и музыкѣ сказалась другая его особенность: сдержанность. Неожиданный переходъ отъ моря къ офицеру былъ, несомнѣнно, выванъ его затаенной грустью о молодости, о здоровьѣ. Море пустынно... А онъ любилъ жизнь, радость, и за послѣдніе годы эта жажда радости, хотя бы самой простой, самой обыденной, особенно часто сказывалась въ его разговорѣ. Но именно только сказывалась.

Слова за послѣднее время стали очень дешевы. И хорошія, и дурныя слова произносятся теперь съ удивительной легкостью и лживостью. Но, кажется, чаще всего такъ говорятъ объ умершихъ. Очень много легкости, лжи, неточностей, а порой—просто скудоумія можно встрѣтить и въ воспоминаніяхъ о Чеховѣ. Пишутъ, напримѣръ, что Чеховъ происходилъ изъ мужицкой семьи, что поѣхалъ онъ на Сахалинъ за тѣмъ, чтобы поддержать репутацію „серьезнаго“ человѣка, и въ дорогѣ такъ простудился, что нажилъ чахотку... Пишутъ, что смерть Чехова была ускорена постановкой „Вишневаго сада“: наканунѣ спектакля Чеховъ будто бы такъ волновался, такъ боялся, что его пьеса не понравится, что всю ночь бредилъ... Все это, конечно, вздоръ. Дѣдъ Чехова только въ ранней молодости былъ крѣпостнымъ, а затѣмъ откупился на волю и служилъ управляющимъ у графа Платова, и, кстати сказать, былъ очень живой и талантливый человѣкъ; мать Чехова—изъ купческаго рода Морозовыхъ; отецъ воспитывался и почти всю жизнь прожилъ въ городѣ, занимаясь сперва бакалейной торговлей въ Таганрогѣ, потомъ въ конторѣ купцовъ Гавриловыхъ въ Москвѣ, а съ тѣхъ поръ, какъ сыновья стали на ноги,—главнымъ образомъ, чтеніемъ, къ которому имѣлъ исключительную склонность. А на Сахалинъ Чеховъ поѣхалъ потому, что его интересовалъ Сахалинъ и еще потому, что въ путешествіи онъ хотѣлъ встряхнуться послѣ смерти брата Николая, талантливаго художника. И чахотку онъ нажилъ не въ Сибири,—о томъ, что его легкія „хрипятъ“, онъ упоминалъ въ письмахъ къ сестрѣ еще въ 87 г.,—хотя несомнѣнно, что ѣздить ему не слѣдовало: взять хотя бы этотъ страшно тяжелый двухмѣсячный путь на перекладныхъ, ранней весной, въ дождь и въ холодъ, почти безъ сна и положительно

на лицѣ св. Антонія, благодаря дикости сибирскихъ трактовъ!

Что же касается до волненій о „Вишневомъ садѣ“, то это ужъ просто нелѣпо. Пишущіе, конечно, очень чувствительны къ тому, что говорятъ о нихъ, и много, много въ пишущихъ чувствительности жалкой, мелкой, неврастенической... Но, Боже мой, какъ все это далеко отъ такого большого и сильнаго человѣка, какъ Чеховъ! Ибо кто съ такимъ мужествомъ слѣдовалъ велѣніямъ своего сердца, а не велѣніямъ толпы, какъ онъ? Кто умѣлъ такъ, какъ онъ, скрывать ту острую боль, которую причиняетъ человѣческому уму человѣческая глупость? Намъ извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, только одинъ вечеръ, когда Чеховъ былъ явно потрясенъ неуспѣхомъ,—вечеръ постановки „Чайки“ въ Петербургѣ. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло... Да и кто могъ знать, волнуется онъ или нѣтъ? Того, что совершалось въ глубинѣ его души, никогда не знали во всей полнотѣ даже самые близкіе ему люди. А что же сказать о постороннихъ и особенно о тѣхъ не чуткихъ и не умныхъ, имя которымъ легионъ, и къ откровенности съ которыми Чеховъ былъ органически не способенъ?

Мальчикомъ Чеховъ былъ, по словамъ его школьнаго товарища Сергѣенко, „вылымъ увальнемъ съ лунообразнымъ лицомъ“. Я, судя по портретамъ и по разсказамъ родныхъ Чехова, представляю его себѣ иначе. Слово „увальень“ совсѣмъ не подходитъ къ хорошо сложенному, выше средняго роста мальчику. И лицо у него было не „лунообразное“, а просто—большое, очень умное и очень спокойное лицо. Вотъ это-то спокойствіе и дало, вѣроятно, поводъ считать мальчика Чехова „увальнемъ“,—спокойствіе, а отнюдь не вялость, которой у Чехова никогда не было—даже въ послѣдніе годы. Но и спокойствіе это было, мнѣ кажется, особен-

ное,—спокойствіе мальчика, въ которомъ зрѣли большія, свѣжія силы, рѣдкая наблюдательность и рѣдкій юморъ. Да и какъ, въ противномъ случаѣ, согласовать слова Сергѣенко съ разказами матери и братьевъ Чехова о томъ, что въ дѣтствѣ „Антоша“ былъ неистощимъ на выдумки, которыя заставляли хотеть до слезъ даже суроваго въ ту пору Павла Егоровича! Въ юности,—въ тѣ счастливые дни, когда ему доставляло наслажденіе проектировать такіа произведенія, какъ „Искусственное разведеніе ежей,—руководство для сельскихъ хозяевъ“,—это спокойствіе какъ бы потонуло въ пышномъ расцвѣтѣ прирожденной Чехову жизнерадостности: всѣ, кто знали его въ эту пору, говорятъ о неотразимомъ очарованіи его веселости, красоты его открытаго, простаго, но ярко одухотвореннаго лица и его лучистыхъ глазъ... Но годы шли, духъ и мысль становились все глубже и прозорливѣе—и Чеховъ снова овладѣлъ собою. Это было время, когда онъ, смѣло отдавъ дань молодости, первымъ непосредственнымъ проявленіемъ своей богатой натуры, уже приступилъ къ суровому въ своей художественной неподкупности изображенію дѣйствительности. И мои первыя встрѣчи съ нимъ относятся именно къ этому времени.

Въ Москвѣ, въ девяносто пятомъ году, я увидѣлъ человѣка среднихъ лѣтъ, въ пенсѣ, одѣтаго просто и приятно, довольно высокаго, очень стройнаго и очень легкаго въ движеніяхъ. Встрѣтилъ онъ меня привѣтливо, но такъ просто, что я,—тогда еще юноша, не привыкшій къ такому тону при первыхъ встрѣчахъ,—принялъ эту простоту за холодность... Въ Ялтѣ я нашелъ его уже сильно измѣнившимся: онъ похудѣлъ, потемнѣлъ въ лицѣ; во всемъ его обликѣ попрежнему сквозило присущее ему изящество,—однако, это было изящество уже не молодого, а много пережившаго и

еще болѣе облагороженнаго пережитымъ человѣка. И голосъ его звучалъ уже мягче... Но, въ общемъ, онъ былъ почти тотъ же, что и въ Москвѣ: привѣтливъ, но сдержанъ, говорилъ довольно оживленно, но еще болѣе просто и кратко, и во время разговора все думалъ о чемъ-то своемъ, предоставляя собесѣднику самому улавливать переходы въ скрытомъ теченіи своихъ мыслей, и все глядѣлъ на море сквозь стекла пенсѣ, слегка приподнявъ лицо... На другое утро, послѣ встрѣчи на набережной, я поѣхалъ къ нему на дачу. Исно помню это веселое, солнечное утро, которое мы провели съ Чеховымъ въ его садикѣ. Онъ былъ очень оживленъ, много шутилъ и, между прочимъ, прочиталъ мнѣ единственное, какъ онъ говорилъ, стихотвореніе, написанное имъ: „Зайцы и китайцы, басня для дѣтей“. И съ тѣхъ поръ я началъ бывать у него все чаще и чаще, а потомъ сталъ и совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ его домѣ. Сообразно съ этимъ, конечно, измѣнилось и отношеніе ко мнѣ Чехова. Оно стало оживленнѣе, сердечнѣе... Но сдержанность осталась; и проявлялась она не только въ обращеніи со мной, но и съ людьми самыми близкими ему, и означала она, какъ я убѣдился потомъ, не равнодушіе, а нѣчто гораздо большее...

Бѣлая каменная дача въ Ауткѣ, такая красная и стройная подъ яркимъ, южнымъ солнцемъ и синимъ небомъ; ея маленькій садикъ, который съ такой заботливостью разводилъ Чеховъ, всегда любившій цвѣты, деревья и животныхъ; его кабинетъ, украшеніемъ котораго служили только двѣ-три картины Левитана да огромное полукруглое окно, открывавшее видъ на уютную въ садахъ долину рѣки Учанъ-Су и синій треугольникъ моря; тѣ часы, дни, иногда даже мѣсяцы, которые я проводилъ на этой дачѣ, и то сознаніе близости къ человѣку, который плѣнялъ меня не только

своимъ умомъ и талантомъ, но даже своимъ суровымъ голосомъ и своей дѣтской улыбкой—останутся навсегда однимъ изъ самыхъ лучшихъ воспоминаній моей жизни. Былъ и онъ настроенъ ко мнѣ дружески, иногда почти нѣжно. Но та сдержанность, о которой я упомянулъ, не покидала его даже въ самыя задушевные минуты нашихъ разговоровъ. И она была во всемъ.

Онъ былъ великій юмористъ,—но обратите вниманіе: ни одного каламбура, ни одного краснаго словечка, ни одного жеста въ сторону читателя! Онъ любилъ смѣхъ, но смѣялся своимъ милымъ, заразительнымъ смѣхомъ только тогда, когда кто-нибудь другой рассказывалъ что-нибудь смѣшное; самъ онъ говорилъ самыя смѣшныя вещи безъ малѣйшей улыбки. Онъ очень любилъ шутки, нелѣпныя прозвища, мистификаціи... Даже въ послѣдніе годы, какъ только ему хоть ненадолго становилось лучше, онъ былъ неистощимъ на нихъ; но какимъ тонкимъ комизмомъ вызывалъ онъ неудержимый смѣхъ! Бросить два-три слова, лукаво блеснетъ глазомъ поверхъ пенснэ... А его письма! Сколько милыхъ шутокъ было въ нихъ всегда, при ихъ совершенно спокойной формѣ!

„Милый Иванъ Алексѣевичъ, стало быть, позвольте на Страстной ждать Васъ. Непремѣнно, обязательно приѣзжайте, у насъ будетъ очень много закусокъ, къ тому же въ Ялтѣ такая теплынь теперь, столько цвѣтовъ! Приѣзжайте, сдѣлайте такую милость! Жениться я раздумалъ, не желаю, но все же, если Вамъ покажется скучно, то я, такъ и быть ужъ, пожалуй, жепьюсь“..... (25 марта 1901 года).

Или: „Дорогой Иванъ Алексѣевичъ, завтра я уѣзжаю въ Ялту, куда и прошу написать мнѣ поздравленіе съ законнымъ бракомъ..... Желаю Вамъ всего

хорошаго-съ, будьте здоровы-съ. Вашъ А. Чеховъ, аутскій мѣщанинъ“. (30 іюня 1901 г.).

Но сдержанность Чехова сказывалась и во многомъ другомъ, болѣе важномъ, свидѣтельствуя о рѣдкой силѣ его натуры. Кто, напримѣръ, слышалъ отъ него жалобы? А причинъ для жалобъ было много. Онъ началъ работать въ большой семьѣ, терпѣвшей въ пору его молодости прямо-таки нужду, и работалъ мало того, что за гроши, но еще и въ обстановкѣ, способной угасить самое пылкое вдохновеніе: въ маленькой квартиркѣ, среди говора и шума, часто на краешкѣ стола, вокругъ котораго сидѣла не только вся семья, но еще нѣсколько человѣкъ гостей-студентовъ. Онъ долго нуждался и потомъ... Но никто и никогда не слыхалъ отъ него сѣтованій на судьбу, и это вытекало не изъ скрытности его характера и не изъ ограниченности его потребностей: будучи на рѣдкость благородно-скромнымъ въ своемъ образѣ жизни, онъ въ то же время прямо-таки ненавидѣлъ сѣрую, скудную жизнь... Онъ пятнадцать лѣтъ былъ боленъ изнурительной болѣзью, которая неуклонно вела его къ смерти; но зналъ ли это читатель, — русскій читатель, который слышалъ столько горькихъ писательскихъ воплей? Больные любятъ свое привилегированное положеніе: часто самые сильные изъ нихъ почти съ наслажденіемъ терзаютъ окружающихъ злыми, горькими, непрестанными разговорами о своей болѣзни; но поистинѣ было изумительно то мужество, съ которымъ болѣлъ и умеръ Чеховъ! Даже въ дни его самыхъ тяжелыхъ страданій часто никто не подозрѣвалъ о нихъ.

— Тебѣ нездоровится, Антоша?—спросить его мать или сестра, видя, что онъ весь день сидитъ въ креслѣ съ закрытыми глазами.

— Мнѣ?—спокойно отвѣтитъ онъ, открывая глаза,

такіе ясныя и кроткіе безъ пенснѣ.—Нѣтъ, ничего. Голова болитъ немного.

Онъ горячо любилъ литературу, и говорить о писателяхъ, восхищаться Мопассаномъ, Флоберомъ или Толстымъ,—было для него наслажденіемъ. Особенно часто онъ съ восторгомъ говорилъ именно о нихъ да еще о „Тамани“ Лермонтова.

— Не могу понять,—говорилъ онъ,—какъ могъ онъ, будучи почти мальчикомъ, сдѣлать это! Вотъ бы написать такую вещь да еще водевилъ хорошій, тогда бы и умереть можно!

Но его разговоры о литературѣ были совсѣмъ не похожи на тѣ обычные профессиональные разговоры, которые такъ неприятны своею кружковой узостью, мелочностью своихъ чисто практическихъ и чаще всего—личныхъ интересовъ. Будучи прежде всего литераторомъ, Чеховъ, однако, настолько рѣзко отличался отъ большинства пишущихъ, что къ нему даже не шло слово „литераторъ“, какъ не идетъ оно, напримѣръ, къ Толстому, и не идетъ прежде всего потому, что большинство нашего брата—люди, живущіе только жаждой заработка и повышеній, интересами только своего мірка и своей службы. И поэтому разговоры о литературѣ Чеховъ заводилъ только тогда, когда зналъ, что его собесѣдникъ любитъ въ литературѣ прежде всего искусство, безкорыстное и свободное.

— Никому не слѣдуетъ читать своихъ вещей до напечатанія,—говорилъ онъ нерѣдко.—А главное, никогда не слѣдуетъ слушать ничьихъ совѣтовъ. Ошибся, соврали—пусть и ошибка будетъ принадлежать только тебѣ. Послѣ тѣхъ высокихъ требованій, которыя поставилъ своимъ мастерствомъ Мопассанъ, трудно работать, но работать все же надо, особенно намъ, русскимъ, и въ работѣ надо быть смѣлымъ. Есть большія собаки и

есть маленькія собаки, но маленькія не должны смущаться существованіемъ большихъ: всѣ обязаны лаять—и лаять тѣмъ голосомъ, какой Господь Богъ далъ.

Все, что совершалось въ литературномъ мірѣ, было очень близко его сердцу, и много волненій пережилъ онъ среди той глупости, лжи, манерности и фокусничества, которыя столь пышно цвѣтутъ теперь въ литературѣ. Но никогда не замѣчалъ я въ его волненіяхъ мелочной раздражительности, и никогда не примѣшивалъ онъ къ нимъ личныхъ чувствъ. Почти про всѣхъ умершихъ писателей говорятъ, что они радовались чужому успѣху, что они были чужды самолюбія, и поэтому, если бы у меня была хоть тѣнь сомнѣнія относительно писательскаго самолюбія Чехова, я совсѣмъ не затронулъ бы вопроса о самолюбіяхъ. Но онъ дѣйствительно радовался отъ всего сердца всякому таланту, и не могъ не радоваться: слово „бездарность“ было, кажется, наивысшей бранью въ его устахъ. Къ своимъ же успѣхамъ и неуспѣхамъ онъ относился такъ, какъ могъ относиться только онъ одинъ.

Онъ работалъ почти 25 лѣтъ, и сколько плоскихъ и грубыхъ упрековъ выслушалъ онъ за это время! Одинъ изъ самыхъ величайшихъ и деликатнѣйшихъ русскихъ поэтовъ, онъ никогда не говорилъ языкомъ проповѣдника. А можно ли при этомъ рассчитывать на пониманіе и благосклонность критики въ Россіи? Вѣдь требовали же отъ Левитана, чтобы онъ „оживилъ“ пейзажъ... подрисовалъ коровку, гусей или женскую фигурку! И, конечно, не сладко было Чехову имѣть такихъ критиковъ, и много горечи они влили въ его душу, и безъ того отравленную русской жизнью. И горечь эта сказывалась, но опять-таки только *сказывалась*.

— Да, Антонъ Павловичъ, вотъ скоро и юбилей вашъ будемъ праздновать!

— Знаю-съ я эти юбилей. Бранить человѣка двадцать пять лѣтъ на всѣ корки, а потомъ дарятъ ему гусиное перо изъ алюминія и цѣлый день пестуютъ надъ нимъ, со слезами и поцѣлуями, восторженную ахивку!

И чаще всего на разговоры о его славѣ и о томъ, что о немъ пишутъ, онъ отвѣчалъ именно такъ—двумя-тремя словами или шуткой.

— Читали, Антонъ Павловичъ?—скажешь ему, увидавъ гдѣ-нибудь статью о немъ.

А онъ только покосится поверхъ пенснэ и комично выткнувъ лицо, отвѣтитъ своимъ груднымъ басомъ:

— Покорно васъ благодарю! Напишутъ о комъ-нибудь тысячу строкъ, а внизу прибавятъ: „а то вотъ еще есть писатель Чеховъ: нытикъ“.

И только иногда прибавитъ серьезно:

— Когда васъ, милостивый государь, гдѣ-нибудь бранятъ, вы почаще вспоминайте насъ, грѣшныхъ: насъ, какъ въ бурсѣ, критики драли за малѣйшую провинность. Мнѣ одинъ критикъ пророчилъ, что я умру подъ заборомъ: я представлялся ему молодымъ человѣкомъ, выгнаннымъ изъ гимназій за пьянство.

Злымъ Чехова я никогда не видалъ; но и раздражался онъ рѣдко, а если и раздражался, то изумительно умѣлъ владѣть собой. Помню, напримѣръ, какъ онъ однажды былъ взволнованъ характеристикой его таланта въ одной очень толстой и очень тупой книгѣ, гдѣ говорилось о „равнодушіи“ Чехова къ вопросамъ нравственности и общественности и о его мнимомъ пессимизмѣ. И, однако, его волненіе сказалось только въ двухъ, сурово и задумчиво сказанныхъ, словахъ:

— Форменный идиотъ!

Но и холоднымъ я его не видалъ. Холоденъ онъ бывалъ, по его словамъ, только за работой, къ которой

онъ приступалъ всегда уже послѣ того, какъ мысль и образы его будущаго произведенія становились ему совершенно ясны, и которую онъ исполнялъ почти всегда безъ перерывовъ, неукоснительно доводя до конца.

— Садитесь писать нужно тогда, когда чувствуешь себя холоднымъ, какъ ледь,—сказалъ онъ однажды.

Но, конечно, это была совѣтъ особая холодность... Ибо много ли среди русскихъ писателей найдется такихъ, у которыхъ душевная чуткость и сила восприимчивости были бы сложнѣе, больше Чеховскихъ?

Чтобы эта сложная и глубокая душа стала ясна, нужно, чтобы какой-нибудь очень большой и очень разносторонній человѣкъ написалъ книгу жизни и творчества этого „несравненнаго“, по выраженію Толстого, художника. Я же всей душой свидѣтельствую пока одно: это былъ человѣкъ рѣдкаго душевнаго благородства: воспитанности и изящества въ самомъ лучшемъ значеніи этихъ словъ, мягкости и деликатности при необыкновенной искренности и простотѣ, чуткости и нѣжности при рѣдкой правдивости.

Быть правдивымъ и естественнымъ, оставаясь въ то же время плѣнительнымъ,—это значитъ быть необыкновенной по красотѣ, цѣльности и силѣ натурой. И такъ часто говорилъ я здѣсь о спокойствіи Чехова именно потому, что его спокойствіе кажется мнѣ свидѣтельствующимъ о рѣдкой силѣ его природы. Оно, я думаю, не покидало его даже въ дни самаго яркаго расцвѣта его жизнерадостности, и, можетъ быть, именно оно дало ему въ молодости возможность не сложиться ни передъ чьимъ вліяніемъ и начать работать такъ безпритязательно и въ то же время такъ смѣло, „безъ всякихъ контрактовъ съ своей совѣстью“ и съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ.

Помните слова старого профессора въ „Скучной исторіи“?

„Я не скажу, чтобы французскія книжки были и умны, и талантливы, и благородны; но онѣ не такъ скучны, какъ русскія, и въ нихъ не рѣдкость найти главный элементъ творчества—чувство личной свободы...“

И вотъ этимъ-то чувствомъ личной свободы и отличается Чеховъ, не терпѣвшій, чтобы и другихъ лишали ея, и становившійся даже рѣзкимъ и прямолинейнымъ, когда видѣлъ, что на нее посягали.

Какъ извѣстно, эта „свобода“ не прошла ему даромъ; но Чеховъ былъ не изъ тѣхъ, у которыхъ двѣ души: одна для себя, другая—для публики. Успѣхъ, который онъ имѣлъ, очень долго, до смѣшного, не соответствовалъ его заслугамъ... Но сдѣлалъ ли онъ за всю жизнь хоть малѣйшее усиліе для того, чтобы увеличить свою популярность? Онъ буквально съ болью и отвращеніемъ смотрѣлъ на всѣ тѣ пріемы, какіе нерѣдко пускаются теперь въ ходъ для пріобрѣтенія успѣха.

— А вы все думаете, что они—писатели! Они—извозчики!—говорилъ онъ съ горечью.

И его нежеланіе выставять себя на видъ доходило порой до крайностей.

„Публикуетъ „Скорпіонъ“ о своей книгѣ неряшливо,—писалъ онъ мнѣ послѣ выхода первой книги „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“. —Выставляетъ меня первымъ, и я, прочитавъ это объявленіе въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, далъ себѣ клятву больше уже никогда не вѣдаться ни со скорпіонами, ни съ крокодилами, ни съ ужами“.

Это было зимою 1900 г., когда Чеховъ, заинтересовавшись кое-какими черточками въ дѣятельности только-что организованнаго тогда книгоиздательства

„Скорпіонъ“, далъ, по моему настоянію, въ альманахъ этого книгоиздательства одинъ изъ своихъ юношескихъ разсказовъ: „Въ морѣ“. Впослѣдствіи онъ не разъ раскаивался въ этомъ.

— Нѣтъ, все это новое московское искусство—взоръ,—говорилъ онъ.—Помню, въ Таганрогѣ я видѣлъ вывѣску: „Заведеніе *искусственныхъ* минеральныхъ водъ“. Вотъ и это тоже самое.

А его сдержанность происходила изъ великаго аристократизма его духа и изъ его неустаннаго стремленія быть точнымъ въ каждомъ своемъ словѣ. Придетъ время, когда поймутъ какъ слѣдуетъ и то, что это былъ не только „несравненный“ художникъ, не только изумительный мастеръ слова, но и несравненный поэтъ... Только когда придетъ оно? Еще не скоро разгадаютъ во всей полнотѣ его тонкую и цѣломудренную поэзію, его силу и нѣжность.

„Здравствуйте, милый Иванъ Алексѣевичъ!—писалъ онъ мнѣ въ Ниццу.— Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Письмо Ваше получилъ, спасибо. У насъ въ Москвѣ все благополучно и скучно, новаго (кромѣ новаго года) ничего нѣтъ и не предвидится, пьеса моя еще не шла, и когда пойдетъ—неизвѣстно..... Очень возможно, что въ февралѣ я пріѣду въ Ниццу..... Поклонитесь отъ меня милому теплому солнцу, тихому морю. Живите въ свое полное удовольствіе, утѣшайтесь, не думайте о болѣзняхъ и пишите почаще Вашимъ друзьямъ..... Будьте здоровы, веселы, счастливы и не забывайте бурныхъ сѣверныхъ компатріотовъ, страдающихъ несвареніемъ и дурнымъ расположеніемъ духа. Цѣлую Васъ и обнимаю. Вашъ А. Чеховъ. (8 янв. 1904 г.)

„Поклонитесь отъ меня милому теплому солнцу, тихому морю...“ Такія слова я слышалъ отъ него рѣдко.

Очень часто я скорѣе чувствовалъ, что онъ долженъ произнести ихъ, и это были минуты, въ которыя мнѣ было очень, очень больно.

Помню одну ночь ранней весной. Было уже поздно, вдругъ меня зовутъ къ телефону. Подхожу и слышу басъ Чехова:

— Милледарь, возьмите хорошаго извозчика и заѣжайте за мной. Поѣдьте кататься.

— Кататься? ночью?—удивился я.— Что съ вами, Антонъ Павловичъ?

— Влюбленъ.

— Это хорошо, но уже десятый часъ... И потомъ— вы можете простудиться...

— Молодой человекъ, не разсуждайте-съ!

Черезъ десять минутъ я былъ уже въ *Ауткъ*. Въ домѣ, гдѣ зимою Чеховъ жилъ только съ матерью, была, какъ всегда, мертвая тишина и темнота,—только изъ комнаты Евгени Яковлевны пробивался сквозь дверную щель свѣтъ, да тускло горѣли двѣ свѣчки въ кабинетѣ, теряясь въ полумракѣ. И, какъ всегда, у меня сжалось сердце при видѣ этого тихаго кабинета, гдѣ для Чехова протекло столько одинокихъ зимнихъ вечеровъ полныхъ, можетъ быть, горькихъ думъ о судьбѣ, такъ одарившей его и такъ посмѣявшейся надъ нимъ.

— Какая ночь!— сказалъ онъ мнѣ съ необычной даже для него мягкостью и какой-то грустной радостью, встрѣчая меня на порогѣ кабинета.—А дома— такая скука! Только и радости, что затрещитъ телефонъ, да Софья Павловна спроситъ, что я дѣлаю, а я отвѣчу: мышей ловлю. Поѣдьте, въ *Орианду*. Простужусь— наплевать!

Ночь была теплая, тихая, съ яснымъ мѣсяцемъ, съ легкими бѣлыми облаками, съ рѣдкими лучистыми звѣздами въ голубомъ, глубокомъ небѣ. Экипажъ мягко

катился по бѣлому шоссе, и, обвѣянные тишиною ночи, мы молчали, глядя на блестящую тусклымъ золотомъ равнину моря... А потомъ пошелъ лѣсъ съ легкими узорами тѣней, похожими на паутину, но уже по весеннему нѣжный, красивый и задумчивый... Потомъ зачернѣли голыя гигантовъ-кипарисовъ, величаво вознесшихся къ лучистымъ звѣздамъ. И когда мы оставили экипажъ и тихо пошли подъ ними, мимо голубовато-блѣдныхъ въ лунномъ свѣтѣ развалинъ дворца, Чеховъ внезапно сказалъ мнѣ:

-- Знаете, сколько лѣтъ еще будутъ читать меня? Семь.

— Почему семь?—спросилъ я.

— Ну, семь съ половиной.

— Нѣтъ,—сказалъ я.—Поэзія живетъ долго и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе... какъ вино...

Онъ ничего не отвѣтилъ, но когда мы сѣли гдѣ-то на скамью, съ которой снова открылся видъ на блестящее въ мѣсячномъ свѣтѣ море, онъ скинулъ пенснэ и, поглядѣвъ на меня добрыми и усталыми глазами, сказалъ:

— Поэтами, милостивый государь, считаются только тѣ, которые употребляютъ такія слова, какъ „серебристая даль“, „аккордъ“ или „на бой, на бой, въ борьбу со тьмой!“

— Вы грустны сегодня, Антонъ Павловичъ,—сказалъ я, глядя на его простое, доброе и прекрасное лицо, слегка блѣдное отъ луннаго свѣта.

Опустивъ глаза, онъ задумчиво копалъ концомъ палки мелкіе камешки, но когда я сказалъ, что онъ грустенъ, онъ шуточно покосился на меня.

— Это вы грустны,—отвѣтилъ онъ.— И грустны оттого, что потратились на извозчика.

А потомъ серьезно прибавилъ:

— Читать же меня будутъ все-таки только семь лѣтъ, а жить мнѣ осталось и того меньше: шесть. Не говорите только объ этомъ одесскимъ репортерамъ...

На этотъ разъ, онъ ошибся: онъ прожилъ меньше...

Умеръ онъ спокойно, безъ страданій, среди тишины и красоты лѣтняго разсвѣта, который такъ любилъ всегда. И когда умеръ, „выраженіе счастья появилось на его сразу помолодѣвшемъ лицѣ...“ Вспоминаются слова Л. де Лилля:

Moi, je t'envie, au fond du tombeau calme et noir,
D'être affranchi de vivre et de ne plus savoir
La honte de penser et l'horreur d'être un homme!

Сентябрь 1904 г.

II

СНЫ.

Въ полѣ было холодно, туманно и вѣтрепо, смерклось рано. Еле свѣтили подкрученные фитили лампъ въ пустомъ вокзалѣ, и по всей залѣ третьяго класса, гдѣ на буфетной стойкѣ спалъ подъ тулупомъ сторожъ, рѣзко воняло керосиномъ. Я прошелъ въ слѣдующую комнату, но и тамъ было не лучше: медленно постукиваютъ въ полусумракѣ часы, сонно смотря со стѣнъ „правила для грузоотправителей“, на столѣ желтѣетъ прошлогодняя вода въ графинѣ... Не снимая полушубка, я легъ на вытертый плюшевый диванъ и тотчасъ-же уснулъ, утомленный тяжелой дорогой подъ дождемъ и снѣгомъ. Спалъ я, какъ мнѣ казалось, долго, но, открывъ глаза, съ тоской увидалъ, что на часахъ всего половина восьмого.

„И прошелъ тотъ день къ вечеру темныхъ осеннихъ ночей“, — вспомнилась мнѣ печальная строка изъ какой-то старой русской книги.

Попрежнему было холодно и тихо, какъ въ мертвецкой, попрежнему чернѣла за окнами тьма... И казалось, что не будетъ конца этому.

Когда часы перѣшительно, точно раздумывая, пробили девять, гдѣ-то завизжала и гулко хлопнула дверь, и вслѣдъ затѣмъ на платформѣ жалобно занялъ звонокъ. Выйдя въ залъ третьяго класса, я увидалъ мѣщанина въ картузѣ и чуйкѣ, который, поставивъ локти

на колѣни и положивъ въ ладони голову, неподвижно сидѣлъ на скамьѣ.

— Это поѣздъ вышелъ?—спросилъ я.

Мѣщанинъ встрепетулся и взглянулъ на меня испуганными глазами. Потомъ что-то пробормоталъ и, нахмурившись, быстро пошелъ къ дверямъ на платформу.

— У него жена въ родахъ помираетъ, — пояснилъ сторожъ, завертывая у буфетной стойки цыгарку изъ газетной бумаги. — У всякаго, значить, свое горе, — прибавилъ онъ разсѣянно и вдругъ, сладко зѣвнувъ, оживленно, съ непонятной, злой радостью заговорилъ:

— Вотъ тебѣ и женился на богатой! Второй день мучается, царскія врата отворили— все не помогаетъ. Теперь въ городъ за докторомъ скачетъ, а къ чему, спрашивается?

— Думаешь, не поспѣеть?— казалъ я.

— Никакъ! — отвѣтилъ сторожъ. — Вернется онъ завтра вблизи вечера, а она къ тому времени помретъ. Безпремѣнно помретъ,—прибавилъ онъ убѣжденно. — Три раза, говорить, на оракулъ кидалъ, — кто, молъ, раньше помретъ, я али жена, и три раза выходило одно и то же. Перва... какъ это? „Нечего тебѣ простирать въ даль своихъ намѣреній“, а потомъ и того хуже: „молись Богу, не пей вина и пива и готовься въ монастырь“... А вчерась, говорить, во снѣ видѣлъ: будто обрили его догола и всѣ зубы выпули...

Онъ, вѣрно, говорилъ бы еще долго, но тутъ тяжело зашумѣлъ подходящій товарный поѣздъ. Снова завизжала и заныла дверь, показался кондукторъ въ тяжелой мокрой шинели съ оторваннымъ на спинѣ хлястикомъ; за нимъ смазчикъ, съ тусклымъ фонаремъ въ рукахъ... Я ушелъ на платформу.

Тамъ, въ темнотѣ вѣтренной сырой ночи, я долго-

долго бродилъ мимо дверей вокзала. Медленно текли минуты за минутами,—наконецъ, сотрясая зазвенѣвшія рельсы, передъ платформой загорѣлся своими огромными неморгающими глазами пассажирскій паровозъ. Захвативъ вещи, я направился въ полутемный, теплый и вонючій вагонъ, переполненный спящимъ народомъ, и, уже на ходу поѣзда, нашель свободную скамейку въ углу около двери въ другое отдѣленіе. Въ зыбкомъ сумракѣ вокругъ меня беспорядочно темнѣли фигуры лежащихъ на лавкахъ и на поднятыхъ спинкахъ лавокъ, глухо гудѣлъ ропотъ колесъ, сливающийся съ храпомъ и соннымъ дыханіемъ, и, закрывая глаза, я уже начиналъ терять представленіе, въ какую сторону убѣгаетъ поѣздъ. Но прошелъ истопникъ съ кочергою, похожій на негра, и не затворилъ возлѣ меня двери. Послышался говоръ, потянуло махоркой... Мѣщанинъ, вѣхавшій въ городъ за докторомъ, лежалъ съ закрытыми глазами и съ угрюмо-сосредоточеннымъ выраженіемъ лица на четвертой отъ двери скамьѣ, а возлѣ двери, въ дымномъ сумракѣ подъ фонаремъ, тѣсной кучкой курили мужики и слушали кого-то, сидѣвшаго напротивъ.

— Да-а, братцы мои, — слышался сквозь гулъ бѣгущаго вагона чей-то голосъ,—да-а. И попадись въ это самое разнесчастное село старичокъ-священникъ изъ Епифани. Перевели его, значить, изъ города въ самый что ни-на-есть бѣдный приходъ, а за что перевели — пилъ доже... Значить, и перевели въ родѣ какъ бы за наказаніе... А старичокъ-то нить-то пилъ, да оказался такой, что лучше и не надо.

„Сколько, молъ, о. Петръ, за кстины аль за похороны беретъ?“

— „Не я, свѣтъ, беру, а нуждишка! Сколько силы твоей есть“...

И вотъ такъ-то вседа...

Перевели его, значить, весной, пробылъ онъ честь-честью лѣто, а осенью и захвораѣ. Года, что-ли, такіе, али простудился онъ, — лѣто-то, сами знаете, какое было, — только, видимое дѣло, — слабѣть сталъ. И вотъ, братьцы мои, почувавши такую исторію, вышелъ онъ на Покровъ послѣ обѣдни къ народу — и простился со всѣми:

„Должно, говоритъ, скоро я преставлюсь къ Господу Богу, міряне, — простите, ежели согрѣшилъ что“...

И, сказавши такимъ манеромъ, поклонился, значить, народу и ушелъ въ алтарь. А пришедчи домой, сѣлъ было обѣдать, ѣсть не наѣлъ, а только ложкой помутить, всталъ и говоритъ сторожу, что при ѣмъ замѣсто служки былъ:

„Что-й-то, говоритъ, мнѣ холодно, свѣтъ, и такъ-то скушно, — просто мочи нѣту. Все дочка-покойница вспоминается, все будто ждетъ она меня къ себѣ... Убирай, молъ, со стола, — не идетъ мнѣ ѣда на умъ“.

— „Напрасно вы такія рѣчи говорите, папаша, — это сторожъ-то ему, — напрасно, молъ, такъ скучились. Какіе ваши года? Какая такая кончина?“

„Нѣтъ, говоритъ, помру! Только дуже, говоритъ, вездѣ горя много, и ужли никакой тому переменны не буде, ужли не дожить мнѣ до ней?..“

А на дворѣ, не хуже теперешняго, дождь, незгода — и ужъ вечеръ заходить. Поглядѣлъ этакъ старичокъ въ окошечко, — „все, говоритъ, погниѣтъ въ полѣ“, — махнулъ ручкой и ушелъ къ себѣ въ горницу. А въ горницѣ оправилъ лампадку да и прилежъ на часокъ. То-ли онъ спалъ, то-ли такъ въ забытѣ лежалъ, — только ужъ и ночь на дворѣ, а онъ все лежитъ да лежитъ...

— Вонъ она, дѣло-то какая! — сказалъ кто-то съ глубокимъ вздохомъ. — На Покровъ, говоришь, вышло-то все это?

— Да вѣдь сказали — на Покровъ! — сумрачно перебилъ сиплымъ голосомъ большой рыжій мужикъ съ злыми глазами, въ рваномъ полушубкѣ, сидѣвшій на краю скамьи противъ рассказчика.

— На Покровъ, на Покровъ, — подтвердилъ и рассказчикъ. — Вечеромъ, значить, Ушелъ, говорю, къ себѣ въ горницу и легъ. Да-а... Ушелъ и лежитъ, а на дворѣ темь, вѣтеръ, и такъ будто угрѣлся старичокъ на лежаночкѣ насупротивъ лампадки, что никакъ не можетъ подняться, помолиться да и лечь какъ слѣдуетъ. Лежу, говоритъ, гляжу на лампадку, чувствую — въ сонъ клонить — и вдругъ отворяется тихенько-тихенько этакъ дверь — и входитъ ко мнѣ дочь-покойница. „Что такое, думаю, что за притча такая, Господи?“ А она подходитъ прямо ко мнѣ и кладетъ мнѣ руку на руку. — Сама вся въ черномъ, а лицо бѣлое-бѣлое да красивое! И этакъ вполголоса:

„Встань, говоритъ, батюшка, пойдѣ поскорѣ въ церковь“.

Я р-разъ съ постели, а ей ужъ нѣту! Что тутъ дѣлать? Посидѣлъ я, сидѣлъ, и что все больше сижу все чуднѣй и страшнѣй мнѣ становится. Вскочилъ, наконецъ того, на ноги, накинулъ шубенку, — самъ зубъ на зубъ не попадаю, — выбрался въ сѣнцы, нашель ключи на стѣнѣ... Темь, жуть, сѣнцы такъ и гудуть отъ бури, — нѣтъ, думаю, надо итить! — спѣшу на гору, дохожу къ церкви, — глядь, — а тамъ огонекъ теплится, ровно бы покойникъ на ночь поставленъ... Оторопѣлъ я опять, иначе перекрестился — и на паперть. Насилу ключемъ въ замокъ попалъ, отворяю, наконецъ того, двери — нѣтъ тебѣ никакого покойника, а только горитъ лампадка надъ царскими вратами, и такая жуть вездѣ, что и сказать нельзя! Кто-же это, думаю, лампадку зажегъ, что такое буде? Стою, ни живъ, ни мертвъ, —

удругъ — р-разъ! — отдернулася занавѣсъ на царскихъ вратахъ, и растворяются этакъ широко и тихо двери — и выходитъ изъ темени, изъ самаго алтаря, значить, агромадный красный кочетъ! Вышелъ, остановился, затрепыхалъ крыльями и какъ закричить на всю церкву: ку-ка-ре-ку! Пропѣлъ до трехъ разъ — и пропалъ. И только, значить, пропалъ — выходитъ изъ алтаря другой, — бѣлый, какъ кипень, и запѣлъ еще громче прежняго! И опять до трехъ разъ... У меня, рассказывалъ священникъ-то поутру, руки-ноги отнялись въ ту пору, а я все стою и жду, что будетъ дальше, а дальше, немало этакъ года, выходитъ и третій: черный, какъ головешка, изъ себя сумрачный — только гребешокъ свѣтится — и запѣлъ онъ, братцы мои, таково жутко и строго, что опустился я на колѣнки наземь и говорю этакъ вятно и раздѣльно на всю церкву: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!..“ И только, это, сказалъ я — нѣтъ тебѣ никакихъ кочетовъ, а стоитъ передо мною, замѣстъ ихъ, сѣденькій-сѣденькій монашекъ и говоритъ мнѣ тихимъ голосомъ:

„Не пужайся, служитель Божій, а объяви всему народу, что, молъ, означаетъ твая видѣніе. А означаетъ она бо-ольшія дѣла!..“

— Вотъ за это-то вашего брата и чертями-то называютъ, — громко сказалъ мѣщанинъ, открывая глаза и угрожающе нахмуриваясь. — Ночь, скука, а онъ ишь какія суевѣрія сидить-разводить! Ты къ чему все это гнешь-то, а?

— Да вѣдь я ничего плохого, — несмѣло пробормоталъ рассказчикъ.

— Позволь, — ты откуда взялъ-то все это?

— Какъ откуда? Самъ священникъ, говорятъ, рассказывалъ.

— Священникъ энтотъ померъ, — перебилъ мѣщанинъ.

— Это вѣрно, вѣрно... померъ... въ скорости и померъ...

— Ну, значить, и брешутъ на него, что въ голову влѣзеть. Вѣдь это сновидѣніе, — дубина!

— Да я-то про что-жь? Извѣстно, сновидѣніе. Ночь-то — годъ...

— Ну, и молчи, — опять перебилъ мѣщанинъ, укладывая голову на чуйку. — Да и курить-то пора бросить: вѣдь ужъ день скоро, а вы ишь надымили — овинъ чистый!

— Въ первый классъ иди, коли не идравится, — сипло и зло сказала рыжий мужикъ.

— Побреши еще!

— Брешутъ собаки да твои свояки.

Мѣщанинъ быстро поднялъ голову съ чуйки и какъ будто даже съ радостнымъ изумленіемъ раскрылъ глаза.

— Ну, смо-отри! — сказалъ онъ, покачивая головою. — Смотри, какъ бы я не потолковалъ съ тобой посурьезнѣи!

— Ужли побьешь? — съ радостной злобой спросилъ и рыжий мужикъ, оборачиваясь къ мѣщанину и глядя на него веселыми глазами.

— А ты что-жь, сукнинь сынъ, думаешь, на васъ теперь и управы нѣту?

— Не суйся, носъ сшибешь!

— Буде, буде, ребята! — закричали мужики, заволновавшись. — Вѣдь полночь на дворѣ, что домового-то тѣшить!

Брапившіеся смолкли, и въ вагонѣ на время наступила тишина. Потомъ мѣщанинъ вздохнулъ и снова положилъ голову на чуйку.

— Ну, и стерва, прости Ты меня, Господи, — задумчиво и серьезно сказалъ онъ такимъ тономъ, точно былъ въ вагонѣ одинъ.

И опять наступила тишина, нарушаемая только глу-

химвъ говоромъ колесъ, храпомъ и ровнымъ дыханіемъ спящихъ.

— А за что ругаться-то?—спросилъ немного погодя рассказчикъ, видя, что бранившіеся угрюмо успокоились.—Кто первый зачалъ-то? Вѣдь ты. Мы балакали промежь себя...

— Чо-орть!—отвѣтилъ мѣщанинъ поспѣшно, и въ голосъ его дрогнула страдальческая пота.—Вѣдь ночь, скука, а у меня, можетъ, жена и дите помираютъ. Пойми!

— Горя-то и у другихъ не менѣ твоего,—отвѣтилъ рыжій мужикъ.

— Не меня!—передразнилъ мѣщанинъ.—Я, можетъ, тысячи не пожалѣтъ бы теперь на доктора, а онъ за сто верстъ, а дорога—ни проходу, ни проѣзду, а ночь, хоть глазъ выколи! Вчера съ измаялся, ткнулся въ чемъ былъ на постель и вижу—будто обрили меня догола и всѣ зубы вынули! Пойми—сладко!

— Ага!—сказалъ рыжій мужикъ.—Спокайся! Повѣрилъ въ сонъ-то! А то—сновидѣніе!..

— До Туровки кто имѣетъ билеты?—прокричалъ въ это время кондукторъ, проходя по вагону.—Билеты до Туровки кто имѣетъ?

И, освѣтивъ фонаремъ чьи-то ноги, крѣпко хлопнулъ возлѣ меня дверью.

Поднявшись съ мѣста, я снова отворилъ ее и сталъ на порогъ, но разговоръ между мѣщаниномъ и мужиками уже прекратился. Мѣщанинъ лежалъ лицомъ къ спинкѣ дивана, угрюмо согнувшись, а рыжій мужикъ, какъ бы забывъ о его существованіи, сидѣлъ со спокойно-сдвинутыми бровями и говорилъ тому, который рассказывалъ:

— Ну, ну, досказывай дальше.

Нѣсколько полдубковъ стѣснилось вокругъ рассказчика, нѣсколько глазъ серьезныхъ блестяло въ дымъ

ночь сумракъ глухо гудящаго и бѣгущаго вагона. Оглянувъ ихъ, рассказчикъ вздохнулъ и уже хотѣлъ было начать говорить, но въ это время рыжій подпалъ на меня свои сумрачно-злые глаза и сипло сказалъ:

— А тебѣ, господинъ, что надо?

— Послушать хотѣлъ,—отвѣтилъ я.

— Не господское это дѣло мужицкія побаски слушать.

Я возвратился на свое мѣсто и посмотрѣлъ на часы. Было уже поздно—далеко за полночь. Долгая дорога въ полѣ, подъ дождемъ и снѣгомъ, долгій вечеръ на станціи, полутемный, вонючій вагонъ, безконечная осенняя ночь, мрачнѣе вѣще сны, порожденные ею.. Но эти сны такъ шли къ этой ночи и такъ жадно хотѣлось слушать ихъ!

— Да-а, братцы мои,—снова заговорилъ рассказчикъ прежнимъ тономъ, какъ только я отошелъ,—и стойтъ, значить, передъ нимъ сѣденькій-сѣденькій монашекъ и говорить ему тихимъ голосомъ:

„Не пужайся, моль, служитель Божій, а слушай мене и объяви народу, что, моль, означаетъ твоя видѣніе. А означаетъ она ба-альшія дѣла...“

Но начавъ громко, рассказчикъ мало-по-малу сталъ понижать голосъ и послѣднія слова проговорилъ уже полупопотомъ. Тщетно я вслушивался—все тонуло въ ропотъ колесъ и въ тяжкомъ храпѣ спящихъ. Заслышавъ сквозь этотъ ропотъ далекій заунывный свистокъ паровоза, возвѣщавшій о станціи, съ лавки возлѣ меня поспѣшно вскочилъ юнкеръ въ очкахъ, оглянувшись вокругъ себя испуганными глазами и, быстро опустившись на скамью и облокотившись на свой сундучекъ, тотчасъ-же слова заснулъ. Кака-то пожилая женщина въ темномъ ситцевомъ платьѣ, спавшая напротивъ съ ребенкомъ у раскрытой груди, поднялась, болѣ-
3

ненно морщась, съ мѣста и поплелась въ сѣни. Все остальное хралѣло въ зыбкомъ сумракѣ, и мертвыя фигуры лежащихъ, мѣшки, сундуки и полущубки составляли грубую и печальную картину, которая раскачивалась передо мною, какъ во снѣ. Мужикъ, рассказывавшій про пѣтуховъ, сидѣлъ теперь, подавшись впередъ къ рыжему, и что-то негромко, но горячо говорилъ, но когда я настораживался, чтобы расслышать, что онъ говоритъ, изъ дымнаго сумрака противъ меня блестяли только загадочно-серьезные и злые глаза.

ЗОЛОТОЕ ДНО.

1.

Тишина—и запусѣніе. Не оскудѣніе, а *запустѣніе*... Не спѣша бѣгутъ лошади среди зеленыхъ холмистыхъ полей; ласково вѣтегъ навстрѣчу вѣтеръ и убаюкивающе звенятъ трели жаворонковъ, сливающимся съ однообразнымъ топотомъ копытъ. Вотъ съ одного изъ косогоровъ еще разъ показалась далеко на горизонтѣ низкимъ синѣющимъ силуэтомъ станція... Но, обернувшись черезъ минуту, я уже не вижу ея. Она скрылась, чтобы больше не показываться, и теперь во кругъ тарантаса—только пары, хлѣба и лоцинки съ дубовымъ кустарникомъ...

— Ну, что же новенькаго, Корней?—спрашиваю я кучера, молодого загорѣлаго мужика съ умными, слегка прищуренными глазами.

— Новенькаго?—сдержанно отвѣчаетъ Корней, не оборачиваясь.—Новаго у насъ ничего нѣту.

— Значить, живете по старому?

— Это правильно. Плохо живемъ...

Не много новаго узнаю я и въ Княжомъ, имѣніи сестры, гдѣ я всегда дѣлаю остановку на пути къ Родникамъ. Когда я отдыхаю послѣ завтрака у раскрытыхъ оконъ зала, мнѣ кажется, что еще годъ тому назадъ усадьба не была такъ ветха и безлюдна. Все, значить,

идеть как слѣдуетъ: неуклонное разрушеніе. Полы и потолки въ залѣ еще немного покосились и потемнѣли, вѣтви запущеннаго палисадника лѣзуть уже въ самыя окна, тесовыя крыши службъ серебрятся и даютъ кое-гдѣ трещины... А по двору, держа въ поводу худого стригуна, запряженнаго въ водовозку, еле бредеть полуслѣпой и глухой Антипушка, и разохшіяся колеса водовозки порою такъ неистово взвизгиваютъ, что больно слушать.

— Такъ плохи, говоришь, дѣла?—спрашиваю я сестру которая курить и задумчиво смотреть куда-то въ даль, на косогору за лугомъ и рѣчкой.

— Совсѣмъ, совсѣмъ плохи!—поспѣшно, какъ будто даже съ удовольствіемъ подтверждаетъ сестра.—Будь капиталъ, еще, можетъ быть, можно было бы поправить. Въдъ земля-то сущее золотое дно. Но банкъ, банкъ!

— Зато тишина-то какая!—говорю я.

— Ужъ этого—хоть отбавляй!—съ угрюмой проницательностью соглашается племянникъ-студентъ.—Дѣйствительно—тишина, и прескверная, чортъ ее дери, тишина! Въ родѣ пересыхающаго пруда. Издали—хоть картину пиши. А подойди—затхлостью понесетъ, ибо воды-то въ немъ на вершокъ, а тины—на двѣ сажени, и караси все подошли... Дно-то, дѣйствительно, золотое, только до него самъ чортъ не докопается!.

2.

Отъ Княжого дорога вѣтся сперва по перелѣскамъ, потомъ пропадаетъ въ большомъ кологривовскомъ „Заказѣ“. Въ прежнее время она далеко обходила его,—теперь ѣздить прямо, по двору кологривовской усадь-

бы, раскинувшейся по сторонамъ лѣсного оврага своимъ одичавшимъ садомъ и кирпичными разрушающимися службами. Какъ только въ лѣсъ врывается громыханіе бубенчиковъ, изъ усадьбы ему отвѣчаетъ угрюмый лафъ овчарокъ, ведущихъ свой родъ отъ тѣхъ свирѣпыхъ псовъ, что сторожили когда-то не менѣе свирѣпую и угрюмую жизнь старика Кологривова. Пока тарантасъ, сопровождаемый лаемъ, съ грохотомъ катится по мостикамъ черезъ овраги, я смотрю на груды кирпичей, оставшихся отъ сгорѣвшаго дома и потонувшихъ въ бурьянѣ, и думаю о томъ, что сдѣлалъ бы старикъ Кологривовъ, если бы онъ увидѣлъ нахаловъ, скачущихъ по двору его усадьбы! Въ дѣтствѣ я слышалъ про него поистинѣ ужасы. Говорили, что при крѣпостномъ правѣ онъ застѣвалъ мужиковъ до-смерти, заковывалъ ихъ въ кандалы, травилъ борзыми... Одна изъ любовницъ пыталась опонть его какими-то колдовскими травами,—онъ заточилъ ее своимъ судомъ въ монастырь... Когда объявили волю, онъ „тронулся“, какъ говорили, „въ отдѣлку“, и съ тѣхъ поръ почти никогда не показывался изъ дому. Медленно разоряясь, онъ днемъ пьянствовалъ, а по ночамъ, дрожа отъ страха, что его убьютъ, сидѣлъ въ шапочкѣ съ мошей угодника и громко читалъ заговоры, псалмы и покаянныя молитвы собственнаго сочиненія... Осенью однажды его нашли въ моленной мертвымъ... И усадьба одичала.

— Не знаешь, не продали еще? — спрашиваю я Корнея.

— Продали,—отвѣчаетъ онъ.—И продали-то, говорятъ, за тришку. Живетъ тутъ приказчикъ отъ наслѣдниковъ, а ему что-жъ? Не свое доброе. Безъ хозяина, извѣстно, и товаръ—сирота. А земля тутъ—прямо золотое дно!

— Хороша?

— Дюже хороша! Аршинъ чернозему. А лѣсъ-то!

Правда—славный лѣсъ! Горько и свѣжо пахнеть березами, весело отдается подъ развѣсистыми вѣтвями громаханіе бубенчиковъ, птицы сладко звенять въ зеленыхъ чащахъ... На полянахъ, густо заросшихъ высокою травой и цвѣтами, просторно стоятъ столѣтнія березы по двѣ, по три на одномъ корнѣ. Предвечерній золотистый свѣтъ наполняетъ ихъ тѣнистыя вершины. Внизу, между бѣлыми стволами, онъ блеститъ яркими длинными лучами, а по опушкѣ бѣжитъ навстрѣчу тарантасу стальными просвѣтами. Просвѣты трепещутъ, сливаются, становятся все шире... И вотъ опять просторно и свѣтло кругомъ, опять вѣетъ сладкимъ ароматомъ зацвѣтающей ржи, и пристаянная на бѣгу хватаетъ пучки сочныхъ стеблей...

— А вонъ и Батурино...—не спиша, насмѣшливо говорятъ Корней.

И я уже понимаю его.

— Что, и тутъ плохо?

— Да ужъ молодые-то уѣхали. А старуха домъ продаетъ. Добилась до послѣдняго.

— А какъ бы заглянуть туда?

— Да скажите, что, молъ, домъ себѣ для Родниковъ присматриваю...

3.

Въ Батурино—это большая деревня, по ужъ извѣстно, что такое „барская“ деревня!—въ Батурино тихо и жарко. Скучно лоснится на солнцѣ мелкій длинный прудъ желтой глинистой водой; баба возлѣ навозной плотины лѣниво бьетъ валькомъ по мокрому сѣрому холсту... Съ плотины дорога поднимается въ гору воз-

лѣ батуриносакаго сада. Садъ еще до сихъ поръ густъ и живописенъ, и, какъ на идиллическомъ пейзажѣ, стоитъ въ его наголовьи сѣрый большой домъ подъ бурой, ржавой крышей. Но усадьба, усадьба! Цѣлая поэма запустѣнія! Отъ варка остались только стѣны, отъ людской избы—раскрытый остовъ, безъ оконъ, и всюду, къ самымъ порогамъ, подступили лопухи и глухая крапива. А на „черномъ“ крыльцѣ стоитъ и въ страхѣ глядитъ на меня слезящимся глазами какая-то старуха... Понявъ изъ моихъ неловкихъ объясненій, что я хочу посмотреть домъ, она снѣшитъ предупредить барыню.

— Я доложу-сь, доложу-сь, —бормочетъ она, скрываясь въ темныхъ сѣняхъ.

Больно, должно быть, Батуриной выходить послѣ такихъ докладовъ! И правда,—когда черезъ нѣсколько минутъ отворяется дверь, я вижу растерянное старческое лицо, виноватую улыбку голубыхъ кроткихъ глазъ... Дѣлаемъ видъ, что мы очень рады другъ другу, что этотъ осмотръ дома—вещь самая обыденная, и Батурина любезнымъ жестомъ приглашаетъ войти, а другою дрожащей рукой старается застегнуть воротъ своей темной кофточки изъ дешевенькаго поваго ситцу.

Бормоча что-то притворно-веселое, я вхожу въ переднюю... Боже мой, да это ночлежка! Темно, душно, стѣны, оклеенныя старыми газетами, закопчены дымомъ махорки, которую куритъ бывший староста Батуриныхъ, Дронъ, не покинувшій усадьбу и донинѣ... Направо—дверь въ его коморку, прямо—комната старухъ, скудно освѣщенная окномъ съ двойными рамами, съ радужными, выгорѣвшими отъ солнца стеклами...

— Мы вѣдь въ пристройкѣ-сь теперь живемъ,—ви-

повато поясняетъ Батурина.—Вѣдь знаете, какіе года-то пошли, да и теплѣ тутъ зимою...

— Да, можетъ быть, я беспокою васъ?

Старуха трясетъ головой и смотритъ недоумѣвающе и вопросительно.

— Не беспокою ли я васъ?—говорю я громче.

Разслушавъ, Батурина поспѣшно улыбается.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ,—отвѣчаетъ она съ ласковой снисходительностью.—Пожалуйте-съ.

И отворяетъ дверь въ корридоръ...

Охъ, какъ мрачно въ этихъ пустыхъ комнатахъ! Первая, въ которую я заглядываю изъ корридора, была когда-то кабинетомъ, а теперь превращена въ кладовую: тамъ ларь съ солью, кадушка съ пшеномъ, какія-то бутылки, позеленѣвшіе подсвѣчники... Въ слѣдующей, бывшей спальнѣ, возвышается пустая и огромная, какъ саркофагъ, кровать... И старуха отстаетъ отъ меня и скрывается въ кладовой, яко-бы чѣмъ-то озабоченная. А я медленно прохожу въ большой гулякій залъ, гдѣ въ углахъ свалены книги, пыльные акварельные портреты, пожки столовъ... Галка вдругъ срывается съ криво висящаго надъ ломбернымъ столикомъ зеркала и на лету ныряетъ въ разбитое окно... Вздвогнувъ отъ неожиданности, я отступаю къ стекляннйи двери на разохпшійся балконъ, съ трудомъ отворяю ее — и прикрываю глаза отъ низкаго яркаго солнца. Какой вечеръ! Какъ все красиво въ запущенномъ саду, какъ все цвѣтетъ и зеленѣетъ, обновляясь каждую весну, и какъ сладостно журчатъ въ густомъ вишенникѣ, перепутанномъ съ сиренью и шиповникомъ, кроткія горлинки, вѣрные друзья погибающихъ помѣщичьихъ гнѣздъ!..

Вечеръ въ полѣ встрѣчаетъ насъ еще большей красотой,—цѣлымъ архипелагомъ пышныхъ золотисто-лиловыхъ облаковъ на западѣ, необыкновенной нѣжностью и ясностью далей.

— Дядя, дай сѣрничка!—кричитъ одинъ изъ мальчишекъ, стерегущихъ на парахъ лошадей, и, вскочивъ съ межи, бѣгомъ догоняетъ тарантасъ.

Но Корней суровъ и задумчивъ. Онъ съ наслажденіемъ вытягиваетъ мальчишку кутоиъ и сдержанно покрикиваетъ на лошадей.

— О чемъ онъ думаетъ?—думаю я, глядя на его выгорѣвшій на солнцѣ картузь.

И, точно угадавъ мой вопросъ, Корней слегка повертывается на облучкѣ и, слѣдя задумчивымъ взглядомъ за мелькающими подковами пристяжныхъ, начинаетъ говорить...

— Всѣмъ — не медъ, — говоритъ онъ.—Не однимъ господамъ... Хрестыанскій бапкъ, моля, помогаетъ! Да нѣтъ, въ долгъ-то не проживешь! Купятъ мужики сто-двѣсти десятинъ,—конечно, компаніей, не собравъсь съ силой, и запутаются, и пороватъ слопать другъ друга. А пойдутъ свары—дѣло и совѣмъ изгадится, и хоть на переметъ съ обрывкомъ лѣвъ!

— Однако же, — говорю я, — крупныхъ-то господъ осталось три-четыре на уѣздъ, — значитъ, расходится земля по народу.

— По городскимъ купчишкамъ да лавошникамъ,—поправляетъ Корней.—По нимъ, а не по народу... И опять же земля безъ настоящаго хозяина остается: имъ вѣдь только бы купить, благо дешево, а жить-то они

вѣдь тутъ не стапуть! Ну, вотъ ихъ-то, чертей, и зажать бы въ тѣсномъ мѣстѣ!

— Слѣдовало бы?

Но Корней отводитъ глаза въ сторону.

— Попойтъ бы пора,—говорить онъ дѣловымъ тономъ.

— На Ворглѣ попоймъ.

— Ну, на Ворглѣ, такъ на Ворглѣ... Эй, не рапо!..

Свѣжѣть, и блескъ вѣчера меркнетъ. Меланхолично заснѣбли поля, далеко, далеко на горизонтѣ уходитъ за черту земли огромнымъ мутно-малиновымъ шаромъ солнце. И что-то сказочное, старо-русское есть въ этой печальной картинѣ, въ этой синѣющей дали съ мутно-малиновымъ щитомъ. Вотъ онъ еще болѣе потускнѣлъ, вотъ отъ него остался только сегментъ, потомъ—вонутая дрожащая огненная полоска... Быстро падаетъ синеватый сумракъ лѣтней ночи, точно кто незримо съѣтъ его,—свѣжѣть сильнѣе: въ лужакахъ уже холодно, какъ въ погребѣ, и рѣзко пахнетъ росистой зеленью,—только изрѣдка повѣваетъ откуда-то тепломъ... Въ сумракѣ мелькаютъ придорожныя лозинки, и на нихъ, нахохлившись, спятъ вороны... А на востокѣ медленно показывается большая голова блѣднаго мѣсяца.

Какъ печальны кажутся въ это время темныя деревушки, мертвую тишину которыхъ будить звукъ рессоръ и бубенчиковъ! Какъ глуха и пустыня кажется старая „большая“ дорога, тоже запустѣвшая, давно забытая и пеѣзженная!.. Слава Богу, хоть мѣсяцъ выходитъ! Все веселѣе... А вотъ и поворотъ на проселокъ, на Ворголь.

3.

Ворголь—нежилой хуторъ покойной тетки, степная деревушка на мѣстѣ спесенной дѣдовской усадьбы и

большого села, три четверти котораго ушло въ Сибирь, на новыя мѣста. Отъ усадьбы уцѣлѣли только остатки сада, сливагося съ хлѣбами, да небольшой флигель. Дорога долго идетъ подъ изволокъ,—паконецъ, когда уже становится свѣтло отъ мѣсяца, тарантасъ шибко подкатываетъ по густой росистой травѣ къ одинокому флигелю на скатѣ котловины среди косогородовъ... Звонъ бубенчиковъ замираетъ, и насъ охватываетъ гробовое молчаніе.

— Ужъ и глухо же тутъ!—говоритъ Корней, слѣзая съ козель, и голосъ его странно звучитъ возлѣ пустыхъ стѣнъ.—Посидите тутъ на крылечкѣ, а я лошадей попою и овсеца имъ кину.

И медленно отводитъ громыхающихъ бубенчиками лошадей подъ гору, къ колодцу. А я поднимаюсь на деревянное крыльцо флигеля и сажусь на одну изъ ступенекъ.

Но жутко здѣсь, въ этой котловинѣ, со всѣхъ сторонъ замкнутой холмами, спускающимися къ пересохшему руслу Воргла, и блѣдно освѣщенной невѣрнымъ мѣсячнымъ свѣтомъ! Пустой широкій дворъ хутора переходитъ въ мужицкій выгонъ, а за выгономъ чернѣетъ семь приземистыхъ избушекъ, такъ глубоко затаившихъ въ себя ночную жизнь, что деревушка кажется совершенно необитаемой. И я не выдерживаю.

— Корней,—говорю я, какъ только Корней показывается съ лошадьми изъ-подъ горы,—надо ѣхать! Поѣдемъ пажкомъ, а ужъ покормимъ дома.

Корней останавливаетъ лошадей противъ крыльца.

— Ай соскучились?

— Соскучился. Ну, его къ чорту... Ѣдемъ.

— Это еще милость,—говоритъ Корней насмѣшливо.—Вы бы осенью али зимой заѣхали!

— И какъ вы только живете тутъ!

Корней завертываетъ цыгарку, глядя въ землю, и долго молчитъ. Потомъ сдержанно отвѣчаетъ:

— Живемъ пока...

— То-есть какъ „пока“? А потомъ-то что-жь?

— Потомъ—что Богъ дастъ. Все что-нибудь будетъ...

— Что же?

— Да что-нибудь будетъ... Не вѣкъ же тутъ сидѣть,—чертямъ оборки вить! Разойдется народъ по другимъ мѣстамъ, либо еще какъ...

— А какъ?

При свѣтѣ мѣсяца ясно видно лицо Корнея, но, опуская голову, онъ сдвигаетъ брови и отводитъ глаза куда-то въ сторону.

— Какъ иначе-то?—повторяю я.

— Тамъ видно будетъ,—отвѣчаетъ Корней уже со всѣмъ хмуро.—Поѣдьте, баринъ,—не рано!

И молча лѣзетъ на козлы.

У ИСТОКА ДНЕЙ.

1.

Въ туманѣ моего прошлаго есть одинъ далекій день, который я вспоминаю особенно часто.

Я вижу большую комнату въ бревенчатомъ флигелѣ на хуторѣ средней Россіи.

Одно окно этой комнаты—на югъ, на солнце, два другихъ—на западъ, въ вишневый садъ.

Въ простѣнкѣ между ними стоитъ старинный туалетъ краснаго дерева, а на полу возлѣ него сидитъ ребенокъ трехъ или четырехъ лѣтъ.

Онъ одинъ въ комнатѣ и чувствуетъ себя необыкновенно счастливымъ.

На дворѣ сухо, весело—погожий конецъ степнаго августа—и солнечный свѣтъ косо падаетъ изъ окна, выходящаго на югъ, почти до того мѣста, гдѣ сидитъ на полу ребенокъ.

И это радуетъ его тѣмъ болѣе, что есть тихое очаровательное дѣло.

Онъ открылъ дверцу въ тумбѣ туалета, обоняетъ кисленькій запахъ старинныхъ духовъ и тщательно укладываетъ на полированную полочку синія гербовыя бумаги.

Нужды нѣтъ, что эти бумаги покрыты строками крупныхъ непонятныхъ завитушекъ, и что не приказано

ни рвать, ни пачкать ихъ: радостно уже одно то, что обладаешь ими, что ихъ много, и что можно раскладывать ихъ въ тумбѣ, которая отнынѣ будетъ твоею.

Такъ было и сказано:

— Вотъ эта тумбочка съ нынѣшняго дня—твоя.

А для того, чтобы было что укладывать, подарили большую кипу синихъ бумагъ съ красивыми двуглавыми орлами. Накопится много и другихъ вещей, вроде коробочекъ и граненыхъ пузырьковъ, стоящихъ на туалетѣ. И все это будетъ спрятано сюда же.

Но на свѣтѣ, какъ извѣстно, все кончается: бумаги уже нѣсколько разъ укладывались на полочкѣ и такъ, и этакъ, порядокъ, въ которомъ онѣ должны быть, етрого обдуманъ и, наконецъ, установленъ,—остается затворить тумбу, поглядѣть на нее съ пріятнымъ чувствомъ собственности—и заняться чѣмъ-нибудь другими.

Чѣмъ же?

Ребенокъ стоитъ возлѣ туалета и осматривается

Увы, въ простой деревенской комнатѣ съ голыми бревенчатыми стѣнами совсѣмъ почти пусто: только стулья, да большая кровать, да августовское солнце, косо озаряющее изъ окна некрашенный полъ.

Пріятно подойти къ окну, почувствовать тепло солнечнаго блеска и, прижавшись лицомъ къ холодному стеклу, расплющить носъ... Но пріятно это тогда, когда за окномъ кто-нибудь есть,—когда кто-нибудь видитъ со двора этотъ смѣшно расплуженный носъ.

Очень заманчива и паутина,—легкая восьмигранная сѣтка въ верхнемъ углу окна. Но, во-первыхъ, до нея не дотянешься, если даже приставить къ окну стулъ, а во-вторыхъ, изъ щели въ углу можетъ выбѣжать на высокихъ тонкихъ ножкахъ большой сѣрый паукъ.

И ребенокъ, поднявъ глаза на уголокъ окна, чувствуетъ сладкій страхъ при мысли о таинственномъ хо-

зянѣ этой паутины, имя котораго онъ произносить съ запиской, по крестьянски—пуакъ—и который такъ сердито выскакиваетъ изъ своей щели, когда въ его сѣтъ попадетъ муха.

Жутко и любопытно слѣдить тогда за ея гибелью!

Жалобно и долго, долго поетъ она въ тишинѣ пустой комнаты. Точно зоветъ на помощь... Но помощи нѣтъ ни откуда, и время течетъ среди ея однотоннаго плача въ полной неизвѣстности, что будетъ дальше... И вдругъ, онъ, этотъ темно-сѣрый страшный паукъ, выскакиваетъ изъ щели и быстро бѣжитъ по паутинѣ... схватываетъ муху въ лапы, замираетъ съ нею на мѣстѣ и, наконецъ, уже слабую, затихающую, тянетъ ее въ свое жилище.

Что это за жилище? Что дѣлаетъ въ немъ его хозяинъ, чѣмъ занятъ онъ?

Нечаянно взгляды ребенка падаютъ въ эту минуту на зеркало.

2.

Я хорошо помню, какъ поразило оно меня.

Съ него начинаются смутныя, несвязанныя другъ съ другомъ воспоминанія моего младенчества. Точно въ сновидѣніяхъ живу я въ нихъ. И вотъ оно, первое сновидѣніе у истока дней моихъ.

Ранѣе нѣтъ ничего: пустота, несуществованіе.

Ни мое сердце, ни мой разумъ никогда не могли и до сихъ поръ не могутъ примириться съ этой пустотой. Но, покоряясь неизбежности, я принимаю за начало моего бытія этотъ августовскій день, эти синія гербовыя бумаги съ орлами, тихую невыразимую радость, которую онѣ дали мнѣ,—и зеркало.

Между колоннками туалета, въ тяжелой прихотливой рамѣ, висѣло что-то свѣтлое, блестящее, красивое—

и непонятное. Я видалъ его и раиѣе. Видѣлъ и отраженія въ немъ. Но изумило оно меня только теперь, когда мои воспріятія вдругъ озарились первымъ яркимъ проблескомъ сознанія, когда я раздѣлился на воспринимающаго и сознающаго. И все окружавшее меня внезапно измѣнилось, ожило,—пріобрѣло свой собственный ликъ, полный непонятнаго.

Я заглянулъ въ то свѣтлое, блестящее, что слегка наклонно висѣло между колоннокъ туалета, увидалъ тамъ другую комнату, совершенно такую же, какъ и та, въ которой я былъ, но только болѣе заманчивую, болѣе красивую, увидалъ самого себя—и въ первый разъ былъ изумленъ и очарованъ.

И восторженно оглянулся... Да, несомѣнно, въ зеркалѣ было все, что было и здѣсь, вокругъ меня—и стѣны, и стулья, и полъ, и солнечный свѣтъ, и ребенокъ, стоявшій среди комнаты... Насъ было двое, удивленно смотрѣвшихъ другъ на друга! И вотъ одинъ изъ насъ вдругъ закрылъ глаза—и все исчезло: остались только свѣтлыя пятна, закружившіяся въ темнотѣ... Потомъ снова открылъ ихъ — и снова увидалъ все то, что уже видѣлъ... Не странно ли только, что комната въ зеркалѣ падаетъ, валится на меня?

Робко приблизился я къ зеркалу и, дотянувшись рукой до нижней части рамы, толкнулъ ее.

Зеркало блеснуло, стукнулось о стѣну, а покатый полъ, отраженный въ немъ, сталъ еще болѣе покатымъ. Теперь уже вся комната падала на меня, падалъ и мальчикъ, стоявшій противъ меня, и кровать, и стулья... Очарованный, восхищенный, долго глядѣлъ я на то чудесное и новое, что такъ внезапно открылось мнѣ—и потянулъ раму къ себѣ. Зеркало блеснуло, завалилось назадъ—и все исчезло... И какъ разъ въ эту минуту

кто-то хлопнулъ дверью, и я вздрогнулъ и громко крикнулъ отъ страха.

3.

Что было дальше?

Много разъ пытался я вспомнить еще хоть что-нибудь; но это никогда не удавалось.

Вспоминая, я быстро переходилъ къ выдумкѣ, къ творчеству, ибо и воспоминанія-то мои объ этомъ днѣ не болѣе реальны, чѣмъ творчество.

Твердо помню только одно: зеркало поразило меня именно въ этотъ день. И на долго, на долго приковало къ себѣ мое вниманіе. Я долженъ былъ разгадать его во что бы то ни стало.

Но какъ?

О, много было лукавствъ и ухищреній!

Они, эти ухищренія, кончались всегда неудачей. И переживъ неудачу, я, конечно, забывалъ о зеркалѣ. Но вотъ я опять оставался наединѣ съ нимъ—и опять испытывалъ его власть надъ собою.

Я любилъ угловую комнату, когда она была пуста. Я входилъ, затворялъ за собою двери—и тотчасъ же вступалъ въ какую-то особую чародѣйственную жизнь.

Такъ тихо, такъ тихо, что слышна каждая нота въ тонкомъ и печальномъ плачѣ замирающей въ паутинѣ мухи!

И я затановалъ дыханіе, и казалось, что и комната ждетъ чего-то вмѣстѣ со мною.

Мальчикъ, стоявшій предо мною въ отраженной комнатѣ, былъ теперь выше ростомъ, рѣшительнѣе, смѣлѣе, чѣмъ тотъ, что стоялъ въ ней въ свѣтлый августовскій день нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но комната была все такъ же притягательна, заманчива... сто

кратъ заманчивѣе той, въ которой былъ я! И сладко было снова и снова тѣшить себя несбыточною мечтою побывать, пожить въ этой отраженной комнатѣ!

Только существуетъ ли она и тогда, когда не смотришь на нее?

Чтобы узнать, нужно прежде всего обмануть кого-то.

И вотъ я дѣлалъ равнодушное лицо, отходилъ отъ зеркала, заглядывалъ съ притворной безпечною въ окна—и вдругъ быстро оборачивался къ туалету...

Нѣтъ, все по прежнему!

Но тогда не сѣсть ли въ кресло противъ зеркала? Закрывать глаза и притвориться спящимъ... А затѣмъ сразу открыть ихъ...

Увы, снова и снова хитрость моя разсыпается прахомъ!

Оставалось еще одно: пріоткрыть рѣсницы—такъ мало, такъ мало, чтобы никто и не подумалъ, что онѣ пріоткрыты...

Но, Боже, какъ это трудно!

Рѣсницы дрожать, глазамъ больно, и выходитъ все одно и то же: или совсѣмъ ничего не видно, или хоть слабо, но видно все!

И много разъ, дѣлая отчаянныя усилія, сдвигалъ я съ мѣста тяжелыя колонники, среди которыхъ висѣло зеркало, и заглядывалъ между нимъ и стѣною. Но и тамъ, именно тамъ, гдѣ должна была заключаться загадка тайны, не оказывалось ничего, кромѣ бревно съ одной стороны и шершавыхъ дощечекъ, которыми было забито зеркало, съ другой!

— Значить, кроется что-нибудь за ними, за этими дощечками!

Говорять, что за этими дощечками только стекло, намазанное ртутью. Ну, а что такое ртуть? Ртуть тоже нѣчто чудесное. Положилъ кто-то этой ртути въ неку-

щесея хлѣбъ—и вдругъ хлѣбъ запрыгали по печкѣ! А главное: почему успѣшили закатать это что-то, намазанное ртутью и называемое зеркаломъ, въ черный коленкоръ, какъ только умерла Надя?

Да, въ эту страшную ночь, когда въ домѣ свершилось что-то невыразимое, наполнившее весь домъ сперва таинственной суматохой, испуганными голосами, а потомъ страстными криками матери,—зеркало завѣсили чернымъ коленкоромъ.

Я, спавшій въ угловой комнатѣ на широкой постели краснаго дерева, въ дикомъ ужасѣ вскочилъ на колѣни, когда тишину ночи прорѣзали эти крики. А затѣмъ въ комнату быстро вошла заплаканная нянька и накинула на зеркало кусокъ черной матеріи.

И, какъ внезапный вѣтеръ по затрепетавшимъ листьямъ дерева, по всему моему тѣлу прошла одна мысль, одно сознание: въ домѣ смерть! То ужасное, чье имя—тайна!

4.

Ночи предшествовали тяжелые, печальные дни.

Стоялъ февраль, сѣрый, скучный, наполнявшій комнаты скуднымъ полусвѣтомъ.

А дѣвочка была больна уже давно, и казалось, что конца не будетъ этимъ днямъ, этому скудному полусвѣту и тишинѣ, воцарившейся съ тѣхъ поръ, какъ въ дѣтской, пропитанной сладковатымъ запахомъ лекарствъ, затворили двери и завѣсили окна темными шторами.

Въ глуши, на хуторѣ, заброшенные, забытые, жили мы тогда: мать, Надя, нянька Дарья, большая властная старуха, я и мой воспитатель,—если только можно назвать такъ этого страннаго человѣка, похожаго на

Данте,—человѣка безъ роду, безъ племени, уже много лѣтъ скитавшагося по мелкимъ помѣщикамъ, обучавшаго ихъ дѣтей и нигдѣ не уживавшагося.

Я медленно, съ трудомъ читалъ, а онъ, этотъ Данте въ старенькомъ, кургузомъ сюртучкѣ и короткихъ панталонахъ, изъ-подъ которыхъ торчали грубые рыжіе сапоги, ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и думалъ, думалъ, бормоча свои думы себѣ подъ носъ и порою съ злораднымъ наслажденіемъ похохатывая.

А смерть уже незримо рѣяла среди насъ, и печальную тишину дома нарушали только шаги моего воспитателя и мое однотопное чтеніе. И читалъ я какъ разъ о ней: читалъ пѣснь о старомъ нормандскомъ баронѣ, умиравшемъ въ отдаленномъ покоѣ замка въ бурную и темную ночь Рождества Христова...

Я точно готовился къ ея появленію.

И когда она появилась, наконецъ,—столь грозная, что даже собаки на дворѣ завыли, услыхавъ вопли ужаса въ домѣ,—тотчасъ же было выброшено черное покрывало и на то, что какимъ-то образомъ было причастно ея тайнѣ!

5.

Я уснулъ, чувствуя томительную неизъяснимую тоску.

За окнами чернѣла ночь, комната была слабо озарена стоявшей на полу возлѣ кровати свѣчей.

Обычно со мною спала мать. Но съ тѣхъ поръ, какъ заболѣла дѣвочка, на ночь стала приходиться ко мнѣ нянька. А въ эту ночь даже и няньки не было. Она только изрѣдка входила, вынимала что-то изъ ящиковъ туалета, шопотомъ говорила мнѣ: „спи, спи, я сейчасъ, приду“—и снова уходила.

И я пытался уснуть.

Но безпричинная тоска, предчувствіе чего-то, что вотъ-вотъ должно совершиться въ зловѣщей тишинѣ, охватившей въ эту ночь весь домъ, будили меня, едва только я начиналъ забываться. Задремлю—и вдругъ вскочу съ бьющимся сердцемъ и страстнымъ желаніемъ закричать о помощи!

Но даже крикнуть я не смѣлъ—такъ тихо было въ домѣ и такъ странно блестяло зеркало, наклонно висѣвшее между колоннокъ туалета и отражавшее покатыи полъ и дрожащій длинный огонь свѣчи, стоявшей возлѣ кровати.

И вотъ...

Поднялась какая-то возня, послышались испуганные, торопливые голоса, стукъ дверей, а вслѣдъ за ними—сдавленный ужасный крикъ... Пораженный имъ до глубины сердца, я вскочилъ, сѣлъ на колѣни и замеръ на мѣстѣ, уже готовый отвѣтить на этотъ крикъ крикомъ еще болѣе ужаснымъ, какъ растворилась дверь, и по комнатѣ, сотрясая полъ своею тяжестью, пробѣжала нянька съ чернымъ кускомъ коленкора въ рукахъ...

Потомъ меня, дрожащаго отъ ужаса и изумленія, затѣмъ-то одѣли и воспитатель мой затѣмъ-то повелъ меня въ ту, слабо освѣщенную синей лампадкой комнату, гдѣ на ломберномъ столѣ, покрытомъ простынею, лежала кукла въ розовомъ платицѣ...

Помню, какъ мы остановились на порогѣ этой комнаты и, перекрестившись, поклонились въ уголъ на лампадку и на эту куклу...

Помню даже, что набожное смиреніе, съ которымъ медленно перекрестился и поклонился мой воспитатель, показалось мнѣ неестественнымъ...

Мнѣ показалось, что онъ пьянъ: это съ нимъ слу-

чалось перѣдко... И отъ этого мнѣ сдѣлалось еще страшнѣе.

А онъ, съ истовостью пьянаго человѣка, желающаго показать, что онъ нисколько не пьянъ, а, напротивъ, сознательно, серьезно и спокойно дѣлаетъ все то, что полагается въ такихъ случаяхъ, подвелъ меня къ столу, приподнялъ за плечи—и я увидаль блѣдное, безжизненное личико и тусклый блескъ мертвыхъ глазъ подъ неплотнo смежившимся черными рѣсницами, четко выдѣлявшимися среди блѣдности... И было въ этомъ что-то безобразное!

Безобразно-ужасенъ былъ и сонъ, которымъ я забьлся послѣ того.

И до сихъ поръ чувствую всю нескладную, горячечную суматоху всѣхъ этихъ людей, наполнившихъ домъ и начавшихъ торопливо переносить и передвигать изъ комнаты въ комнату столы, стулья, кровати и зеркала, какъ только я закрылъ глаза.

Дѣвочка мгновенно ожила, хотя и осталась все такой же загадочной и безмолвной, какой она была на столѣ, и поспѣшила вмѣшаться въ суматоху, бѣгая изъ комнаты въ комнату подъ ногами мужиковъ, торопливо носившихъ на рукахъ стулья и зеркала, покрытыя чернымъ коленкоромъ...

Какъ это она могла жить и остаться въ то же самое время мертвой?

Какъ это она могла бѣгать и не упасть, когда лицо ея было столько же слѣпо и безжизненно, какъ и тусклая полоска ея глазъ, блестящая въ прорѣзѣ неплотнo прикрытыхъ рѣсницъ?

И, тоже участвовавшій во всемъ этомъ бредѣ, чувствовалъ сквозь сонъ, что живыхъ и въ то же самое время мертвыхъ дѣвочекъ не бываетъ, но сердце говорило мнѣ, что это такъ и должно быть и что въ этомъ-

то и заключается вся сила кошмара, которымъ я съ такимъ болѣзненнымъ упоеніемъ жилъ во снѣ...

Наконецъ, настало утро.

6.

Ахъ, какъ хорошо сдѣлалъ Господь Богъ, создавши свѣтъ!

Сколько разъ въ жизни говорилъ я эти слова, открывая глаза послѣ тяжкихъ ночныхъ сновидѣній! Какъ этотъ свѣтъ успокаиваетъ, какъ упрощаетъ и душу нашу, и все окружающее насъ!

Бѣлый, спокойный и простой день былъ въ мѣрѣ, когда я проснулся.

Но, проснувшись, я тотчасъ взглянулъ на зеркало... О, какимъ печальнымъ показалось оно мнѣ!

Да и не одно оно. Все въ домѣ было печально: и заплаканная, похудѣвшая, съ блестящими глазами, мать, и серьезный воспитатель, и притихшая, уже далеко не столь властная, какъ прежде, старуха нянька, и разговоры вполголоса, и эта кукольная дѣвочка съ восковымъ личикомъ, лиловатымъ вискомъ, пеживыми локонами и полуприкрытыми рѣсницами, изъ-подъ которыхъ еще тусклѣе, чѣмъ вчера, блестяла полоска стеклянныхъ глазъ...

А потомъ, въ солнечный морозный день съ метелью, пріѣхали на трехъ розвальняхъ попы, нанесли въ домъ холоду, запаха снѣга и ладана и стали съ грустными причитаніями и пѣніемъ ходить вокругъ лежащей на столѣ куклы, кланяться ей и, замолкая на время, дымить на нее изъ кадила...

И съ какой изысканной деликатностью, съ какой кокетливой печалью заливался въ этотъ день высокій гор-

ловой теноръ всегда веселаго, смѣлаго и даже наглаго о. Федора!

Какъ онъ легко, точно въ кадрили, то приближался къ столу, то пятился назадъ и своей ловкой привычной рукой—даже не рукой, а только одной кистью ея—высоко взвивалъ пылающее кадило и потоплялъ въ сипихъ клубахъ церковнаго благоуханія неподвижно лежащую куклу!

И какъ чувствовалъ я въ этотъ день всю сладость страстныхъ рыданій матери, когда заливающийся теноръ грустно утѣшалъ ее неизреченной красотой мѣсть, „иде же нѣсть ни печали, ни воздыханія!“ И какой болью сжалось мое сердце въ тотъ моментъ, когда простой дѣтскій гробикъ, наскоро сбитый изъ пахучаго сосноваго теса, навсегда закрыли крышкой и понесли, среди пѣннй и воплей, въ розвальни, возлѣ которыхъ, въ солнечной морозной метели, вѣтеръ развѣвалъ волосы на обнаженныхъ головахъ мужиковъ!

7.

Надолго застылъ послѣ того въ тишинѣ и грусти нашъ бревенчатый флигель.

Весеннее солнце поцѣлымъ днямъ наполняло радостнымъ блескомъ дѣтскую,—теперь нашу классную,—но померкли всѣ мои радости!

Что это случилось съ милой веселой дѣвочкой, которая такъ звонко выкрикивала когда-то свое имя, а теперь лежитъ гдѣ-то въ селѣ на погостѣ, въ могилѣ!

Откуда пришла она? Зачѣмъ росла, расцвѣтала, прыгала, радовалась, вплоть до того рокового вечера, въ который точно какой-то злой духъ дохнулъ на нее своимъ пламеннымъ дыханіемъ?

Съ разгорѣвшимся личикомъ, съ блестящими гла-

зами, она была особенно оживлена въ тотъ вечеръ—и вдругъ поникла на плечо матери.

— Мама, бай!

И тотчасъ же ее унесли въ дѣтскую, и это былъ послѣдній часъ, въ который я видѣлъ ее: живой изъ дѣтской она не вернулась.

Вотъ плутъ дни за днями, а ея все нѣтъ — и никогда не будетъ...

Даже и люльку ея снесли на чердакъ...

Вотъ вынимаютъ зимнія рамы, и наша классная наполняется душистой свѣжестью и тепломъ яркаго солнца... А ея нѣтъ—и никогда не будетъ!

Говорятъ, что она на погостѣ въ Знаменскомъ. Но вся ли? То живое, прекрасное, что было въ ней, не тамъ, а гдѣ-то далеко... въ раю, въ небѣ.

Въ тихія апрѣльскія сумерки, когда я сидѣлъ съ нянькой у раскрытаго окна, выходящаго въ темный и свѣжій садъ, я подолгу смотрѣлъ на меркнувшій нѣжно-алый закатъ, по которому громоздились снѣговатая тучи, похожія на саркофаги. И когда надъ ними въ зеленоватомъ небѣ вспыхивало серебристое зерно первой звѣзды, нянька говорила мнѣ:

— Вонъ душенька нашей барышни.

Но и въ этихъ словахъ... нѣтъ, это было слишкомъ просто! Это было такъ же просто, такъ же ничего не объясняло, какъ и то, что зеркало есть стекло, намазанное ртутью.

И велико было мое недоумѣніе, когда я убѣдился въ этомъ!

Не разъ отодвигалъ я зеркало отъ стѣны и не разъ убѣждался, что ничего-то нѣтъ за нимъ, кромѣ бревенъ, паутины и шершавыхъ дощечекъ!

Однако, нужно было заглянуть и подъ эти дощечки!

И однажды, когда въ домѣ всѣ спали, я съ бющимся сердцемъ, какъ воръ, прокрался въ угольную, отодвинулъ, замирая отъ страха быть пойманнымъ, зеркало отъ стѣны—и кухоннымъ ножомъ приподнял одну изъ дощечекъ...

Да, меня не обманывали!

Подъ дощечкой ничего не было, кромѣ стекла, намазаннаго красно-коричневою краской.

Но, можетъ быть, есть что-нибудь между этой краской и стекломъ?

Нѣтъ, и тамъ ничего нѣтъ: я слегка поцарапалъ концемъ ножа въ уголкѣ зеркала—и увидалъ стекло.

Но не стала ли таинственная ртуть еще болѣе таинственной послѣ того?

Несомнѣнно. Ибо развѣ не чудесно было и то, что сдѣлалъ я! Я соскоблilъ ножомъ каплю красной краски и увидѣлъ, что чудесное стекло стало стекломъ самымъ обыкновеннымъ: прильнувши къ тому мѣсту, гдѣ я скоблilъ, можно было сквозь стекло видѣть комнату...

Гдѣ я былъ до той поры, въ которой блеснулъ первый лучъ моего сознанія, пробужденнаго свѣтлымъ стекломъ, висѣвшимъ въ тяжелой рамѣ между колоннокъ туалета? Гдѣ я былъ до той поры, въ которой туманилось мое тихое младенчество?

— Нигдѣ,—отвѣчаю я себѣ.

Но, въ такомъ случаѣ, я, значить, не существовалъ до этой поры?

— Нѣтъ, не существовалъ.

Но тутъ вмѣшивается сердце.

— Нѣтъ,—говорить оно.—Я не вѣрю этому, какъ не вѣрю и никогда не повѣрю въ смерть, въ уничтоженіе. Лучше скажи: не знаю. И незнаніе твое—тоже тайна.

Моя память такъ безсильна, что я почти ничего не помню не только о своемъ младенствѣ, но даже о дѣтствѣ, отрочествѣ. А вѣдь существовалъ же я! И не только существовалъ,—думалъ, чувствовалъ, и такъ полно, такъ жадно, какъ никогда потомъ. Гдѣ же все пережитое и выстрадапное мною?

Это тоже тайна. И всюду она, эта всепроникающая власть тайны, власть, чаще всего злая, враждебная намъ.

Чѣмъ только не мучила она меня въ пору моего младенчества!

Три свѣчи въ комнатѣ—къ чьей-нибудь смерти. Рухомъ собаки ночью—къ смерти.

Вороны, пролетѣвшія со свистомъ крыльевъ надъ домомъ,—къ смерти.

Разбитое печально зеркало—къ смерти.

Черный коленкоръ, накинутый на него,—къ смерти!

А что творится ночью на чердакахъ, въ кладбищахъ! Что отражается по почамъ передъ зеркалахъ!

— Вошла я это, матушка-барыня, въ уголъ за двѣ передъ тѣмъ, какъ барышня умере на туалетъ, а въ зеркалѣ-то стоитъ кто-то блондинъ, какъ мѣлъ, да длинный, предлиннѣе сапогахъ,

— Да, небось, платье твое отразилось.

... знаетъ что! Развѣ я не помню, въ чемъ
...-то и дѣло, что въ юбкѣ въ одной бумаженной,
... темной кофточкѣ!

И я порою думалъ: ужь не права ли ты, моя старая
наставница?

На зеркалѣ и до сихъ поръ видна царшина, сдѣ-
ланная моею рукой много лѣтъ тому назадъ,—въ ту
минуту, когда я пытался хоть глазкомъ заглянуть въ
невѣдомое и непонятное, сопутствующее мнѣ отъ истока
дней моихъ до грядущей могилы.

Я видѣлъ себя въ этомъ зеркалѣ ребенкомъ—и вотъ
уже не представляю себѣ этого ребенка: онъ исчезъ на
всегда и безъ возврата.

Я видѣлъ себя въ зеркалѣ отрокомъ, но теперь не
помню и его.

Видѣлъ юношей—и только по портретамъ знаю, кого
отражало когда-то зеркало.

Но развѣ мое—это ясное, живое и слегка надменное
лицо? Это лицо моего младшаго, давно умершаго
брата. Я и гляжу на него, какъ старшій: съ ласковой
конфкой спсхожденія къ его молодости. А въ

Зеркалѣ отражается печальное и, увы, уже спокойное
лицо.

Нестанеть день—и навсегда исчезнетъ изъ міра и
сдѣлалъ

краски тѣ попытки моихъ разгадать жизнь оста-
самымъ мнѣ сибѣ: царшина на стеклѣ, намазанномъ
гдѣ я съ
комнату...

Гдѣ я с
вый лучъ м
ломъ, висѣ
туалета? Гдѣ
лось мое тих

АСТМА.

1.

— А и глухая же сторона наша! — весело сказали
землемѣръ своимъ груднымъ, слегка сиплымъ теноромъ.

И, наклонившись, худой волосатой рукой подсунулъ
подъ сидѣнье телѣжки, стоявшей возлѣ хуторской кон-
торы, старые пыльные ботинки, завернутые въ газету.

Былъ теплый сухой вечеръ конца августа — вечеръ
среди степныхъ полей, такихъ задумчивыхъ и мирныхъ
въ засуху поздняго лѣта, послѣ уборки хлѣба. Солнце
только-что закатилось за вишневымъ садомъ, окру-
жавшимъ контору, и не оставило никакихъ красокъ
послѣ себя. Развѣ вотъ стало блѣднѣе голубое одно-
тонное небо, яснѣе луна на востокѣ, спокойнѣе липо-
ватыя волнистыя равнины, да слышишь осторожный
трескъ пересохшихъ за лѣто стручковъ акаціи... Была
во всемъ этомъ какая-то большая грусть, но землемѣру
и она была пріятна. Все трогало его нынче, но почему
— Богъ знаетъ. Это чувство, что все хорошо, все вос-
хитительно, бывало у него послѣ долгихъ томленій въ
астмѣ... Но астма не душила давно, — уже больше мѣ-
сяца.

Помѣщикъ Стоцкій, высокій бѣлоглазый блондинъ
въ батистовой косовороткѣ и лакированныхъ сапогахъ,
посмотрѣлъ съ крыльца съ той благодушной и презри-

тельной улыбкой, которая всегда появлялась у него на лицѣ послѣ двухъ-трехъ рюмокъ. Нынче же ихъ было выпито пять, и угреватое лицо бывшего семеница стало такъ сизо, что рѣдкіе, бѣлые волосы, тщательно причесанные на косой рядъ, казались лыняными, а глаза — голубоваго-оловянными. И глаза эти съ легкой улыбкой оглядѣли землемѣра—кожаную куртку на лиutoй малорусской рубахѣ, лоснящіеся отъ времени штаны, заправленные въ сапоги, по-цыгански загорѣлое и волосатое лицо съ добрыми блестящими глазами, черную съ просѣдью бороду... Кивнувъ работнику, державшему подъ уздцы коренника, помѣщикъ отвѣтилъ:

— Глухая-то глухая, а вотъ голову-то кореннику надо опустить.

Но землемѣръ замахалъ руками.

— Ни Боже мой!—поспѣшно и весело сказалъ онъ мягкимъ груднымъ голосомъ.—Люблю, грѣшный человекъ, съ шикомъ проѣхать. Вотъ свернемъ на дорожку, да и съ Господомъ.

— Да и курите же вы!—вставилъ помѣщикъ равнодушно.

— И покурить люблю!—отвѣтилъ землемѣръ, привычнымъ жестомъ доставая изъ бокового кармана камышевый мундштукъ и старый серебряный портсигаръ съ московскимъ кремлемъ на крышкѣ.

И, быстро крутя папиросу, еще разъ оглядѣлъ телѣжку.

Да, все въ исправности! Чуйка на сидѣннѣ, сундукъ съ причиндалами—подъ козлами, тренога—сзади... Про лошадей же и говорить нечего. Съ закрученными въ узлы хвостами и съ задраной мордой коренника — прямо щеголи: часъ ѣзды до неба!

— И, стало быть, прощенія просимъ!—сказалъ зем-

лемѣръ, снявъ бѣлый пропотѣвшій по околышу картузь и по-военному щелкнувъ каблучками. — Тысячу рублей денегъ и дѣтей кучу! Дай, Боже, и на лѣто то же.

Вынулъ и помѣщикъ свой портсигаръ, — плоскій, съ оранжевымъ жгутомъ, съ монограммами вкривь и вкось, — и, постукивая мундштукомъ папиросы о крышку, мутно усмѣхнулся.

— Живы ли еще будемъ, господинъ хорошій! — сказалъ онъ.

— Что?—воскликнулъ землемѣръ, поднимая большія черныя брови.—Да ни за что не умру! Вы тамъ какъ себѣ хотите, а я — насъ. Нѣтъ на то моего полнаго согласія.

— Насъ-то съ вами не спросятъ,—сказалъ помѣщикъ.

— А безъ спросу—это ужъ не тае... не годится.

— Не годится-то не годится, — сказалъ помѣщикъ, — а признайтесь-ка, потрухиваете, небось? Не даромъ не любите разныхъ тамъ пятницъ, поведѣльничковъ и тому подобнаго...

Землемѣръ сдвинулъ кистью руки картузь на затылокъ и слегка нахмурился.

— По совѣсти сказать, не знаю, — отвѣтилъ онъ, глядя въ землю.—Боюсь, если говорить правду, всю жизнь—и весьма основательно боюсь. Въ хорѣ пѣлъ, по покойникамъ читалъ, а не привыкъ вотъ...

— То есть, какъ по покойникамъ? — спросилъ помѣщикъ.—Развѣ вы изъ духовныхъ?

— Отчасти,—сказалъ землемѣръ.—Дѣдъ—дьячекъ-отецъ—землемѣръ, а я, вѣрно, въ дѣда. Въ молодости чуть не всю Библию наизусть зналъ. Теперь забывать сталъ...

— Стара стала, слаба стала, — вставилъ помѣщикъ армянскимъ голосомъ.

— Да нѣтъ,—простодушно возразилъ землемѣръ.— Мнѣ вѣдь всего сорокъ пятый. А вотъ—астма! Помните въ Долгомъ коричневаго рогатаго чорта на алтарной двери? Лежитъ съ высунутымъ языкомъ, а Гавриилъ наступилъ на грудь и копьемъ его... Такъ вотъ и смерть: наступитъ, а ты вывертывайся!

— Охъ, какая чертовщина!—прибавилъ онъ, закрывая глаза.—Гробъ, свѣчи, вѣничикъ... А потомъ — погость, ночь, холодъ, темъ, лозинки отъ вѣтра гудуть... А ты лежишь безъ шапки, въ одномъ сюртучкѣ, весь гнилой, лиловый... Эхъ, умирать бы по птичьему, по звѣриному!

— Ну, это ужъ философія,—сказалъ помѣщикъ. — И звѣрь тутъ не при чемъ. Звѣрь издохъ—и дѣло съ концомъ.

— Вотъ именно! — воскликнулъ землемѣръ. — Проще, понимаете, надо! Я, конечно, въ этихъ штукакахъ—какъ кротъ въ соломѣ, но что такое смерть? „Я, Чувиль, веселая...“

Работникъ, державшій лошадей, засмѣялся и деликатно отвелъ глаза въ сторону.

Засмѣялся и помѣщикъ.

— Это еще что за Чувиль такой? — спросилъ онъ.

— Да сказка такая есть,—отвѣтилъ землемѣръ съ разсѣянной улыбкой.—Жилъ-былъ, понимаете, какой-то Чувиль, и выросли у него на яблонькѣ золотыя яблоки. Ну, конечно, съ ума сошелъ мужикъ, стережетъ пуше зѣнницы ока... И вдругъ въ одну прекрасную ночь—пласть къ нему въ садъ Баба-Яга. Носъ крючкомъ, голова сучкомъ, но веселая, развеселая! „Дай яблочка...“ Оробѣлъ мужикъ, тряхнулъ яблоньку... „Нѣтъ, ты,—говорить,—изъ ручки въ ручку дай!“ И цапъ его за руку, да въ лѣсъ, въ избушку. А въ избушкѣ сидятъ, понимаете, дѣвки ея простоволосыя:

Аленка и Акулька. Вотъ Яга и говоритъ этакъ безпечно: „Сжарь-ка мнѣ, Аленушка, Чувилья къ ужину, а я пока по дѣлу сбѣгаю...“ Сейчас Аленка къ печкѣ, разжарила ее—чертямъ тошно, посадила мужика на лопату—и трахъ въ огонь! Да не тутъ-то было! Уперся мужичишка бокомъ, никакъ не всунетъ его Аленка. „Что-жъ ты,—говорить,—не лѣзешь?“ „Да я не умѣю,—ты поучи, какъ сѣсть-то“.—„У, дуракъ, да вотъ такъ-то“!.. А Чувиль—шмыгъ ее въ печь!

— Да и говоришь же вы! — сказалъ помѣщикъ. — Вотъ, у насъ въ полку былъ нѣкто Шаховъ не хуже васъ: уморительный субъектъ!

— Ну-съ,—не слушая, продолжалъ землемѣръ,—та же самая исторія происходитъ и съ Акулькой...

— Позвольте,—перебилъ помѣщикъ,—я не понимаю: опять, что ли, мужикъ дѣвку зажарилъ?

— Ну, конечно! — воскликнулъ землемѣръ. — Да суть-то не въ томъ, а въ томъ, что все-таки добралась Яга до мужика. Посадила на лопату, тащитъ въ печь, да еще и посмѣивается: ужъ и легкокъ же ты, мужикъ! „А ты кинь,—говорить мужикъ,—авось на вѣкъ не па-лопаешься!“ — „Да мнѣ и лопать-то не хочется...“ „Вотъ те на! Такъ чего жъ тебѣ хочется?“ — „А поиграй, да силу твою попробоватъ: я вѣдь, Чувиль, веселая!..“

— Хороша, стерва, веселая!—сказалъ помѣщикъ.

Землемѣръ помолчалъ, разсѣянно глядя въ землю, и вдругъ засмѣялся.

— Дѣйствительно!—подхватилъ онъ, смѣясь и думая о чемъ-то своемъ.—Дѣйствительно! Есть, знаете, у насъ въ Долгомъ лавочникъ и ростовщикъ, Иванъ Павловъ... Плутъ первостатейный, но деликатень—на рѣдкость. Ростомъ подъ поголокъ, сюртукъ — по цин-колки, глаза косые, темные... И вотъ умираетъ въ про-

пломъ году у нашего попа сынъ... Является Иванъ Павловъ, краснѣетъ, какъ дѣвица, и говоритъ: „Имѣю честь, батюшка, поздравить съ повопреставленнымъ!“

— Это великолѣпно! — воскликнулъ помѣщикъ.— Имѣю честь поздравить съ повопреставленнымъ!

— Такъ вотъ,—докончилъ землемѣръ, — мнѣ все и лѣзетъ въ голову: задохнешься почью, а Иванъ Павловъ войдетъ этакъ вѣжливо, поздоровается со всѣми за ручку—и радостно поздравить... Но, однако, пора и честь знать. Добраго здоровья, Николай Николаичъ! Спасибо за ласку.

— Прощайте, Егоръ Гаврилычъ, — сказалъ помѣщикъ.— Не забывайте.

— Не прощайте, а до свиданія!—шутливо подчеркнул землемѣръ, разбирая возки.

И легко вскочилъ въ телѣжку.

Работникъ посторопился, и лошади сразу тронули рысью. Помѣщикъ посмотрѣлъ на широкую и слегка сутулую спину землемѣра и вдругъ, поснѣвъ отъ натуги, заоралъ не своимъ голосомъ:

— Домой!.. Дом-мой, тебѣ говорить!.. Тишка, лови!

Землемѣръ обернулся и увидалъ со всѣхъ ногъ бѣгущаго работника. Оказалось, что пѣгій ляганъ Кадо выскочилъ изъ окна и кинулся слѣдомъ за телѣжкой. Но, услыхавъ крикъ, тотчасъ же прижался къ землѣ и виновато поползъ въ сторону. Землемѣръ посмотрѣлъ, какъ работникъ ловилъ собаку за ошейникъ, и засмѣялся, какъ ребенокъ.

— Боже, что за чудесный песъ!—подумалъ онъ съ нѣжностью.

А лошади уже вынесли телѣжку, мимо картофельныхъ ямъ и старыхъ ометовъ, въ поле.

2.

Съ полчаса послѣ этого землемѣръ разсѣянно слушала ладный топотъ копытъ по гладкой августовской дорогѣ.

Еще свѣтло было, и дорога, убѣгавшая на востокъ, между пожухнувшими картофельными клинами, казалась фиолетовой.

Землемѣръ смотрѣлъ въ даль, гдѣ поля мертво замыкались линіей узко-колейной чугулки, куриль и ирѣтно пьянѣлъ отъ несвязныхъ пѣвучихъ мыслей.

Огромный чистый западъ, чуть тронутый розовымъ топомъ надъ горизонтомъ, былъ еще свѣтелъ. Но спротивно было въ поляхъ. Сиротливо дремали на кочкахъ кроткіе хохлатые жаворонки: услышитъ топотъ копытъ, сонно побѣжить по пашнѣ—и опять замреть на кочкѣ... Вяло и терпко пахло картофельной ботвой, горько тянуло дымкомъ откуда-то издалека: это мальчишки стерегутъ въ поляхъ лошадей и отъ скуки жгутъ сухую полынь, суволоку... А по дорогѣ попадались корки мелкихъ воронежскихъ арбузовъ и напомнили о томъ, что скоро большая осенняя ярмарка въ городѣ и что надо ѣхать продавать пристяжную, покупать калусту, поправлять зимнія рамы—и начинать новый скучный годъ.

И землемѣръ съ пѣвучей грустью посмотрѣлъ направо, на пустынные сѣроватыя поля, надъ которыми уже рѣялъ чуть серебристый и, какъ всегда въ засуху, разсѣянный лунный свѣтъ.

— Любопытно, однако, знать,—подумалъ онъ,—что это со мною сегодня? Чего это я разболтался и разве-селился? Положимъ, не былъ дома уже двѣ недѣли...

дѣлъ передѣлалъ кучу... Да ибѣтъ, не то! Можетъ быть, вода? Но много ли было выпито? Сущій вздоръ,— двѣ-три рюмки... Что же, въ такомъ случаѣ?

Но тутъ лошади стали: шлагбаумъ на переѣздѣ черезъ линію былъ опущенъ,—значить, нужно было слѣзть и стучать въ будку.

Спокойный бездвѣтный свѣтъ запада, подобный свѣту бѣлыхъ ночей, еще отражался въ окнѣ будки, и будка показалась землемѣру необитаемой, почти страшной съ этимъ тусклымъ блескомъ стеколъ и тишиной вокругъ.

— Переѣзжать ли?—подумалъ онъ.

Можно было переѣхать тутъ и держать путь на Пальну, Каменку... Можно и возлѣ слѣдующей будки: тогда дорога пойдетъ по опушкѣ большой Кастюринной Дубровки, а потомъ по глухимъ лугамъ „Ястребинъ-Колодезь“...

И землемѣръ остановился въ нерѣшительности.

Но послышался ровный медленный скрипъ телѣги. И, взглянувъ направо, землемѣръ увидалъ въ легкомъ лунномъ сіяніи большую бѣлую лошадь,—старую, сѣдловатую, въ гречкѣ, съ отвислыми губами. Черепъ ея былъ огромень, похожъ на тѣ лошадиныя черепа, что валяются среди бурьяна въ южныхъ степяхъ; пукъ соломъ, заснутый подъ узду, дико торчалъ возлѣ праваго полуприкрытаго глаза...

— Куда прешь!—крикнулъ землемѣръ, замахиваясь кнутовищемъ.

Но лошадь точно и не слыхала.

Звонко сипя отъ запала, она прошла возлѣ самаго его плеча, а за нею показалась скрипучая телѣга, пахнущая дегтемъ и рогожей. Лохматый рыжій мужикъ, въ распоясанной красной рубахѣ, лежалъ въ телѣгѣ внизъ лицомъ, какъ убитый. Подолъ рубахи

завернулся на спину, и видна была голая поясица, а ниже—ошкуръ низко спущенныхъ портокъ, крѣико врывающійся въ тѣло.

— Эй, дядя!—шутливо крикнулъ землемѣръ дрогнувшимъ голосомъ.—Ай померь?

Но и мужикъ не поднялъ головы, не отозвался на крикъ.

И землемѣръ, уже не раздумывая, ударилъ правой возжей. Телѣжка чуть не перевернулась отъ крутого поворота—и быстро покатила возлѣ линіи, за которой неясно серебрилось надъ полями лунное сіяніе.

По-прежнему на душѣ было и хорошо, и грустно, и почему-то тревожно... Все благополучно, все слава Богу, по чего-то недостаетъ... Людей, можетъ быть, жилья, пріятеля, съ которымъ проговорилъ бы до разсвѣта. Хотѣлось пѣть, рассказывать свою жизнь... Спросить кого-нибудь: что же, наконецъ, будетъ на томъ свѣтѣ что-нибудь, или пѣтъ? Райскія яблочки и черти въ неугасимомъ пламени, конечно, вздоръ... Но вѣдь вздоръ и полное исчезновеніе. Зачѣмъ родился? Зачѣмъ росъ, любилъ, страдалъ, восхищался? Зачѣмъ такъ жадно думалъ о Богѣ, о смерти, о жизни?

— Зачѣмъ, позвольте васъ спросить? — сказалъ землемѣръ вслухъ.

Существовать на томъ свѣтѣ въ теперешнемъ видѣ онъ, конечно, не будетъ. Ибо, если онъ будетъ существовать, значить, и эти лошади будутъ существовать... и міриады міриадъ всѣхъ прочихъ лошадей, звѣрей, птицъ, жучковъ, несмѣтныхъ мошекъ... Но и безслѣдно исчезнуть онъ не можетъ. Онъ этому никогда не вѣрилъ. Истомленъ заботами, болѣзнью, а жить, сохранить себя, хочетъ жадно. И поминутно трепещетъ за свою жизнь, во всемъ чувствуетъ злобу, тайну, враждебность... Лунный свѣтъ въ пустынныхъ поляхъ,

тишина, темный камень вдали, коренникъ, который вдругъ насторожить уши,—все страшно. Днемъ, когда вспоминаешь, просто, незначительно, а ночью—страшно...

— Какъ васильки,—подумалъ землемѣръ.—Днемъ синіе, а погляди вечеромъ, при лампѣ: лиловые!

— Пи, пи, пи! — тонко и хищно зазвучало вдругъ гдѣ-то вверху, въ разсѣянномъ лунномъ свѣтѣ.

Землемѣръ оглянулся, увидалъ поле, телеграфные столбы, тусклый блескъ, бѣгущій на-встрѣчу ему по рельсамъ,—и на душѣ у него стало еще тревожиѣе. Этотъ пискъ, пискъ кобчика или совки, затерявшійся въ лунномъ свѣтѣ, напомнилъ ему, что безмолвный вечеръ кончился, и въ поляхъ начинается таинственная ночная жизнь. Кроткіе хохлатые жаворопки, проводящіе свои послѣдніе дни въ осиротѣвшей степи, теперь спятъ. Но зато проснулись и всю ночь будутъ съ жалкимъ пискомъ голода гоняться другъ за другомъ всѣ эти мелкіе и крупныя хищники, дремавшіе днемъ на телеграфныхъ проводахъ, таившіеся во рвахъ и на лѣсныхъ опушкахъ... Позѣвывая, выползла изъ своей норы въ каменистомъ оврагѣ лисица, вышла на лунный свѣтъ и осторожно потянула по скату, поводя пушистымъ правиломъ... Электрическими зелеными огоньками вспыхнули волчьи глаза въ дубовомъ кустарникѣ... И, представивъ себѣ красоту этихъ глазъ, землемѣръ почувствовалъ приступъ жуткаго восторга.

Да, какъ жалко твякаетъ лисица, если она худа, тоща, выгнана изъ своей норы болѣе сильнымъ звѣремъ,—какимъ-нибудь угрюмымъ когтистымъ барсукомъ! Какъ плаксиво и зло скулить соколокъ голодный! И какъ томно потягивается и улыбается лисица сытая, съ густой лоснящейся шкурой! Какимъ звонкимъ и дерзкимъ смѣхомъ заливается этотъ тонко-

голосный соколокъ, выбивши добычу у другого, слабого!

— Я, Чувишь, веселая! — вспомнилъ землемѣръ, зорко глядя на дугу, качавшуюся въ звѣздномъ небосклонѣ, и содрогнулся отъ безпричинной сладострастной жутки.

3.

Опять лошади стали передъ будкой на переѣздѣ черезъ рельсы, и опять загородила дорогу перекладина шлагбаума.

Но на дворѣ уже ночь—блѣдная, сухая, лунная—и будка не похожа на первую. Эта живая, привѣтливая, манитъ къ себѣ внутрь, гдѣ горитъ лампа и топится печь: видна яркая пасть печи, пляшущая большими языками красно-оранжеваго пламени.

— Эй, добрые люди!—слабо крикнулъ землемѣръ, обрадованный жильемъ.—Пропустите старичка за ради Бога!

И тотчасъ же ожесточенно, захлебываясь, залаяла возлѣ лошадей маленькая лохматая шавка, и босая дѣвочка, лѣтъ шести, скромненько и дѣловито подошла къ столбу шлагбаума.

Загремѣла цѣпь, и огромный журавль, медленно и плавно выростая, потянулся головой къ небу.

— Ты будочникова, дѣвочка?—спросилъ землемѣръ ласково.

— Будочникова,—сдержанно отвѣтила дѣвочка и, наклонивъ головку и мелко перебирая босыми ножками, пошла поднимать вторую перекладину шлагбаума, за которой лунный свѣтъ и пустынное жнивье сливались во что-то легкое, свѣтлое и серебристое, какъ далекое море.

— А самъ будочникъ дома?—спросилъ землемѣръ, чтобы проболтать нѣсколько лишнихъ минутъ съ живымъ существомъ.

Но дѣвочка, не оборачиваясь, отвѣтила:

— Онъ у городи.

Землемѣръ постоялъ, подумалъ.

— Жалко!—сказалъ онъ.—А что это у васъ печь топится?

— Мать воду грѣетъ,—отвѣтила дѣвочка.

— Ай хлѣбы ставить?

— Нѣтъ, у насъ малый померъ.

Землемѣръ широко раскрылъ глаза.

— Какъ померъ?—сказалъ онъ тревожно.—Когда?

— Сичасъ только.

— А великъ малый-то?

— Семой мѣсяцъ пошелъ.

Землемѣръ облегченно вздохнулъ.

— Ну, ничего!—сказалъ онъ.—Мать еще родить.

— Да намъ его не жалко,—просто отвѣтила дѣвочка.—У насъ ихъ пятеро. Да еще одного недавно зарѣзало.

— Машиной, что ли?

— Машиной. Мать валяла пироги, а онъ выполезъ изъ будки и заснулъ... Насъ судили за него, изъ могилы его откапывали, думали, что мы нарочно положили.

Землемѣръ засмѣялся.

— Ахъ, ты, злодѣйка этакая!—сказалъ онъ весело.—Ну, прощай, спасибо за хлопоты!

— Часъ добрый,—сдержанно отвѣтила дѣвочка.

И лошади съ грохотомъ перенесли телѣжку по деревянной настилкѣ къ тому свѣтлому и легкому, что было впереди, взяли немного вправо, и опять колеса, сорвавшись съ настилки, съ мягкимъ шорохомъ покатались по сухой ровной дорогѣ.

И опять мысли надолго затерялись въ однообразно ладномъ стукѣ копытъ, который безстрастно слушало только блѣдное и все выше поднимавшееся лицо луны.

— Просто къ перемѣнѣ погоды,—подумалъ землемѣръ, подбадривая себя и стараясь опредѣлить причины своего безпокойства.—Эй, эй, милыя, не рано!

Но теперь, когда осталось сзади послѣднее жильѣ, бодрья слова стали безслѣдно теряться въ полѣ. Тревога возрастала, глаза жадно всматривались въ даль... Что это, напримѣръ, на томъ дальнемъ косогорѣ, за лоциной, полной свѣтлой дымкой? Что-то длинное, темное, зубчатое... Стѣна, остатки жилья? Нѣтъ, просто безхозяйная, забытая въ полѣ копша... За ней—опять косогоръ и опять лужокъ, выходящій въ разлату голую долину, серебристо-туманную подъ луной... Но что это тамъ? Что-то болѣе блестящее, чѣмъ все остальное... И на немъ что-то движется... Волкъ?

Землемѣръ вставилъ два пальца въ ротъ, рѣзко свистнулъ и натянулъ возжи. Постромки пристяжной обвисли, коренникъ насторожилъ уши и пошелъ тише... Бѣдо и пріятно запахло лошадинымъ потомъ... Что-то темное, двигавшееся на косогорѣ, блестящемъ отъ озими, подняло голову... Стало страшно.

Но прошло нѣсколько минутъ—и по чему-то тому, что было въ приближающейся фигурѣ, землемѣръ узналъ, что это—теленокъ... Вѣрно, пѣгій, съ бѣлыми рѣсницами, глухой... Поднять голову и уставился...

Есть что-то глухое, дикое въ этихъ осеннихъ безпризорныхъ скитаніяхъ телятъ. Какъ только начинаютъ проростать озими, они надолго и далеко уходятъ въ опустѣвшую степь. И по цѣлымъ недѣлямъ бродятъ въ ней, дичаютъ, пріобщаются къ таинственной жизни звѣрей и хищныхъ птицъ...

— А свиньи!—подумалъ землемѣръ.—Черныя упрямыя борова, съ туго завернутыми винтами хвостиковъ! Тѣ совсѣмъ отбиваются осенью отъ дому, Богъ знаетъ куда уходятъ по лугамъ и косогорамъ... Роятъ подь кустами, по пригоркамъ, что-то выкапываютъ, чавкаютъ и пруть дальше, повилывая крѣпкой тушей... Иной разъ обомрешь со страху, когда этакий чортъ вдругъ хрюкнетъ и выставитъ изъ куста удивленное рыло... А какая злоба, силища!

Мелькали серебристыя полышки вдоль дороги, проходили темныя равнины пашень, полосы радужно-зеленыхъ озимей, тускло поблескивали подковы пристяжной, женственно отвернувшей голову отъ коренника... Гордо несъ голову могучій коренникъ, шедшій дробной рысью... Хотѣлось курить, надоѣло сидѣть, но землемѣръ все откладывалъ и откладывалъ оставку. Волнуясь все болѣе и болѣе при мысли о томъ дикомъ, сильномъ, беспощадномъ и красивомъ, что окружало его со всѣхъ сторонъ и точно вызывало его на состязаніе, онъ все безпокойнѣе ждалъ чего-то. Надоѣло и волноваться,—отъ этого безпричиннаго волненія сдавливало виски и холодѣли руки,—надоѣло и ждать, но безпокойный внутренний голосъ все настойчивѣе говорилъ, что ожиданія не напрасны. И, какъ бы подтверждая это, коренникъ вдругъ фыркнулъ. Землемѣръ вздрогнулъ, глянулъ на него—и увидалъ, что онъ идетъ съ чутко и строго поднятыми ушами, съ какою-то преувеличенною бодростью, почти съ наглостью.

Страхъ холодомъ прошелъ по всему тѣлу землемѣра. Но бодрость еще не совсѣмъ покинула его. И чтобы поскорѣе увидеть то, что должно увидеть, онъ откинулся на лѣвый бокъ и пристально взглянулъ впередъ. Впередѣ то же, что и было: пустое поле и лунное сіяніе. Но поле это идетъ слегка подь изволокъ,

дальше опять повышается—и замыкается темной, высокой и такой красивой въ лунномъ свѣтѣ стѣнной стайрой Кастюринской рощи...

Вотъ она приближается и приближается, темнѣетъ все гуще... Ясно видна широкая, спокойная тѣнь, падающая отъ ея стѣны на поле... Доносится легкая лѣсная свѣжесть вмѣстѣ съ сухимъ душистымъ тепломъ дуба... А вотъ роща уже и совсѣмъ близко—и ночь стала сразу красивѣе: тѣнь рѣзче, лунный свѣтъ ярче, роща подь луною чернѣе, выше, значительнѣе... Еще мипута—и телѣжка въ тѣни, катится по гладкой и слегка влажной дорогѣ вдоль опушки... Направо—пашни, палѣво—роща... И далеко видны свѣтлыя поляны среди живописныхъ старыхъ дубовъ.

— Ахъ, хорошо!—съ жуткимъ восхищеніемъ хотѣлъ сказать землемѣръ—и вдругъ замеръ съ широко открытыми глазами.

Изъ тѣнистой рощи легко и быстро, прямо на него, бѣжала большая бѣлая лошадь.

4.

— Та или не та? Та, что съ звонкимъ спомомъ прошла возлѣ будки, или не та?

Сладострастный трепетъ ужаса еще разъ колючимъ холодомъ прошелъ отъ корней волосъ по всему тѣлу,—и землемѣръ крѣпко натянулъ возжи, чтобы разглядѣть шибко бѣгущую къ нему лошадь.

Но уже ясно было, что не та.

Медленно тащила скрипучую телѣгу большая бѣлая кобыла, встрѣтившаяся возлѣ будки. Годы, тяжкая работа, голодъ, неволя сдѣлали ее страшной, костлявой, почти съ крикомъ хватающей воздухъ легкими... Эта

же шла бодро, чисто, едва касаясь земли. И так гордо и граціозно несла свою голову, что сразу было видно, что она молода, породиста, ни одного дня не знала упряжи...

Но въ этомъ-то и заключался ужасъ. И ошеломленный землемѣръ съ размаху рванулъ возжи.

Коренникъ высоко задралъ морду и заплясалъ, пристяжная со всего разбѣга осѣла на заднія ноги. Но тутъ бѣлая лошадь, какъ перышко, перенеслась черезъ канаву возлѣ опушки и вся выскочила на ея высокій валъ. И, увидавъ ее, коренникъ дико всхрапнулъ, пристяжная такъ шарахнулась къ оглоблѣ, что она треснула,—и телѣжка вихремъ, въ припрыжку понеслась по межамъ пашни. Землемѣръ, не помня себя, вскочилъ на ноги, въ два взмаха замоталъ на руки возжи и, откинувшись назадъ, изо всей силы рванулъ къ себѣ лѣвую возжу. И коренникъ, мотая головою отъ удиль, раздирающихъ челюсти, понесъ обратно, на дорогу, къ лошади, сторожко и граціозно стоявшей на валу.

Она казалась литой изъ серебра. Но, какъ только колеса телѣжки стукнулись о дорогу, тотчасъ же прыгнула съ вала, дала телѣжкѣ мелькнуть мимо себя, —землемѣръ близко видѣлъ ея прекрасныя блестящія глаза,—и весело побѣжала слѣдомъ.

— Грабятъ!—крикнулъ землемѣръ альтомъ и бросилъ возжи.

Мелькнули послѣдніе дубки роици, телѣжка, какъ по рубелю, сдѣлала нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ по перекопамъ—и опять въ глаза глянуло широкое пустое поле и пестрый лунный свѣтъ падъ нимъ. Землемѣръ обернулся—и увидѣлъ, что и лошадь уже въ полѣ—быстро, легко и ровно бѣжитъ за телѣжкой по сѣрой дорогѣ. Только поблѣднѣла немного, какъ поблѣднѣлъ въ полѣ и самый лунный свѣтъ...

— Съ нами крестная сила! — пробормоталъ землемѣръ, съ трудомъ перевода свистящее дыханіе и опять натягивая возжи.

И опять оглянулся.

Увы, и бѣлая лошадь пошла тише!

И, по-прежнему, выраженіе ея морды было спокойно, весело и ласково-вызывающе.

— Ну, притворюсь, что мнѣ все равно, — рѣшилъ землемѣръ, снова чувствуя приступъ ужаса, но уже не рѣзкаго и сладостнаго, а холоднаго, безнадежнаго, какъ въ кошмарѣ.

И, какъ въ кошмарѣ, погналъ нару подъ изволокъ, въ безконечный, каменистый Ястребинъ-Колодезь.

Мелкая безымянная рѣчка поблескивала и бѣжала по его широкой долигѣ,—настолько мелкая и прозрачная, что можно было сосчитать подъ водою бѣлыя камешки ея днища. Какъ чешуя рыбы, поблескивала она подъ луною, и красивъ и печаленъ былъ въ эту лунную ночь каменистый и пустынный Ястребинъ-Колодезь!

Но любоваться было не время.

Нужно было зорко править, чтобы не вылетѣть на выбоинахъ спуска, нужно было ловко повернуть полной рысью вправо, а потомъ—въ бродъ, не давъ нарѣ заартачиться. Но лошади и сами понимали дѣло — и цѣлко пронеслась пристяжная по узкой тропчкѣ надъ обрывомъ косогора, какъ разъ во-время вильнулъ влѣво коренникъ и увѣренно кинулся въ рѣчку... Прѣсно и тепло пахнуло водой—и колеса съ шумомъ закружились въ серебрѣ и алмазахъ, сыплющихся въ стороны, глухо застучали по размытымъ бѣлымъ камнямъ...

— Глянуть или нѣтъ?—подумалъ землемѣръ на срединѣ.—Нѣтъ, не надо.

И тотчас же оглянулся.

Бѣлая лошадь опять была въ двухъ шагахъ отъ него!

Она какъ разъ по слѣду телѣжки вѣбжала въ воду — и почему-то остановилась. Остановилась и, балуясь, била воду тонкой ногой, поднимая бѣлоснѣжную пѣну. Блѣдное, блестящее лицо луны плавало возлѣ телѣжки слѣва, а сзади стояла красивая и страшная лошадь съ темными человѣческими глазами.

— Пропаль я! — съ радостнымъ отчаяніемъ подумала землемѣръ и погналъ на берегъ.

И черезъ минуту грохотъ колесъ рѣзко оборвался — и, блестя мокрыми шинами, ровно покатались они по мелкому щебню побережья въ смутную, слегка си-зую даль безкопечнаго луга... Луна осталась сзади.

Чтобы узнать, цѣла ли тренога, землемѣръ еще разъ взглянулъ назадъ и, къ удивленію своему, лошади не увидалъ. Глянулъ влѣво, на скать голаго ко-согора, глянулъ вправо, на прозрачную воду, бѣгущую по бѣлымъ плитамъ, потомъ опять назадъ... Только широкій лугъ, весь, какъ свѣтлымъ дымомъ, наполненный луннымъ сіяніемъ! Но зато на дрогахъ телѣжки, скрестивъ длинныя, тонкія ноги въ разбитыхъ лаптяхъ и повернувъ къ землемѣру мертвое, беззубое лицо, наполовину освѣщенное луною, сидитъ и смотритъ круглыми глазами нищенка. И землемѣръ, увидавъ ее, лякнулъ зубами и сипло засмѣялся бессмысленнымъ смѣхомъ.

— Хороша! — сказалъ онъ. — Красива! Ты смерть, что ли?

Нищенка молчала.

— Молчишь? — сказалъ землемѣръ. — Значить, это правда?

Нищенка молчала и смотрѣла ему въ лицо непо-

движными глазами, положивъ лѣвую руку — большую, костлявую, лиловатую отъ загара — на привязанную къ сидѣнью треногу.

И землемѣръ задумался.

— Нашла съ кѣмъ шутки шутить! — сказалъ онъ горько. — Или мало тебѣ, что ты всю жизнь издѣва-лась надо мною?

И вдругъ почувствовалъ такую острую боль горя и обиды, что, не помня себя, взмахнулъ кнутовищемъ. Сладкія слезы злобы сдавили его горло, но, какъ только онъ взмахнулъ кнутовищемъ, старуха точно растаяла въ воздухъ. И внезапно опять зазвенѣлъ гдѣ-то въ небѣ тонкій, радостно-хищный смѣхъ какой-то ночной птицы:

— Пи, пи, пи, пи!

И замирая, затерялся надъ лугами...

Землемѣръ пришелъ въ себя и медленно перекре-стился.

5.

Въ Долгое онъ пріѣхалъ передъ разсвѣтомъ.

Нищенка исчезла возлѣ подъема на хохлацкіе вы-селки Ярѣськи. И тотчасъ же послѣ этого онъ безсильно опустилъ возжи. Рубашка на немъ была мокрая, сердце билось. Крестьясь, онъ снялъ картузь, вытеръ рукавомъ потный лобъ и, почувствовавъ ознобъ, на-кинулъ на плечи чуйку.

— Что за чушь! — сказалъ онъ изумленно и по-смотрѣлъ въ лугъ.

Но въ лугу было пусто.

Онъ посмотрѣлъ съ горы въ поля за лугомъ, къ юго-востоку — и что-то грозное взглянуло ему въ глаза.

А, это поднимается зимнее небо! Уже встают яркія полуночныя созвѣздія: треугольникъ изъ алмазовъ Тельца съ рубиномъ Альдебарана посредицѣ, — мистическое Всевидящее Око... Но силъ уже не хватало.

И землемѣръ сталъ посиѣшнѣ крутить папиросу. И долго куриль съ жадностью, съ упоеніемъ. А докуривъ, почувствовалъ такую жажду сна, какая бываетъ только въ дѣтствѣ, послѣ долгаго лѣтняго дня.

— Спать, спать! — сказали онѣ, закрывая глаза и опуская голову.

Лошади шли шагомъ, темныя, ѣдко пахнуція потными хомутами и разгоряченнымъ тѣломъ. Землемѣръ смотрѣлъ на сбитую на бокъ шлею коренника, хотѣлъ поправить кнутовищемъ — и не могъ.

— Спать, спать! — сумрачно говорилъ онъ, закрывая глаза. — Я, кажется, съ ума схожу.

И тотчасъ же начинало казаться, что телѣжка бѣжитъ подъ гору, и отъ этого замирало сердце, путались мысли — и сознаніе тонULO въ глубокомъ снѣ..

Вотъ чувствуется, что случилось что-то. Онъ слабо открываетъ глаза и видитъ, что телѣжка стоитъ — и коренникъ съ шумомъ дѣлаеть то, для чего остановился.

Луна поднялась высоко-высоко, свѣтлая, блѣдная ночь стала еще блѣднѣе, и далеко вокругъ разстилается равнина, покрытая блѣдною пылью... Степь, поздно, тишина, свѣжеть...

И опять коренникъ трогаетъ съ мѣста, и опять все путается. Кажется, что низко, низко по землѣ, по поляни, свѣтлой мглой бѣжитъ туманъ, а въ туманѣ, — блѣлая легкая лошадь... Мгла становится все гуще, лошадь понемногу теряется въ ней... Землемѣръ открываетъ глаза — и видитъ, что коренникъ опять стоитъ: большой дымчатый воля лежитъ и дремлетъ посреди

глинистой улицы, половина которой покрыта косою зубчатой тѣнью, а кругомъ — хаты, хохлацкіе выселки, Яреськи. Мѣсто ровное, по степному голое, улица широкая, а направо и налево — блѣдно-голубыя мазанки съ квадратными глиняными трубами, такія молчаливыя и грустныя въ этотъ поздній часъ долгой лунной ночи! И ни звука, точно все вымерло. Только острожно и прерывисто трюкають сверчки въ блѣдно-голубыхъ стѣнахъ съ темными мертвыми окошечками, слюдой поблескивающими противъ луны.

— Ахъ, дуракъ, дуракъ! — съ ласковой укоризной говоритъ землемѣръ кореннику и легонько ударяетъ его возжей, объѣзжая важно дремлющаго дымчатого вола съ огромными рогами.

А въ третій разъ онъ открываетъ глаза уже въ Долгомъ, упершись оглоблями въ ворота своего помѣстья. Похоже на Яреськи, — только улица еще шире и длиннѣе, а хаты тонуть въ налсадинкахъ. Набѣжалъ туманъ на луну, стало совсѣмъ прохладно, за воротами хрипло и бодро кричитъ басомъ огромный красно-золотой пѣтухъ. Землемѣръ слѣзаетъ съ телѣжки, направляетъ ноги съ родественнымъ чувствомъ къ своему помѣстью, съ легкой тревогой — благополучно ли въ домъ? — и чуть слышно стучитъ кнутовищемъ въ кухню, въ крайнее окно длиннаго кирпичнаго дома подъ желѣзной крышей, почти не виднаго за высокими мальвами,

И черезъ минуту щелкаетъ задвижка, и на крыльцѣ ежась и зѣвая, появляется солдатка Василиса босая, въ короткой юбкѣ вся теплая и томная со сна.

— Здоровы? — спрашиваетъ землемѣръ, отводя глаза отъ ея голыхъ полныхъ плечъ.

— Слава Богу живы, здоровы, — улыбаясь и почесывая подъ мышками говоритъ Василиса.

— Ну возьми лошадей, вели Кузькѣ распречь...

Дома все было благополучно, жизнь текла обычно, и, как всегда, по воскреснымъ днямъ, утромъ изъ зала пахло ладаномъ. Землемѣръ, спавшій не раздѣваясь, плеснулъ на лицо водою изъ умывальника и вышелъ въ залу. Въ залѣ было солнечно, дѣтски весело. На столѣ, въ простѣннѣкѣ между окнами, выходящими въ палисадникъ, кипѣлъ золотой самоваръ. Кусочекъ ладана, брошенный Марьей Яковлевной въ его трубу—для праздника—распространялъ сладкій церковный запахъ. Марья Яковлевна, толстая, небольшая женщина лѣтъ сорока, походила лицомъ на фонъ-Визина, мыла чашки и стаканы. И, какъ всегда, землемѣръ поздоровался съ ней ласково-пронически и въ томъ же тонѣ поговорилъ о дѣлахъ.

Новостей было мало: только ссора съ Иваномъ Павловымъ, который опять приписалъ въ книжкѣ.

— Такой свинья!—воскликнула Марья Яковлевна.— Да покаралъ Господь! Помнишь его бланжеватаго быка? Картошкой подавился!

— Издохъ?—спросилъ землемѣръ.

— И часу не прожилъ!—сказала Марья Яковлевна, раздувая ноздри.— Покаралъ Господь!

Потомъ помолчала, взглянула въ открытое окно и взволновалась еще больше.

— Ну, вотъ! Полюбуйтесь!—сказала она.— Боже, какія мои дѣти пошлыя! Опять босикомъ!

Дѣти были въ палисадникѣ. Толстый, трехлѣтній Котикъ, одѣтый, какъ дѣвочка, важно ходилъ среди мальвъ, переваливаясь на кривыхъ ножкахъ. Десятилѣтній Павликъ, худенькій, хорошенькій, съ черными и всегда глѣвными глазками, закатавъ до самыхъ па-

ховъ штанишки, цѣлился изъ лука въ воробьевъ. Таия и Оля, тоже худенькя, но бѣлобрысыя и некрасивыя, съ замираніемъ сердца слѣдили за нимъ. И ноги у нихъ были тоже голыя: юбки подняты и завернуты на талии, панталоны, какъ у Павлика, закатаны кверху.

Землемѣръ посмотрѣлъ въ окно, ласково и слабо крикнулъ: „Здравствуйте, настѣдники!“ и, улыбаясь, сказалъ:

— При чемъ же тутъ пошлость?

— Ну, конечно!—воскликнула Марья Яковлевна.— У тебя все не при чемъ. Ты ужъ привыкъ во всемъ потакать имъ!

И, видя, что землемѣръ слушаетъ разсѣянно, съ изумленіемъ прибавила:

— Да что это ты какъ блаженный какой?

— Уморился,—виновато сказалъ землемѣръ и отвелъ глаза въ сторону...

Передъ обѣдомъ онъ опять спалъ и поднялся съ тяжелой головой.

Вѣтъ не хотѣлось и, какъ среди мухъ въ жаркій день, было томительно сидѣть среди густого терпкаго запаха картофельнаго супа съ барапиной, среди баловавшихся дѣтей и крика Марьи Яковлевны. „Тоже—залъ называется!“—думалъ землемѣръ, съ кислой улыбкой оглядывая знакомую комнатку, вдругъ показавшуюся нестерпимо тѣсною, и противныя украшенія на ея стѣнахъ: генерала Гурко съ косымъ носомъ, лихими баками и яростными глазами, Тамару въ гробу, крещеніе Руси и выцвѣтшіе фотографическіе снимки, на одномъ изъ которыхъ былъ и онъ самъ—въ солдатской позѣ, въ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, въ старомодныхъ штанахъ съ раструбами—и Марья Яковлевна—въ фатѣ и съ бессмысленно-выпученымъ взглядомъ. Жадно хотѣлось пива, и, когда привесли изъ лавочки холод-

ную бутылку темнаго толстаго стекла, землемѣръ осушилъ ее почти залпомъ. Потомъ закурилъ и вышелъ за калитку палисадника, на скамейку.

Вечеръ былъ ясный, улица, мирная и красивая отъ бѣлыхъ мазанокъ и разноцвѣтныхъ малевъ, вся розовѣла противъ заходящаго солнца, блестяла стеклами. Стрижи весело сверлили воздухъ, кружась надъ площадью направо, надъ куполомъ деревянной церкви. И какъ всегда въ хорошій вечеръ, съ площади, изъ оконъ сидѣльца винной лавки, неслись рѣзкіе, ухабистые басы и альты аристонна—звуки краковяка.

Землемѣръ слушалъ, весь наполняясь этими вызывающими и бьющими по нервамъ звуками, и тщетно заставлялъ себя обдумать что-то.

— Ну, привидѣніе такъ привидѣніе,—тупо говорилъ онъ себѣ, съ болѣзненнымъ наслажденіемъ вспоминая подъ краковякъ только одно,—что бѣлая лошадь была ловка, сильна, красива,—и возвращался къ другой мысли.

Мысль эта пришла ему въ голову еще утромъ и затѣмъ уже не покидала его даже во снѣ.

— Почему,—напряженно думалъ онъ,—почему дѣти такъ любятъ игру въ войну, въ охоту и въ какія-то далекія поѣздки?

Но голова была пуста, вся полна краковякомъ и ничего не могла отвѣтить на докучный вопросъ. Только повторяла его все настойчивѣй и настойчивѣй.

Чтобы разсѣяться, землемѣръ всталъ и пошелъ къ хатѣ о. Нифонта, жившаго черезъ улицу, почти напротивъ.

Загорѣлый подпасокъ въ старомъ дворянскомъ картузѣ гналъ по улицѣ кучку темно-лиловыхъ барановъ, тѣснившихся другъ на друга, мелко перебиравшихъ ножками и поднимавшихъ золотисто-розовую пыль.

Бѣлоголовые ребятишки въ одѣхъ рубашонкахъ катили визгливую телѣжку на деревянныхъ кружкахъ вмѣсто колесъ. По тропинкамъ возлѣ палисадниковъ, среди засохшей глинистой грязи, плли бабы съ подоткнутыми подолами и съ коромыслами на плечахъ и низко кланялись поповой хатѣ, не глядя на нее и виляя кострецами. А попь, огромный, тучный, лысый, сидѣлъ на лавочкѣ возлѣ палисадника, одной рукой разбиралъ большую епитовую бороду, а другой гладилъ ходившаго по его плечу худенькаго котенка мышинаго цвѣта.

— Здравствуйте, здравствуйте, Юрій Милославскій!—благодушно сказалъ онъ.—Давненько не было. Небось, весь земной шаръ смѣрили?

Землемѣръ подеѣлъ на лавочку и, принужденно улыбаясь, небрежнымъ тономъ разсказалъ, какая „глупѣйшая“ исторія приключилась съ нимъ въ дорогѣ.

Но на о. Нифонта бѣлая лошадь не произвела никакого впечатлѣнія.

— Бываетъ,—сказалъ онъ.—То ли еще бываетъ! Вонъ мои работники недавно жаловались: какъ только они въ сарай, на боковую, такъ сейчасъ же козель за стѣпой: бя-я! А я и козловъ-то отроду не водилъ... Слышали, какъ бычекъ-то подковалъ Иванъ Павлова?

Землемѣру стало скучно и неспрїятно. Вспомнилъ онъ однообразіе зимнихъ и лѣтнихъ дней въ Долгомъ, вспомнилъ сплетни, сонъ послѣ обѣда, Марью Яковлевну, выходящую послѣ сна къ чаю съ желтымъ смятымъ лицомъ, заспѣннымъ мухами... И, раздражаясь, сказалъ:

— А быка жалко, батушка! Великолѣпный былъ быкъ! Бывало, бѣжитъ—земля дрожить... Глаза огненной кровью налиты... Не намъ чета!

— То-есть, какъ не намъ чета? — удивленно спросилъ о. Нифонтъ, опуская руку, гладившую тощаго головастаго котенка.

— А такъ,—рѣзко сказала землемѣръ и почувствовала, что у него похолодѣли руки. — Сила! Я вотъ поѣхалъ какъ-то прошлой осенью въ городъ, а въ городѣ звѣринецъ, а въ звѣриницѣ—левъ. Сижу вечеромъ въ померѣ, а стекла такъ и заливаются! У меня, понимаете, свѣчка едва коптитъ, померишка вопючій, зеркальце на стѣнѣ отъ духоты и самоварнаго пара побѣлѣло, а онъ—какъ хватить, хватить! Открылъ я окно—темь, дождь, все забилась въ хибарки, а онъ такъ и пануетъ надъ городомъ!.. Ахъ, о. Нифонтъ,—страстно прибавилъ землемѣръ, начиная дрожать отъ волненія,—все-таки нѣтъ ничего на свѣтѣ хуже безсилія!

— Ну, это дѣло другое,—сказалъ о. Нифонтъ.— А то я не понялъ сперва, какую мысль вы хотите привести. Понятно, страшная сила! Пишутъ, будто левъ можетъ хвостомъ быка убить.

Землемѣръ закурилъ напиросу и уже хотѣлъ повторить рассказъ о бѣлой лошади, повдругъ лякнулъ зубами. Раскрасившееся солнце только-что сѣло за площадью, и все сразу потускнѣло, поблекло. Неприятный вѣтеръ, пыля по площади, добѣжалъ до поповой хаты, зашумѣлъ въ мальвахъ, и землемѣръ вдругъ дернулся и стукнулъ зубами отъ холода. Торопливо простившись съ о. Нифонтомъ, онъ торопливо перешелъ улицу, торопливо вошелъ въ домъ и, не зажигая огня, бросился на постель въ своемъ кабинетѣ, узкой комнатѣ возлѣ зала. Въ головѣ, пѣвшеи краковякъ, вертѣлась пазойливо-мучительная мысль о дѣтской любви къ воинѣ, а нившее тѣло жадно просило одѣяль, шубъ, полушубковъ. Перепуганная Марь

Яковлевна бѣгала по темнымъ комнатамъ, одѣвала его тѣмъ понало, а онъ стучалъ зубами и просилъ дать ему возжи. Онъ видѣлъ, что со всѣхъ сторонъ сыплются на него бѣлые лошадиные черепа, заливаютъ столы, стулья—и задышался отъ духоты, жары и пеловкости подъ этими черепами... А стекла дрожали отъ далекаго львиного рева... Онъ вспомнилъ, однако, что это не ревъ, а громъ, и, открывъ глаза, услышалъ шумъ вѣтра за окномъ, увидалъ золотой сполохъ, озарившій комнату...

— Марья Яковлевна!—крикнуть онъ слабо.

— Лампу заправляю, — откликнулась Марья Яковлевна изъ зала.

И землемѣръ опять потерялъ сознание.

Левъ ревѣлъ, въ комнатѣ стужался мракъ, все отчетливѣе и дерзче пѣвшій краковякъ, но вѣтеръ распахнулъ раму и, взвивая какую-то черную завѣску, все сильнѣе и сильнѣе заливалъ мракъ золотымъ пламенемъ. Въ ужасѣ передъ начинавшимся пожаромъ землемѣръ вскочилъ и хотѣлъ бѣжать, но вдругъ вены хнуло одѣяло. Онъ бросился тушить его руками—и потерялъ сознание въ черныхъ клубахъ удушяющаго дыма...

Приѣхавшій на другой день къ вечеру земскій врачъ человѣкъ съ изумленными глазами, въ круглыхъ очкахъ, съ густой огненной бородой и въ парусинномъ балахонѣ, сказалъ, крутя на щекѣ волосы, что у больного крупозное воспаление легкихъ.

7.

Воспаление протекло быстро. Но до кризиса землемѣръ пришелъ въ сознание только два раза и то не надолго.

Открывъ глаза въ первый разъ, онъ узналъ Марью Яковлевну, понялъ, что онъ дома, что на столикъ возлѣ кровати горитъ свѣчка. Но бока были такъ крѣпко скованы острыми, нестерпимо рѣжущими при каждомъ вздохѣ желѣзными обручами, глазами яблоки такъ ломило, а дрожащее пламя свѣчи было окружено такимъ печальнымъ и большимъ мутно-радужнымъ шаромъ, что онъ поспѣшилъ повернуть голову къ стѣнѣ, къ коври, на которомъ былъ изображенъ очень прямо сидящій турокъ въ тюбанѣ, огромныхъ шальварахъ и съ мундштукомъ каляяна въ рукѣ.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь?—сдерживая слезы и стараясь говорить ровнымъ голосомъ, спросила Марья Яковлевна.

Но больной не отвѣтилъ.

Все было такъ чуждо ему, такъ скучно, что отвѣтить не хватило силы. Свѣтъ дрожалъ, краснѣлъ, турокъ въ тюбанѣ росъ, расплывался, принималъ фантастическія очертанія... И сознаніе опять потонуло въ кошмарахъ.

Второй разъ оно держалось дольше. Въ первую минуту показалось даже, что возвратилось здоровье, — такъ хорошо и просто было самочувствіе. Въ комнатѣ было темно, Марья Яковлевна всхрапывала въ креслѣ, за окномъ синѣла лунная ночь. И землемѣръ вспомнилъ, какъ, много лѣтъ тому назадъ, когда у него было первое воспаленіе, онъ вотъ также пришелъ въ себя поздней ночью, въ темной комнатѣ... И всю душу его охватила невыразимая тоска. Какъ молодъ онъ былъ тогда какъ красива восхитительна была даже болѣзнь! Онъ цѣлый годъ жилъ тогда дома выгнанный за куреніе изъ пятого класса реального училища, готовился въ землемѣрное, пропадалъ въ полѣ съ ружьемъ и собакой... Въ жаркій апрѣльскій день на-

пился изъ ледяного хрустальнаго ключа въ голомъ веселомъ лѣсу—и слегъ въ постель. Болѣзнь была тяжелой, осложненная разлитіемъ желчи, по ночамъ температура доходила до сорока и больше, но что за ночи стояли тогда! Голова пылаетъ, по тѣлу идетъ острый колющій холодъ, а лунный свѣтъ такъ дерзко и ярко сквозить въ щели ставни, и соловьи наполняютъ весь садъ такимъ дерзкимъ и яркимъ ликованіемъ, что весь міръ кажется сказочнымъ неземнымъ сновидѣніемъ... И во всемъ существѣ была непоколебимая увѣренность въ выздоровленіи.

Увѣренность, что онъ не умретъ отъ воспаления, была, впрочемъ, и теперь. И такъ оно и случилось. На шестой день былъ кризисъ, а на десятый больной уже ѣлъ въ постели бульонъ, пилъ чай и просто, спокойно разговаривалъ.

Былъ онъ желтъ, слабъ, голова и борода у него сильно посѣдѣли, — не сдались только однѣ густыя строгія брови,—по это очень шло къ нему. Лицо стало чище, красивѣе, утонченнѣе. Марья Яковлевна съ радостью рассказывала, какъ онъ бредилъ, какую чепуху онъ говорилъ иногда, — и землемѣръ улыбался съ ласковой снисходительностью къ самому себѣ.

И съ такой же улыбкой, съ грустнымъ и пріятнымъ сознаніемъ своей слабости, вышелъ онъ въ первый разъ послѣ болѣзни въ залъ, въ прихожую...казалось, что онъ уже давно, давно не видалъ знакомыхъ компанъ!

Глаза у него стали темнѣе, больше и смотрѣли на все удивленно, внимательно. На ногахъ были мягкія туфли, подъ пиджакомъ и рубашкой ласково грѣлъ тѣло лифчикъ изъ лисьей шкурки. Никуда не нужно сѣсть, ни о чемъ не нужно заботиться,—давно не бывало у него такихъ отрадныхъ и мирныхъ дней!

Но онъ уже твердо зналъ: это его послѣдняя осень. Изъ головы не выходили воспоминанія о бѣлой лошади,—онъ теперь ужъ не сомнѣвался, что видѣлъ ее,—и мысль о звѣриной хитрости астмы: не строста дала она ему такой долгой отдыхъ!

Положимъ, на то были причины. Астма послѣ восналенія легкихъ всегда отпускаетъ на время. Астма не уживается съ покоемъ. А онъ жилъ очень покойно. Дѣтей цѣлый день нѣтъ дома,—почти до вечера уходить въ школу,—Котикъ ребенокъ тихій, Марья Яковлевна занята по дому. Только и слышишь: „Ахъ, Господи, куда-жъ это я ключи забельшила?..“ И дни текутъ въ тишинѣ, въ беззаботномъ одиноствѣ... Но почему астма не трогала его почти все лѣто?

Вся его жизнь была связана съ нею. Съ ранней молодости онъ отдавалъ треть всѣхъ своихъ силъ на борьбу съ нею, на изученіе ея нрава. Жизнь истощила его, сдѣлала его рабомъ нужды, заботъ, мѣщанства. Астма воплотила въ себѣ всю тяготу и духоту этой жизни. Она всегда казалась ему живымъ существомъ, безпощаднымъ, злымъ, внимательнымъ. Малѣйшій упадокъ силъ, малѣйшее расстройство ихъ, малѣйшая слабость—и астма уже спѣшитъ обвиться вокругъ его шеи и радостно начинаетъ сдавливать ее...

— Живая, живая!—подумалъ землемѣръ, волнуясь и бродя по залу, уже полному сумерками, и, взглянувъ въ зеркало, со страхомъ увидалъ въ немъ свое худое волосатое лицо, свои расширенные темные глаза, сурово сдвинутыя большія брови, свою чистую гробовую сѣдину.

И, закрывая отъ страха глаза, безпокойно зашагалъ изъ угла въ уголъ.

Онъ вспомнилъ канупъ Ивана Постнаго,—вечеръ, въ который онъ уѣхалъ отъ Стоцнаго,—вспомнилъ

свою безпричинную радость, тоску и тревогу въ дорогѣ, жуткій восторгъ передъ таинственной и злой ночной жизнью... до осязаемости увидѣлъ внутреннимъ зрѣніемъ бѣлую лошадь съ прекрасными человѣческими глазами... заставилъ себя удивиться нелѣпости этого призрака—и не могъ! Былъ въ немъ теперь только холодъ отчаянія, сознаніе, что бѣлая лошадь всѣмъ существомъ своимъ сказала ему о красотѣ и безпощадности жизни... той живой, той страшной силы, что со всѣхъ сторонъ окружила его, безсильнаго.

Онъ весь вѣкъ чувствовалъ, что она стережетъ его, издѣвается надъ нимъ, приходитъ къ нему воросми и внезапно, выжидаетъ ночи. И если онъ былъ слабъ, ночь не проходила ему даромъ. Томительная радость, перемѣшаанная со смертельной тоской, овладѣвала имъ еще задолго до заката. А это лишало его и послѣдней бодрости. И какъ только онъ, обезсиленный, дрожащій, ложился въ постель и тушилъ свѣчу, тотчасъ же радостно и безшумно падала ему на грудь астма. Онъ нятался бороться. Онъ вскакивалъ, зажигалъ свѣчу, зеленѣлъ, синѣлъ отъ натуги, отъ жажды хоть единаго глотка воздуха—и бѣдное сердце трепетало и кричало въ немъ дикими беззвучными криками... Теперь это сердце опять ждало борьбы—можетъ быть, послѣдней. Его работа кончалась... А съ какою жаждой начиналось оно, съ какою страстью и любовью ко всему живому, сильному,—ко всему, что теперь такъ безпощадно вытѣсняетъ его изъ міра!

Онъ ушелъ въ кабинетъ, снялъ съ полки Библию и развернулъ давно знакомую книгу Іова. На столѣ царилъ обычный беспорядокъ: лежали какіе-то гвозди, старые планы, разсыпанные патроны папирсъ... Онъ прилачился съ краю и зачитался, не поднимая головы.

Потомъ положилъ локти на книгу и заглядѣлся на кривую лѣсовку, росшую на пустырь за окномъ.

Да, вотъ былъ человѣкъ непорочный, справедливый, богобоязненный. Былъ онъ богатъ, здоровъ, радостенъ. Но истребилъ сатана, съ изволения Господня, все его имущество, истребилъ всѣхъ чадъ его и поразилъ его проказою отъ подошвы по самое темя. И взялъ человѣкъ черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сѣлъ въ пепель виѣ селенія. И открылъ уста свои и страстно проклялъ день свой. „Погибни, сказалъ онъ, день, въ который я родился, и ночь, въ которую сказано: зачался человѣкъ! Дыханіе мое ослабѣло; дни мои прошли; думы мои—достояніе сердца моего—разбиты; ночью ноютъ во мнѣ кости мои: ибо лѣтамъ моимъ приходитъ конецъ, и отхожу я въ путь невозвратный.—Скажу Богу: за что ты со мною борешься? За что гонишься за мною, какъ левъ, и нападаешь на меня, и чуднымъ являешься во снѣ? Но не отвѣтитъ мнѣ Богъ!“

Было въ простотѣ этихъ словъ, въ образѣ безумно-вдохновеннаго прокаженнаго, сидящаго въ пустынѣ за селеніемъ, скребущаго черепкомъ гнойныя раны и проклинающаго жизнь отъ колыбели до гроба, что-то столь древнее и въ то же время столь близкое во всѣ времена каждому человѣческому сердцу, что прежде землемѣръ былъ не въ силахъ читать этихъ словъ. Но теперь онъ прочелъ ихъ спокойно и медленно, чувствуя себя почти равнымъ Іову въ безнадежности. Потомъ просмотрѣлъ середину книги—она никогда не нравилась ему запутаннымъ пустословіемъ друзей Іова, — и остановился только на словахъ Сафара:

„Можешь ли ты постигнуть Вседержителя? Онъ выше небесъ: что можешь сдѣлать? Глубже преисподней: что можешь узнать? Но пустой человѣкъ мудр-

ствуешь, хотя человѣкъ рождается подобно дикому осленку“...

— Ну, вотъ и отвѣтъ! Вотъ и отвѣтъ дикому осленку! — медленно сказалъ землемѣръ, глядя въ сумерки.—Гдѣ-жъ спасеніе? Гдѣ пріютъ безсильному?

— Ей, Господи, приди и возьми!—вслухъ сказалъ онъ, глядя въ сумерки, и брови у него страдальчески сморщились и задрожали.

— Я покоряюсь,—сказалъ онъ, восторженно вскрикнувъ, и, вставъ съ мѣста, трясущимися руками закурилъ папиросу.

Но тугъ изъ прихожей послышались веселые голоса вернувшихся изъ школы дѣтей, потомъ чьи-то тяжелые шаги, и въ комнату быстро вошла взволнованная, вся пахнувшая осенней свѣжестью Марья Яковлевна.

— Полюбуйтесь!—воскликнула она.—Иванъ Павловъ капусту прислалъ! Ну, прямио смотрѣть не на что. Кочерыжки однѣ!

Землемѣръ сморгнулъ слезы, нѣжно и жалко улыбнулся ей и отвернулся къ окну.

8.

— Это безобразіе!—говорилъ онъ вечеромъ, сидя за ужинкомъ.—Цѣлый день дѣти голодныя! Вѣдь ты подумай, какъ это вредно!

На столѣ горѣла лампа подъ абажуромъ изъ розовой бумаги и стояла миска со щами. Марья Яковлевна медленно и аккуратно ѣла, вся поглощенная думами о капустѣ, а дѣти, пользуясь этимъ, ципали другъ друга за ноги, вскрикивали отъ боли, хохотали и хватили другъ у друга изъ тарелокъ, расшескивая по

столу. Землемѣръ, сгорбившись, сидѣлъ съ дымящимся мундштукомъ въ рукахъ и глубоко затыгивался.

Возня дѣтей волновала его, и онъ глядѣлъ на нихъ почти съ ненавистью. Руки у него слегка дрожали, глаза лихорадочно блестѣли, темя ломило, сердце трепетало, въ груди, гдѣ-то глубоко внутри, чесалось... Было похоже на отравленіе табакомъ, на угарь, насморкъ.

— Я заклеты имъ посылаю на завтракъ,—отвѣтила Марья Яковлевна и, отдуваясь, вытерла тонкія губы салфеткой.

— Заклеты!—сипло передразнилъ землемѣръ задрожавшимъ отъ злобныхъ слезъ голосомъ.

И, сдѣлавъ надъ собой усиліе, всталъ и спокойнѣе прибавилъ:

— Я не буду ужинать, лягу спать сейчасъ, вели не шумѣть дѣтямъ...

И затворился въ кабинетъ.

Тамъ онъ бросилъ папиросу на полъ, сѣлъ въ кресло и долго сидѣлъ безъ движенія, согнувшись и крѣпко, съ цѣпкостью сумасшедшаго стиснувъ ледяными пальцами ручки кресла. Ротъ его изрѣдка раскрывался, со свистомъ лова воздухъ, блестящіе глаза были расширены и съ изумленіемъ устремлены на свѣчку. Лицо посинѣло отъ натуги — и посѣдѣвшая борода казалась бѣлой, страшной, гробовою.

Потомъ, собравъ всѣ силы, съ поднятыми плечами, онъ приподнялся съ мѣста и сталъ жечь на свѣчкѣ селитренную бумагу и жадно втягивать ѣдкій дымъ ртомъ и ноздрями.

Стало немного легче, и тогда онъ успѣшилъ раздѣться, дунулъ на свѣчку и тотчасъ же забылся въ наступившей темнотѣ.

Но темнота начала сгущаться, чернѣть и давить грудь. Онъ сдѣлалъ усиліе, вздохнулъ и перевернулся

на бокъ. Черная темнота заколебалась, поплыла—и колокольня, обозначившаяся въ ней, стала наклоняться, наклоняться—и вдругъ вся рухнула на него. Онъ барахтался, силясь освободиться отъ сыплющихся на него камней, пыли, известки,—и, наконецъ, глухо, по животному заревѣвъ всѣмъ путромъ, раскинулъ ихъ. Раскинулъ—и, весь въ ледяномъ поту, съ трепещущимъ сердцемъ порывисто сѣлъ на постели... Нужно было напарить въ темнотѣ коробку со спичками, поскорѣе зажечь свѣчу и закурить черную, пахнущую горящимъ вѣшникомъ сигару Эспикъ... По крышѣ шумѣлъ проливной дождь, и этотъ шумъ, вмѣстѣ съ лихорадочнымъ шумомъ въ ушахъ, съ каждой минутой становился все пѣвучѣе и все страшнѣе, наполняясь вызывающими звуками краковяка.

Подъ утро землемѣръ забылся и, свистя задухшими бронхами, крѣпко спалъ до десяти часовъ утра. Мирный величавый гулъ, отъ котораго пѣжно дребезжали стекла, слышался ему сквозь сонъ. Онъ открылъ глаза и понялъ, что это колоколь: было первое октября, престольный праздникъ въ Долгомъ. Нѣжно звеняція стекла были матово-голубыя,—значить, передъ утромъ былъ крѣпкій морозъ, чистый легкій воздухъ, яркое небо... Землемѣръ быстро одѣлся и освѣжился водой свое липоватое, точно заплаканное лицо съ болѣзненно блестящими глазами. Въ домѣ было тихо,—всѣ были въ церкви,—на столѣ въ залѣ стоялъ остывшій самоваръ. Землемѣръ выпилъ стаканъ теплаго чаю и на минутку вышелъ на крыльцо,—первый разъ послѣ болѣзни.

Боже, какое невыразимое счастье—дышать! Думать, смотрѣть, двигаться — это дивно, сладко, но дышать... люди даже и представить себѣ не могутъ, чего они лишатся, утративъ блаженство пить этотъ божественный напитокъ жизни!

И, сладостно слабѣя отъ душистой свѣжести, прикивавшей до самой глубины наболѣвшей груди, землемѣръ прислонился къ двери.

На крыльцѣ—яркое радостное тепло, изъ палисадника тянетъ холодкомъ сырой земли и вялымъ ароматомъ гнѣющихъ цвѣтовъ и листьевъ. Противоположная сторона улицы еще въ тѣни, и въ прозрачномъ воздухѣ такъ близки кажутся голубоватобѣлыя стѣны мазанокъ. Вѣтви лозинъ за ними уже голы и четко рисуются на чистой лазури... Какой просторъ сияетъ теперь за селомъ, въ степи,—на мерзлыхъ кочковатыхъ дорогахъ, на изумрудныхъ озимяхъ, надъ которыми въ прозрачномъ воздухѣ дрожатъ острыя крылья ястребовъ и кобчиковъ!.. Но стоять было трудно, воздухъ пьянилъ и рѣзалъ грудь.

Онъ повернулся и столкнулся съ Василисой, выносившей изъ дому мѣдный подносъ съ самоваромъ и чашками. „Вотъ здоровье!“ острой завистью мелькнуло у него въ головѣ. Не то кукла, не то истуканъ какой-то! Черные глаза радостно и безсмысленно блестятъ, лицо сизо отъ густого румянца и цинковыхъ бѣлилъ, бордовое шерстяное платье, неуклюже сшитое по модѣ и надушенное „персидской сиренью“, чуть не трещитъ по швамъ, въ черныхъ волосахъ краснѣетъ бумажная роза, на шеѣ блестятъ разноцвѣтные бусы...

— Съ праздникомъ, барины! — сказала Василиса бойко.—Чуть было не задавила васъ!

И ловко захлопнула дверь ногою.

А въ залѣ, на высокомъ стулѣ возлѣ стола, сидѣлъ Котикъ, ѣлъ съ блюдечка яйцо въ смятку и тарачилъ глаза, засовывая въ ротъ чайную ложечку. За столомъ стояла недавно нанятая нянька, бѣдная мѣщанка Пелагея, очень худая и высокая, съ длиннымъ лицомъ,

съ длинными зубами, въ темномъ старушечьемъ платьѣ горошкомъ, и говорила печально и разсѣянно:

— Вы, батюшка, ягчка-то поменьше, а хлѣбца побольше,—вотъ и сыты будете...

Въ одиннадцать пришли изъ церкви дѣти и Марья Яковлевна, нарядная, церемонная,—какъ гости. Марья Яковлевна—въ лиловомъ шелковомъ платьѣ, маленькой старомодной шляпкѣ, въ митенкахъ и съ зонтикомъ; дѣвочки, блѣдныя, некрасивыя,—обѣ въ розовомъ, Павликъ стройный, хорошенькій,—въ темно-синемъ сукопномъ костюмчикѣ, похожемъ на матросскій. И только одинъ Павликъ вошелъ въ комнату бодро и просто, блестя черными злыми глазками. А дѣвочки и Марья Яковлевна еле двигались.

— Ахъ, Боже мой!—жеманно сказала Марья Яковлевна, поставивъ въ уголъ зонтикъ и развязывая подъ подбородкомъ ленту черной корзиночки, чуть державшейся на макушкѣ ея прилизанной головы съ широкимъ проборомъ.

И дѣвочки, крутя головками, томно повторили въ одинъ голосъ:

— Ахъ, Боже, какая духота была въ храмѣ!

— Давайте поскорѣе обѣдать,—сказала землемѣръ, вдругъ почувствовавъ отвращеніе ко всему своему дому и смертельную слабость въ тѣлѣ.

— Не думаю, чтобы было готово,—изнемогающимъ голосомъ отвѣтила Марья Яковлевна...

И время до обѣда текло мучительно медленно.

Вѣсть не хотѣлось, но чѣмъ, кромѣ ѣды, наполнить долгій праздничный день въ этомъ скучномъ и противномъ домишкѣ, гдѣ интересенъ только одинъ черноглазый Павликъ?

— Я золь потому, что измучился за ночь,—поду-

маль землемѣръ и, выпивъ послѣ обѣда бутылку пива, съ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ легъ въ постель.

Но сердце дрожало, замирало, и, какъ только землемѣръ закрылъ глаза, постель полетѣла въ бездну. Онъ съ трудомъ приподнялся, снялъ пиджакъ, ситцевую рубашку и швырнулъ въ уголь жаркую лисью курточку. Но и рубашка была противна: еще ни разу не мытая, горячая, съ запахомъ галантерейной лавки. Отъ этого запаха тошнило и ломило голову... Потомъ поднялся мучительный затыяной кашель съ насморкомъ... И замученнаго землемѣра охватила страстная жажда смерти, нечеловѣческаго вздоха, отъ котораго сразу лопнуло бы сердце... Съ этой жаждой онъ и забылся.

Въ три часа онъ внезапно очнулся, услыхавъ какую-то возню въ залѣ, и слабо крикнуть:

— Кто тамъ?

Но никто не отозвался.

Марья Яковлевна ушла съ дѣтьми въ гости къ становому или сидѣльцу винной лавки. Прислуга была за воротами. И въ душѣ вдругъ такъ ясно, такъ отчетливо послышались рѣзкіе ухабистые звуки, хрипые басы и альты ариетона, играющаго краковякъ, что на головѣ зашевелились волосы. И съ ужасающей яркостью представилась бѣлая лошадь, вошедшая въ темняющій залъ и съ наслажденіемъ, съ расширенными темными глазами, слушающая музыку.

— Боже, какой вздоръ! — подумалъ землемѣръ, закрывая глаза и спясь освободиться отъ этого нестерпимо живого образа.—Боже, какое издѣвательство

Вдругъ что-то стукнуло.

Землемѣръ быстро взглянулъ и увидѣлъ, какъ по столу мелькнулъ длинный хвостъ большой сѣрой крысы. Землемѣръ затаилъ дыханіе и сталъ дожидаться, что будетъ дальше.

— Придетъ или нѣтъ?—думалъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Если придетъ, — значитъ, нынче конецъ мнѣ!

И, не дождавшись, снова заснулъ глубокимъ, тяжелымъ сномъ. А когда открылъ глаза, весь похолодѣлъ отъ страха: въ комнатѣ почти темно, тишина гробовая, а крыса стоитъ на столѣ на заднихъ лапкахъ, задомъ къ окну, и пристально смотритъ на постель... Ушки подняты и розовѣютъ на свѣтъ... Значитъ, конецъ!

Онъ спалъ, какъ спятъ передъ казнью.

И, весь дрожа отъ страха и холода, землемѣръ уронилъ голову на подушку.

— Помилуй мя, Боже, по величій милости Твоей! — пробормоталъ онъ умоляюще-безсильно.

Онъ представилъ себѣ свое дѣтство, младенчество и почувствовалъ невыразимую жалость къ этому бѣдному маленькому осленку, неизвѣстно зачѣмъ пришедшему въ міръ и осмѣлившемуся мудрствовать. Что отвѣтитъ ему Богъ въ шумѣ бури? Онъ только напомнимъ безумцу его ничтожество, напомнимъ, что пути Творца неисповѣдимы, грозны, радостны и развернетъ бездну величія Своего, скажетъ только одно: Я — Сила и Безпощадность. И ужаснетъ великой красотой проявленія этой силы на землѣ, гдѣ отъ вѣка идетъ кровавое состязаніе за каждый глотокъ воздуха...и гдѣ безпомощнѣй и несчастнѣй всѣхъ—человѣкъ.

— Кто сей, омрачающій Провидѣніе словами безъ смысла? — вспомнилъ онъ страшныя слова, звучавшія когда-то въ шумѣ бури.—Препояшь нынѣ чресла свои, какъ мужъ: Я буду спрашивать, а ты отвѣчай Мнѣ...

— О, какая красота!—сказалъ землемѣръ, и горячія слезы выступили изъ-подъ его рѣсницъ.

— Знаешь ли ты время, когда рождають дикія козы

на скалах? — Онъ изгибаются, рождая дѣтей своихъ, а дѣти ихъ приходятъ въ силу, растутъ въ полѣ и не возвращаются къ нимъ. Знаешь ли ты, кто разрѣшилъ усы Опагру, которому степь Я назначилъ домомъ, а солончани жилищемъ? Захочетъ ли Единорогъ служить тебѣ и переночуетъ ли у яслей твоихъ? Ты ли далъ перья и пухъ страусу? Онъ оставляетъ яйца свои на песокъ и забываетъ, что полевой звѣрь можетъ растоптать ихъ. Онъ жестокъ къ дѣтямъ своимъ, какъ бы не своимъ...

— Все сила, сила и—свобода!—воскликнулъ землемѣръ, садясь на постели и почти на-яву видя въ темнотѣ передъ собою свою гибель, свою смерть,—бѣлую лошадь съ дико-веселымъ, вызывающимъ и безпощаднымъ взглядомъ.

— Храбріе поздрей ея—ужасъ, — съ безумнымъ восторгомъ вспомнилъ онъ стихи о лошади въ книгѣ Іова.—Роетъ ногою землю и восхищается сіклою. Въ порывѣ ярости глотаетъ землю и не можетъ устоять при звукѣ трубы. При звукѣ трубы издаетъ голосъ: Гу! Гу! и издалека чувствуетъ битву, громкіе голоса вождей и крикъ...

— А верхъ путей Его!—дерзко и громко, точно въ бреду, сказалъ землемѣръ.—Верхъ путей Его — быкъ Ивана Павлова... бегемотъ... левіаѳанъ...

— Сила въ чреслахъ бегемота и крѣпость въ мускулахъ его. Поворачиваетъ хвостомъ своимъ, какъ кедромъ. Жилы же на бедрахъ его переплетены. Ноги у него, какъ мѣдныя трубы. Кости у него, какъ желѣзные прутья. Это—верхъ путей Божіихъ.

— *Астма Ты!* — сказалъ землемѣръ, блестящими бѣшеными глазами глядя въ темноту и свистя бронхами.

Ночью въ тускломъ воздухѣ кабинета тускло горѣла лампа. Тяжело пахло холоднымъ дымомъ сигаръ и жженой бумаги. Землемѣръ, съ опухшимъ пятнистымъ лицомъ, съ расширенными черными глазами и густой бѣлой бородой, въ разорванной сверху до низу рубашкѣ, полулежалъ на высоко взбитыхъ подушкахъ. Грудь его, покрытая сѣдьющими курчавыми волосами, была въ круглыхъ лиловыхъ кровоподтекахъ: вернувшаяся въ десять часовъ отъ становаго Марья Яковлевна нашла его почти безъ сознанія и поставила ему банки, зажигая вату и быстро прикрывая стаканами... Стало легче, и онъ уговорилъ Марью Яковлевну идти спать. Марья Яковлевна успокоилась и ушла. И въ домѣ, послѣ суматохи и бѣготни, наступила мертвая тишина.

Въ полночь землемѣръ привсталъ съ постели, потушилъ лампу и закрылъ глаза въ смертельной жаждѣ отдыха. Но лампа внезапно зажглась снова—сама собою. Отъ страха у землемѣра опять заколотилось сердце, и онъ опять пошелъ тушить ее. И увидалъ, что онъ въ людномъ дымномъ вагонѣ, бѣгущемъ среди зыбкихъ снѣжныхъ полей,—лежитъ на диванѣ и смотритъ на кавалериста офицера, сидящаго напротивъ. Офицеръ молодъ, красивъ и крѣпко, крѣпко затянутъ въ рейтузы и смѣшно короткій китель. Глаза у него блестятъ, губы яркія, короткіе курчавые волосы черны, какъ смоль. Усики маленькіе, пахальные. И, нахально наклоняясь къ землемѣру, офицеръ глухо кричитъ ему на ухо:

— Вы все-таки счастливецъ! Скоро и пріѣдете!

И, наклоняясь все ниже и ниже и чувствуя, что

землемѣръ почти не слышитъ его, кричитъ еще громче и еще невнятиѣ:

— А надо вамъ сказать, что я безумно люблю свою жену...

Но землемѣръ съ отчаяніемъ чувствуетъ, что не слышитъ его. По лицу офицера видно, что онъ кричитъ,—но голоса не слышно. И, задыхаясь отъ напряженія, землемѣръ вскочилъ и побѣжалъ по широкому выгону къ воротамъ скотнаго двора, упалъ на землю и нырнулъ въ подворотню, но ворота тотчасъ же осѣли—и стопудовой тяжестью притиснули его къ землѣ. Онъ крикнулъ и сдѣлалъ нечеловѣческое усилие освободиться... И, вскочивъ съ постели, кинулся къ окну, за которымъ бѣлѣлъ разсвѣтъ, и съ размаху ударилъ ладонью въ раму. Рама распахнулась, въ комнату ворвался свѣжій сырой воздухъ, но землемѣръ не успѣлъ глотнуть его: онъ упалъ въ кресло и такъ и остался на мѣстѣ съ закинутой назадъ головой, выкатившимися изъ орбитъ бѣлками и раскрытыми синѣвшими губами... И долго тянуло въ эти раскрытыя губы холодной пахучей сыростью непамятаго осенняго разсвѣта...

А въ полдень, когда землемѣръ уже спокойно лежалъ на столѣ, на сѣпѣ, застланномъ простынею, вымытый, причесанный, въ сюртукѣ и крахмальной рубашкѣ, въ залъ на цыпочкахъ вошелъ Иванъ Павловъ, поклонился ему до земли, поцѣловалъ въ ледяной лобъ, въ лиловатыя выпуклости закрытыхъ глазъ и, увидавъ выходящую изъ кабинета заплаканную Марью Яковлевну, вѣжливо, кротко и радостно сказалъ:

— Имѣю честь поздравить съ новопреставленнымъ.

С Ч А С Т Ь Е .

1.

На закатѣ шелъ дождь, полно и однообразно шумя по саду вокругъ дома, и въ незакрытую форточку въ залѣ тянуло сладкой свѣжестью мокрой майской зелени. Громъ грохоталъ надъ крышей, гулко разрастаясь, когда красноватая молнія мелькала по залу, отъ нависавшихъ тучъ темнѣло, и трудно было понять, дѣйствительно наступаютъ сумерки, или это только такъ кажется. Потомъ пріѣхали съ поля въ мокрыхъ чекменяхъ работники и стали распрягать у сарая грязныя сохи, потомъ пригнали стадо, наполнившее всю усадьбу блеяньемъ ягнятъ. Бабы съ крикомъ бѣгали по двору за овцами, подоткнувъ подола и блестя бѣлыми босыми ногами по травѣ; запыхавшійся пастушенокъ въ огромной шапкѣ и растрепанныхъ лаптяхъ гонялся по саду за коровой и почти съ головой пропадалъ въ обшитыхъ дождемъ лопухахъ, когда корова съ шумомъ кидалась въ чашу... Наступала ночь, дождь пересталъ, но отецъ, ушедшій въ поле еще утромъ, все не возвращался.

Я была одна дома, но не скучала; мнѣ только-что сравнялось тогда семнадцать лѣтъ, и я еще не успѣла насладиться ни своею ролью хозяйки, ни свободою послѣ гимназіи. Братъ Папа учился въ корпусѣ, Анюта.

вышедшая замужъ еще при жизни мамы, жила въ Курскѣ: мы съ отцомъ провели мою первую деревенскую зиму въ уединеніи. Однако, зима прошла спокойно и весело. Я была здорова и красива, правилась самой себѣ... правилась даже за то, что миѣ легко ходить и бѣгать, работать что-нибудь по дому или отдавать какое-нибудь приказаніе. За работой я нащѣвала какіе-то собственные мотивы, которые меня трогали. Увидавъ себя въ зеркалѣ, я невольно улыбалась... И, кажется, все было миѣ къ лицу, хотя одѣвалась я просто.

Какъ только дождь прошелъ, я накинула на плечи шаль и, подхвативъ юбки, побѣжала къ варку, гдѣ бабы доили коровъ. Нѣсколько капель упало съ неба на мою открытую голову, но легкія неопредѣленные облака, высоко стоявшія надъ дворомъ, уже расходились, и на дворѣ рѣялъ странный, блѣдный полусвѣтъ, какъ всегда бываетъ у насъ въ майскія ночи. Свѣжесть мокрыхъ травъ доносилась съ поля, мѣшаясь съ запахомъ дыма изъ топившейся „людской“. На минуту я заглянула туда,—работники, молодые мужики въ бѣлыхъ замашныхъ рубахахъ сидѣли вокругъ большого стола за чашкой похлебки и при моемъ появленіи встали, а я подошла къ столу и, улыбаясь надъ тѣмъ, что я бѣжала и запыхалась, сказала:

— А папа гдѣ? Онъ былъ въ полѣ?

— Они были не надолго и уѣхали,—отвѣтило миѣ нѣсколько голосовъ сразу.

— На чемъ?—спросила я.

— На дрожкахъ, съ барчукомъ Сиверсомъ.

— Развѣ онъ пріѣхалъ?—чуть не сказала я, пораженная этимъ неожиданнымъ пріѣздомъ, но, во-время спохватившись только кивнула головой и поскорѣе вышла.

Сиверсъ, кончивъ Петровскую академію, отбывалъ тогда воинскую повинность. Меня еще въ дѣтствѣ называли его певѣстой,—мы были сосѣди,—и въ дѣтствѣ онъ не правился миѣ за это. Но потомъ миѣ уже нерѣдко думалось о немъ, какъ о женихѣ; а когда онъ, уѣзжая въ августѣ въ полкъ, приходилъ къ намъ въ солдатской блузѣ съ погонами и, какъ всѣ вольноопредѣляющіеся, съ удовольствіемъ разсказывалъ о „словесности“ фельдфебеля-малоросса, я начала свѣтаться съ странной мыслью, что буду его женою. Веселый, загорѣлый—рѣзко бѣлѣла у него только половина лба—онъ былъ очень милъ миѣ тогда...

„Значитъ, онъ взялъ отпускъ“,—взволнованно думала я, и было очень пріятно, что онъ пріѣхалъ, очевидно, для меня, но, въ то же время, очень жутко. Чтобы отвлечься пока, я торопилась въ домъ приготовить отцу ужинъ, но, когда я вошла въ лакейскую, отецъ уже ходилъ по залу, стуча сапогами. Почему-то я необыкновенно обрадовалась ему и, быстро войдя въ залъ, крѣпко поцѣловала его лѣвую руку. Шляпа у него была сдвинута на затылокъ, борода растрепана, длинные сапоги и чесучевый пиджакъ закиданы грязью, но онъ показался миѣ въ эту минуту олицетвореніемъ мужской красоты и силы.

— Что-жъ ты въ темнотѣ?—спросила я.

— Да я, Натѣга,—отвѣтилъ онъ, называя меня, какъ въ дѣтствѣ,—сейчасъ лягу и ужинать не буду. Усталъ ужасно, и притомъ, знаешь, который часъ? Почти десять. Развѣ стаканъ молока,—прибавилъ онъ разсѣянно.

Я потянулась къ лампѣ, но онъ замахалъ головою, и, разглядывая стаканъ на свѣтъ, пѣтъ ли мухи, выпилъ молоко медленными глотками. Соловьи уже пѣли въ саду, и въ тѣ три окна, что были на сѣверо-западъ, видѣлось далекое свѣтло-зеленое небо надъ липовыми

весенними тучками иѣжныхъ и красивыхъ очертаній. Все было неопредѣленно и на землѣ, и въ небѣ, все смягчено легкимъ сумракомъ ночи и все можно было разглядѣть въ полусвѣтѣ непогасавшей зари. Я спокойно отвѣчала отцу на вопросы по хозяйству, но когда онъ внезапно сказалъ, что завтра къ намъ придетъ Сиверсъ, я почувствовала, что краснѣю.

— Зачѣмъ?—пробормотала я.

— Свататься за тебя,—отвѣтилъ отецъ съ принужденной улыбкой.—Мы уже прошли тебя. Что-жъ, малый красивый, умный, будетъ хорошій хозяинъ... Чѣмъ вамъ не пара, сударыня?

— Не говори такъ, папочка!—сказала я, смущаясь еще болѣе, и на глазахъ у меня навернулись слезы.

Отецъ долго глядѣлъ на меня задумчивымъ взглядомъ.

— Ну, до этого еще далеко!—проговорилъ онъ, подымаясь. И, вздохнувъ, поцѣловалъ меня въ лобъ и быстро пошелъ къ дверямъ кабинета.

— Утро вечера мудренѣе,—прибавилъ онъ, оборачиваясь въ дверяхъ.—Просыпайся завтра пораньше, мнѣ на станцію надо съѣздить...

И я опять осталась одна.

2.

Сонныя мухи, потревоженныя нашимъ разговоромъ, тихо гудѣли на потолокъ, мало-по-малу задремывая, часы зашипѣли и звонко и печально прокуковали одиннадцать,—позднее время для деревенской усадьбы... Неопредѣленно улыбаясь, я посидѣла, подумала...

— Ну, до этого еще далеко!—пришли мнѣ въ голову успокоительныя слова отца, и опять мнѣ стало легко и какъ-то счастливо-грустно...

Отецъ спалъ,—въ кабинетѣ было давно тихо, и все въ усадьбѣ тоже спало. И что-то блаженно-сладостное было въ тишинѣ ночи послѣ дождя и старательномъ выщелкиваніи соловьевъ, что-то неуволимо-прекрасное рѣяло въ далекомъ полусвѣтѣ зари. Стараясь не шумѣть, я стала осторожно убирать со стола, переходя на ципочкахъ изъ комнаты въ комнату, поставила въ холодную печку въ прихожей молоко, медъ и масло, прикрыла чайный сервизъ салфеткой и прошла въ свою спальню. Это не разлучало меня съ соловьями и зарей. Ставни въ моей комнатѣ были закрыты, но комната моя была рядомъ съ гостиной, и въ отвореную дверь, черезъ гостиную, я видѣла полусвѣтъ въ залѣ, а соловьи были слышны во всемъ домѣ. Распустивъ волосы, я долго сидѣла на постели, все собираясь что-то рѣшить, потомъ закрыла глаза, облокотясь на подушку, и внезапно заснула. Кто-то явственно сказалъ вдругъ надо мною: „Сиверсъ!“ и, вздрогнувъ, я очнулась.

— Однако, что же это такое? Что, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, едѣлаетъ мнѣ завтра предложеніе?

Отгнувъ одѣяло, я быстро подколола волосы, осторожно сняла ботинки, стараясь не стукнуть ими, потомъ стала раздѣваться... И вдругъ мысль о мужѣ сладкимъ холодомъ пробѣжала по всему моему тѣлу, краска стыда и внезапной страсти залила мнѣ лицо и, спрятавшись подъ одѣяло, я крѣпко прильнула лицомъ къ подушкѣ...

Я лежала долго, безъ мыслей, точно въ забытіи, и только наслаждалась тѣмъ, что во мнѣ происходило. Потомъ стало представляться, что я одна во всей усадьбѣ, уже замужняя, и что вотъ въ такую же ночь мужъ вернется когда-нибудь изъ города, войдетъ въ домъ и неслышно сниметъ въ прихожей пальто, а я преду-прежу его—и тоже неслышно появлюсь на порогѣ

спальни... Какъ радостно подниметь онъ меня, полураздѣтую, на руки!.. И мнѣ уже стало казаться, что я люблю. Сиверса я знала тогда мало; мужчина, съ которымъ я мысленно проводила эту самую пѣжную ночь моей первой любви, былъ не похожъ на него, и все-таки мнѣ казалось, что я думаю о Сиверсѣ. Я почти годъ не видала его, а ночь дѣлала его образъ еще болѣе неопредѣленнымъ, красивымъ и желаннымъ. Было тихо, темно; я лежала, не двигаясь, и все болѣе теряла чувство дѣйствительности. „Что-жъ, — красивый, умный...“ приходили мнѣ въ голову слова отца. И, улыбаясь, я глядѣла въ темноту закрытыхъ глазъ, гдѣ плавали какія-то свѣтлыя пятна и лица. „Милый!“ — повторила я нѣсколько разъ съ мучительнымъ наслажденіемъ...

А между тѣмъ чувствовалось, что наступилъ глубокой часъ ночи. „Если бы Маша была дома, — подумала я про свою горничную, — я бы пошла сейчасъ къ ней, и мы проговорили бы до разсвѣта... Но нѣтъ, — опять подумала я, — одной лучше... Я возьму ее къ себѣ, когда выйду замужъ...“ Что-то робко треснуло въ залѣ... Я насторожилась. Какъ хорошо, что такъ жутко и такъ странно все! И когда я, наконецъ, открыла глаза, мнѣ показалось, что въ залѣ стало немного темнѣе, чѣмъ прежде. И все вокругъ меня и во мнѣ самой уже измѣнилось и жило иной жизнью, — особой ночной жизнью, которая непонятна утромъ. Соловьи умолкли, — медленно и таинственно шелкалъ только одинъ, жившій въ эту весну у балкона, маятникъ въ залѣ тикалъ осторожно и размѣренно-точно, а тишина въ домѣ стала напряженной и чуткой. И невольно прислушиваясь къ каждому шороху, я приподнялась на постели и почувствовала себя въ полной власти этого таинственного ночного часа, созданнаго для поцѣлуевъ, для воровскихъ объятій и, самая невѣроятная предположенія и ожи-

данія стали казаться мнѣ вполне естественными. Я вдругъ вспомнила шутливое обѣщаніе Сиверса придти какъ-нибудь ночью въ нашъ садъ на свиданіе со мной... А что, если онъ не шутилъ? Что, если онъ медленно и неслышно подойдетъ къ балкону?

— Боже мой, — подумала я съ восторгомъ, — жизнь можно было бы отдать за такое счастье!

Облокотившись на подушку, я пристально смотрѣла въ зыбкій сумракъ гостиной и, минута за минутой, переживала въ воображеніи все, что я сказала бы ему едва слышнымъ шопотомъ, отворяя дверь балкона, сладостно теряя волю и позволяя увести себя по сырому песку аллеи въ глубину мокраго душистаго сада.. Сколько разъ я мечтала въ молодости о такихъ свиданіяхъ, начитавшись стиховъ плохихъ поэтовъ, воспѣвающихъ соловьевъ и свиданія, и какъ странно, что за всю мою молодость я пережила только одно вымышленное свиданіе!

3.

Точно во снѣ, — только въ глубинѣ души сознавая, что я дѣлаю глупости, обманываю себя, какъ ребенка, — я стала медленно, подавляя внутреннюю дрожь, одѣваться... Куда? Къ нему, — отвѣчала я себѣ твердо и радуясь тому, что я мысленно произношу это съ такой рѣшительностью... Въ августѣ, въ жаркую темную ночь, я вотъ также не спала и томилась, а онъ бродилъ по деревнѣ и всю ночь пѣлъ гдѣ-то далеко казацкія пѣсни... Развѣ это не можетъ повториться? И помню, никакого стыда у меня не было, когда я собиралась. Зубы у меня изрѣдка стучали, лицо горѣло, но я одѣвалась тщательно, нашла въ темнотѣ все, что нужно, накинула шаль на

плечи и, выйдя въ гостиную, съ бьющимся сердцемъ, какъ воръ, остановилась у двери на балконъ. Потомъ, убѣдившись, что въ домѣ не слышно ни звука, кромѣ мѣрнаго тиканья часовъ и соловьиного эхо, сильно и безшумно повернула ключъ въ замкѣ. И тотчасъ же соловьиное щелканье, отдававшееся по саду, стало слышнѣе, напряженная тишина исчезла—и грудь свободно и глубоко вздохнула душистой сыростью ночи.

По длинной аллеѣ молодыхъ березокъ, по мокрому песку дорожки, я увѣренно и быстро шла въ полусвѣтѣ зари, затемненномъ тучками на сѣверѣ, прямо къ гущѣ въ концѣ сада, гдѣ была сирепевая бесѣдка среди топей и осинъ. Было такъ тихо, что слышно было рѣдкое паденіе капель съ нависшихъ вѣтвей. Все дремало, наслаждаясь своей дремотой, только соловей томился своей сладкой пѣсней. Въ каждой тѣни мнѣ чудилась человѣческая фигура, сердце у меня поминутно замирало, и когда я, наконецъ, вошла съ бьющимся сердцемъ и расширенными глазами въ темноту сирепевой бесѣдки и на меня пахнуло ея теплотой, я была почти увѣрена, что кто-то тотчасъ же неслышно и крѣпко обниметъ меня!

Никого, однако, не было, и я стояла, дрожа отъ волненія и вслушиваясь въ мелкій сонный лепетъ осинъ... Потомъ сѣла на сырую скамью бесѣдки... Я еще чего-то ждала, ждала почти безнадежно, но порою быстро взглядывала въ сумракъ разсвѣта. И еще долго близкое и неуловимое вѣянiе счастья чувствовалось вокругъ меня,—то нѣчто страшное и большое, что въ тотъ или иной моментъ встрѣчаетъ почти всѣхъ насъ на порогѣ жизни. Оно вдругъ раскрылось предо мной и коснулось меня и, можетъ быть, сдѣлало именно то, что пужно было сдѣлать: коснуться и уйти. Помню, впрочемъ, что всѣ тѣ пѣжныя и сладкія слова, которыя раздавались

въ моей душѣ и къ которымъ я прислушивалась, вызвали, наконецъ, на мои глаза слезы. Прислонясь къ стволу сырого тополя, я ловила, какъ чье-то пѣжное утѣшеніе, слабо возникающій и замирающій лепетъ листьевъ и была почти счастлива своими медленными, беззвучными слезами...

Я прослѣдила весь сокровенный переходъ ночи въ разсвѣтъ. Я видѣла, какъ сумракъ сталъ блѣднѣть и таять, какъ заалѣло непогожее бѣлесое облачко на сѣверѣ, сквозившее сквозь вишенникъ, въ отдаленіи Свѣжѣло, я крѣпче куталась въ шаль, а въ свѣтлѣющемъ просторѣ неба, который на глазахъ дѣлался все больше и глубже, дрожа вставала чистая, какъ слеза, яркая и цѣломудренная Венера. Я ни о комъ уже не думала, но кого-то еще любила,—и любовь моя была во всемъ: въ холодѣ и ароматѣ утра, въ свѣжести зеленого сада, въ этой яркой утренней звѣздѣ... Но вотъ послышался рѣзкій визгъ водовозки—мимо сада, на рѣчку... Потомъ на дворѣ кто-то крикнулъ сиплымъ и свѣжимъ, утреннимъ голосомъ... И, сразу опомнившись, я выскользнула изъ бесѣдки, быстро дошла до балкона, легко и безшумно отворила дверь, и, войдя въ теплую темноту своей спальни, не раздѣваясь, сжалась на постели.

Сиверсъ утромъ стрѣлялъ въ нашемъ саду галокъ, а мнѣ казалось, что въ домъ вошелъ пастухъ и хлопаетъ большимъ кнотомъ. Но это не мѣшало мнѣ спать крѣпко, крѣпко. Когда же я, наконецъ, очнулась, въ залѣ раздавались голоса и гремяли тарелками. Потомъ Сиверсъ подошелъ къ моимъ дверямъ и весело крикнулъ мнѣ:

— Наталья Алексѣевна! Стыдно!

А мнѣ, и правда, было стыдно, —стыдно выйти къ нему, стыдно, что я откажу ему, —теперь я знала это

уже твердо,—и, неловко торопясь одѣться и поглядывая въ зеркало на свое поблѣднѣвшее лицо, я что-то шутливо и привѣтливо крикнула въ отвѣтъ, но такъ слабо, что онъ, вѣрно, не расслышалъ.

Ц И Ф Р Ы.

1.

Мой дорогой, когда ты вырастешь, вспомнишь ли ты, какъ однажды зимнимъ вечеромъ ты вышелъ изъ дѣтской въ столовую, остановился на порогѣ, — это было послѣ одной изъ нашихъ ссоръ съ тобою, — и, опустивъ глаза, сдѣлалъ такое грустное личико?

Долженъ сказать тебѣ: ты—большой шалунъ. Когда что-нибудь увлечетъ тебя, ты не знаешь удержу. Ты часто съ ранняго утра до поздней ночи не даешь покоя всему дому своимъ крикомъ и бѣготней. Зато я и не знаю ничего трогательнѣе тебя, когда ты, насладившись своимъ буйствомъ, притихнешь, побродишь одиноко по комнатамъ, и, наконецъ, подойдешь и сиротливо прижмешься къ моему плечу! Если же дѣло происходитъ послѣ ссоры и если я въ эту минуту скажу тебѣ хоть одно ласковое слово, то нельзя и выразить, что ты дѣлаешь тогда съ моимъ сердцемъ! Какъ порывисто кидается ты цѣловать меня, какъ крѣпко, крѣпко обвиваешь руками мою шею, въ избытокъ той беззавѣтной преданности, той страстной вѣрности, на которую способно только дѣтство!

Но это была слишкомъ крупная ссора.

Помнишь ли, что въ этотъ вечеръ ты даже не рѣшился близко подойти ко мнѣ?

— Покойной ночи, дядечка,—тихо сказалъ ты мнѣ и, поклонившись, шаркнулъ ножкой.

Конечно, ты хотѣлъ, послѣ своихъ преступлений, показаться особенно деликатнымъ, особенно приличнымъ и кроткимъ мальчикомъ. Нянька, передавая тебѣ единственный извѣстный ей признакъ благовоспитанности, когда-то говорила тебѣ: „шаркни ножкой!“ И вотъ ты, чтобы задобрить меня, вспомнилъ, что у тебя есть въ запасѣ хорошія манеры, и рѣшилъ пустить ихъ въ ходъ. И я понялъ это—и поспѣшилъ отвѣтить такъ, какъ будто между нами ничего не произошло, но все-таки очень сдержанно:

— Покойной ночи.

Но могъ ли ты удовлетвориться такимъ примиреніемъ? Да и лукавить ты не гораздъ еще. Перестрадавъ свое горе, твое сердце съ новой страстью вернулось къ той завѣтной мечтѣ, которая такъ плѣняла тебя весь этотъ день. И вечеромъ, какъ только эта мечта опять овладѣла тобою, ты забылъ и свою обиду, и свое самолюбіе, и свое твердое рѣшеніе всю жизнь ненавидѣть меня. Ты помолчалъ, собралъ силы и вдругъ, торопясь и волнуясь, сказалъ мнѣ:

— Дядечка, прости меня... Я больше не буду... И, пожалуйста, все-таки покажи мнѣ цифры! Пожалуйста!

Можно ли было послѣ этого медлить отвѣтомъ? А я все-таки помедлилъ. Я, видишь ли, очень, очень умный дядя.

2.

Ты въ этотъ день проснулся съ новой мыслью, съ новой мечтой, которая захватила всю твою душу.

Только-что открылись для тебя еще неизвѣданныя

радости: имѣть свои собственныя книжки съ картинками, пеналь, цвѣтные карандаши—непремѣнно цвѣтные!—и выучиться читать, рисовать и писать цифры. И все это сразу, въ одинъ день, какъ можно скорѣе. Открывъ утромъ глаза, ты тотчасъ же позвалъ меня въ дѣтскую и засыпалъ горячими просьбами: какъ можно скорѣе выписать тебѣ дѣтскій журналъ, купить книгу, карандашей, бумаги и немедленно приняться за цифры.

— Но сегодня царскій день, все заперто,—совралъ я, чтобы оттянуть дѣло до завтра или хоть до вечера: ужъ очень не хотѣлось мнѣ идти въ городъ.

Но ты замоталъ головою.

— Нѣтъ, нѣтъ, не царскій!—закричалъ ты тонкимъ голоскомъ, поднимая брови. — Вовсе не царскій, — я знаю.

— Да увѣряю тебя, царскій!—сказалъ я.

— А я знаю, что не царскій! Ну, пожа-алуйста!

— Если ты будешь приставать,—сказалъ я строго и твердо то, что говорятъ въ такихъ случаяхъ всѣ дяди,—если ты будешь приставать, такъ и совсѣмъ не куплю ничего.

Ты задумался.

— Ну, что-жъ дѣлать!—сказалъ ты со вздохомъ.— Ну, царскій, такъ царскій. Ну, а цифры? Вѣдь можно же,—сказалъ ты, опять поднимая брови, но уже басомъ, разсудительно,—вѣдь можно же въ царскій день показывать цифры?

— Нѣтъ, нельзя,—послѣшнно сказала бабушка, сто явшая возлѣ постели.—Придетъ полицейскій и арестуетъ... И не приставай къ дядѣ.

— Ну, это-то ужъ лишнее,—нахмуриваясь, отвѣтилъ я бабушкѣ.—А просто мнѣ не хочется сейчасъ. Вотъ завтра или вечеромъ покажу.

— Нѣтъ, ты сейчасъ покажи!
— Сейчасъ не хочу. Сказалъ,—завтра.
— Ну, во-отъ,—прогинулъ ты.—Теперь говоришь—завтра, а потомъ скажешь—еще завтра. Нѣтъ, покажи сейчасъ!

И поколебался.

Сердце тихо говорило мнѣ, что я совершаю въ эту минуту великій грѣхъ—лишаю тебя счастья, радости... Но тутъ пришло въ голову мудрое правило: вредно, не полагается баловать дѣтей.

И я твердо отрѣзалъ:

— Завтра. Разъ сказано—завтра, значитъ, такъ и надо сдѣлать.

— Ну, хорошо же, дядька!—пригрозишь ты дерзко и весело.—Помни ты это себѣ!

И сталъ поспѣшно одѣваться.

И какъ только одѣлся, какъ только пробормоталъ вслѣдъ за бабушкой: „Отче нашъ, иже еси на небеси...“ и проглотилъ чашку молока,—вихремъ понесся въ залъ. А черезъ минуту оттуда уже слышались грохотъ опрокидываемыхъ стульевъ и удалые крики...

И уже весь день нельзя было упить тебя. И обѣдалъ ты на-спѣхъ, разсѣянно, болтая ногами, и все смотрѣлъ на меня блестящими странными глазами.

— Покажешь?—спрашивалъ ты иногда. Непремѣнно покажешь?

— Завтра непременно покажу,—отвѣчалъ я.

— Ахъ, какъ хорошо!—вскрикивалъ ты.—Дай Богъ поскорѣе, поскорѣе завтра!

Но радость, смѣшанная съ нетерпѣніемъ, волновала тебя все больше и больше. И вотъ, когда мы—бабушка, мама и я—сидѣли передъ вечеромъ за чаемъ, ты всталъ еще одинъ нехоть своему волненію.

3.

Ты придумалъ отличную игру: подпрыгивать, бить изо всей силы ногами въ полъ и при этомъ такъ звонко вскрикивать, что у насъ чуть не лопались барабанныя перепонки!

— Перестань, Женя,—сказала мама.

Въ отвѣтъ на это ты—трахъ ногами въ полъ!

— Перестань же, дѣточка, когда мама проситъ,—сказала бабушка.

Но бабушки-то ты ужъ и совсѣмъ не боишься.

Трахъ ногами въ полъ!

— Да перестань,—сказалъ я, досадливо морщаь и пытаясь продолжать разговоръ.

— Самъ перестань!—звонко крикнулъ ты мнѣ въ отвѣтъ, съ дерзкимъ блескомъ въ глазахъ, и, подпрыгнувъ, еще сильнѣе ударилъ въ полъ и еще прозвительно крикнулъ въ тактъ.

Я пожалъ плечомъ и сдѣлалъ видъ, что больше не замѣчаю тебя.

Но вотъ тутъ-то и начинается исторія.

Я, говорю, сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю тебя. Но сказать ли правду? Я не только не забылъ о тебѣ послѣ твоего дерзкаго крика, но весь похолодѣлъ отъ внезапной ненависти къ тебѣ! И уже долженъ былъ упорѣблять усилія, чтобы дѣлать видъ, что не замѣчаю тебя, и продолжать разыгрывать роль спокойнаго и разсудительнаго.

Но и этимъ дѣло не кончилось.

Ты крикнулъ снова. Крикнулъ, совершенно позабывъ о насъ и весь отдавшись тому, что происходило въ твоей переполненной жизнью душѣ,—крикнулъ такимъ звонкимъ крикомъ безпричинной божественной

радости, что самъ Господь Богъ вадрогнулъ бы отъ восторга при этомъ крикѣ. Я же въ бѣшенствѣ вско- чилъ со стула.

— Перестань!—равкнулъ я вдругъ, неожиданно для самого себя, во все горло и, выкативъ глаза изъ ор- битъ, такъ и замеръ.

Какой чортъ окатилъ меня въ эту минуту цѣлымъ ушатомъ злобы? У меня помутилось сознание. И надо было видѣть, какъ дрогнуло, какъ искажилось на мгно- вение твое лицо молніей ужаса!

— А!—звонко и растерянно крикнулъ ты еще разъ.

И, собравъ послѣднія силы, уже безъ всякой радо- сти, а только для того, чтобы показать, что ты не испугался, криво и жалко ударилъ въ полъ каблу- ками.

Точно холодный вѣтеръ пахнулъ мнѣ въ сердце въ этотъ мигъ. Но злоба была сильнѣе. Нужно было во что бы то ни стало, безъ промедленія поддержать свое достоинство—и вотъ я кинулся къ тебѣ, дернулъ тебя за руку, да такъ, что ты волчкомъ перевернулся передо мною, крѣпко и съ наслажденіемъ шлепнулъ тебя и, вытолкнувъ изъ комнаты, захлопнулъ дверь.

Вотъ тебѣ и цифры!

4.

Отъ боли, отъ остраго и внезапнаго оскорбленія, такъ грубо ударившаго тебя въ сердце въ одинъ изъ самыхъ радостныхъ моментовъ твоего дѣтства, ты, вы- летѣвши за дверь, закатился такимъ страшнымъ, такимъ произительнымъ альтиомъ, на какой неспо- собенъ ни одинъ пѣвецъ въ мірѣ. И надолго, надол- го замеръ... Затѣмъ набралъ въ легкія воздуха еще

больше и поднялъ альти уже до невѣроятной вы- соты... И опять замеръ.

Затѣмъ паузы между верхней и нижней нотами стали сокращаться,—вопли потекли безъ умолку. Къ воплямъ прибавились рыданія, къ рыданіямъ—крики о помощи. Сознание твое стало проявляться, и ты на- чалъ играть,—съ мучительнымъ наслажденіемъ играть роль умирающаго.

— О-ой, больно! Ой, мамочка, умираю!

— Небось, не умрешь,—холодно и злобно сказалъ я.—Покричишь, покричишь, да и смолкнешь.

Но ты не смолкалъ.

Разговоръ, конечно, оборвался. Мнѣ было уже стыд- но, и я зажигалъ папиросу, не поднимая глазъ на ба- бушку. А у бабушки вдругъ задрожали губы и брови и, отвернувшись къ окну, она стала быстро, быстро колотить чайной ложкой по столу.

— Ужасно испорченный ребенокъ!—сказала, нахму- риваясь и стараясь быть безпристрастной, мама и снова взялась за свое вязанье.—Ужасно избалованъ!

— Ой, бабушка! Ой, милая моя бабушка!—вопилъ ты дикимъ голосомъ, взывая теперь къ послѣдному приближенію—къ бабушкѣ.

И бабушка едва сидѣла на мѣстѣ.

Ея сердце рвалось въ дѣтскую, но, въ угоду мнѣ и мамѣ, она крѣпилась, смотрѣла изъ-подъ дрожащихъ бровей на темнѣющую улицу и быстро, быстро сту- чала ложечкой по столу.

Понялъ тогда и ты, что мы рѣшили не сдаваться, что никто не утолитъ твоей боли и обиды поцѣлуями, мольбами о прощеніи. Да и слезъ уже не хватало. Ты до изнеможенія упился своими рыданіями, своимъ дѣтскимъ горемъ, съ которымъ не сравнится, можетъ быть, ни одно человѣческое горе, но прекратить вопли

сразу было невозможно, хотя бы из-за одного самолюбия.

Ясно было слышно: кричать тебѣ уже не хочется, голосъ охрипъ и срывается, слезы ибѣтъ. Но ты все кричалъ и кричалъ!

Было неумогу и мнѣ. Хотѣлось встать съ мѣста, распахнуть дверь въ дѣтскую и сразу, какимъ-нибудь однимъ горячимъ словомъ, пресѣчь твои страданія. Но развѣ это согласуется съ правилами разумнаго воспитанія и съ достоинствомъ справедливаго, хотя и строгого дяди?

Наконецъ ты затихъ.

5.

— И мы тотчасъ помирились?

Ибѣтъ, я такъ выдержалъ характеръ. Я, по крайней мѣрѣ, черезъ полчаса послѣ того, какъ ты затихъ, взглянулъ въ дѣтскую. И то какъ? Подошелъ къ дверямъ, сдѣлалъ серьезное лицо и растворилъ ихъ съ такимъ видомъ, точно у меня было какое-то дѣло. А ты въ это время уже возвращался мало-по-малу къ обыденной жизни.

Ты сидѣлъ на полу, изрѣдка подергивался отъ глубокихъ прерывистыхъ вздоховъ, обычныхъ у дѣтей послѣ долгаго плача, и съ потемнѣвшимъ отъ размазанныхъ слезъ личикомъ забавлялся своими незатѣйливыми игрушками—пустыми коробочками отъ спичекъ,—разставляя ихъ по полу, между раздвинутыхъ ногъ, въ какомъ-то, только тебѣ одному извѣстномъ, порядкѣ.

Какъ случилось мое сердце при видѣ этихъ коробочекъ!

Но, дѣлая видъ, что отношенія наши прерваны, что я оскорбленъ тобою, я едва взглянулъ на тебя. Я внимательно и строго осмотрѣлъ подоконники, столы... Гдѣ это мой портсигаръ?.. И уже хотѣлъ выйти, какъ вдругъ ты поднялъ голову и, глядя на меня злыми, полными презрѣнія глазами, хрипло сказалъ:

— Теперь я никогда больше не буду любить тебя.

Потомъ подумалъ, хотѣлъ сказать еще что-то очень обидное, но запнулся, не нашелся и сказалъ первое, что пришло въ голову:

— И никогда ничего не куплю тебѣ.

— Пожалуйста!—небрежно отвѣтилъ я на это, пожимая плечомъ.—Пожалуйста! Я отъ такого дурного мальчика и не взялъ бы ничего.

— Даже и японскую копеечку, какую тогда подарилъ, назадъ возьму!—крикнулъ ты тонкимъ, дрогнувшимъ голосомъ, дѣлая послѣднюю попытку уязвить меня.

— А вотъ это ужъ и совѣтъ нехорошо! — отвѣтилъ я.— Дарить и потомъ отнимать. Впрочемъ, это твое дѣло.

И съ притворной простотою затворилъ за собою дверь...

Потомъ заходили къ тебѣ мама и бабушка. И такъ же, какъ и я, дѣлали сначала видъ, что вошли случайно... по дѣлу... Затѣмъ качали головами и, стараясь не придавать своимъ словамъ значенія, заводили рѣчь о томъ, какъ это нехорошо, когда дѣти растутъ непослушными, дерзкими и добиваются того, что ихъ никто не любитъ. А кончали тѣмъ, что совѣтовали тебѣ пойти ко мнѣ и попросить у меня прощенія.

— А то дядя разсердится и уѣдетъ въ Москву,—говорила бабушка грустнымъ тономъ.—И никогда больше не пріѣдетъ къ намъ.

— И пускай не прѣдетъ!—отвѣчалъ ты едва слышно, все ниже и ниже опускаая голову.

— Ну, я умру,—говорила бабушка еще печальнѣе, совсѣмъ не думая о томъ, къ какому жестокому средству прибѣгаетъ она, чтобы заставить тебя переломить свою гордость.

— И умирай,—отвѣчалъ ты сумрачнымъ шопотомъ.

— Хорошъ!—сказалъ я, снова чувствуя приступъ раздраженія.—Хорошъ!—повторилъ я, дымя папиросой и поглядывая въ окно на темнѣвшую пустую улицу.

И, переждавъ, пока пожилая худая горничная всегда молчаливая и печальная отъ сознанія, что она—вдова машиниста, зажгла въ столовой лампу, прибавилъ:

— Вотъ такъ мальчикъ!

— Да не обращай на него вниманія,—сказала мама разсѣянно, шурясь отъ свѣта, озарившаго комнату, и заглядывая подъ матовый колпакъ лампы, не коптить ли.—Охота тебѣ и разговаривать съ такой злючкой!

И мы сдѣлали видъ, что совсѣмъ забыли о тебѣ.

6.

Огня въ дѣтской еще не зажигали, и стекла ея оконъ казались теперь синими-синими. Зимній вечеръ стоялъ за ними, и въ дѣтской было сумрачно и грустно. Ты сидѣлъ на полу и передвигалъ коробочки. И эти коробочки мучили меня. Я всталъ и рѣшилъ побродить по городу.

Но тутъ послышался шопотъ бабушки.

— Безстыдникъ, безстыдникъ!—запентала она укоризненно.— Дядя тебя любитъ, возить тебѣ игрушки-гостинцы...

И громко прервалъ:

— Бабушка, этого говорить не слѣдуетъ. Это лишнее. Тутъ дѣло не въ гостинцахъ.

Но бабушка знала, что дѣлаетъ.

— Какъ же не въ гостинцахъ?—отвѣтила она.—Не дорогъ гостинецъ, а дорога память.

И, помолчавъ, ударила по самой чувствительной струнѣ твоего сердца:

— А кто же купить ему теперь пеналь, бумаги, книжку съ картинками? Да что пеналь! Пеналь—туда-сюда. А цифры? Вѣдь ужъ этого не купишь ни за какія деньги.

— Впрочемъ,—прибавила она,—дѣлай какъ знаешь. Сиди тутъ одинъ въ темнотѣ.

И вышла изъ дѣтской.

Кончено,—самолюбіе твое было сломлено! Ты былъ побѣжденъ.

Чѣмъ неосуществимѣе мечта, тѣмъ плѣнительнѣе, чѣмъ плѣнительнѣе, тѣмъ неосуществимѣе. Я уже знаю это.

Съ самыхъ раннихъ дней моихъ я у нея во власти. Но я знаю и то, что чѣмъ дороже мнѣ моя мечта, тѣмъ менѣе надеждъ на достиженіе ея. И я уже давно въ борьбѣ съ нею. Я лукавлю: дѣлаю видъ, что я равнодушенъ. Но что могъ сдѣлать ты?

Счастье, счастье!

Ты открылъ утромъ глаза, переполненный жаждою счастья. И съ дѣтской довѣрчивостью, съ открытымъ сердцемъ кинулся къ жизни: скорѣе, скорѣе!

Но жизнь отвѣтила:

— Потерпи.

— Ну, пожалуйста!—воскликнулъ ты страстно.

— Замолчи, иначе ничего не получишь!

— Ну, погоди же!—крикнулъ ты злобно.

И на время смолкъ.

Но сердце твое буйствовало. Ты бѣсновался, съ грохотомъ валялъ стулья, билъ ногами въ полъ, звонко вскрикивалъ отъ переполнявшей твое сердце радостной жаяды... Тогда жизнь со всего размаха ударила тебя въ сердце тупымъ ножомъ обиды. И ты закатился бѣшеннымъ крикомъ боли, призывомъ на помощь.

Но и тутъ не дрогнуть ни одинъ мускулъ на лицѣ жизни... Смирись, смирись!

И ты смирился.

7.

Помнишь ли, какъ робко вышелъ ты изъ дѣтской и что ты сказалъ мнѣ?

— Дядечка!—сказалъ ты мнѣ, обезсиленный борьбой за счастье и все еще алкая его.—Дядечка, прости меня. И дай мнѣ хоть каплю того счастья, жажда котораго такъ сладко мучитъ меня.

Но жизнь обидчива.

Она сдѣлала притворно-печальное лицо.

Цифры! Я понимаю, что это счастье... Но ты не любишь дядю, огорчаешь его...

— Да нѣтъ, неправда,—люблю, очень люблю!—горячо воскликнулъ ты.

И жизнь, наконецъ, смилостивилась.

— Ну ужъ Богъ съ тобою! Неси сюда къ столу стулъ, давай карандаши, бумагу...

И надо было видѣть, какою радостью засіяли твои глаза!

Какъ хлопоталъ ты! Какъ боялся разсердить меня, кадимъ покорнымъ, деликатнымъ, осторожнымъ въ каждомъ своемъ движеніи старался ты быть! И какъ жадно ловилъ ты каждое мое слово!

Глубоко дыша отъ волненія, поминутно слюнявя острый кончикъ карандаша, съ какимъ стараніемъ палегаль ты на столъ грудью и крутилъ головой, выводя таинственные, полныя какого-то божественнаго значенія черточки!

Теперь уже и я наслаждался твоею радостью, съ нѣжностью обоняя запахъ твоихъ волосъ: дѣтскіе волосы хорошо пахнутъ,—совсѣмъ какъ маленькія птички! А ты склонялъ голову къ столу все ниже и ниже и все старательнѣе слюнявилъ карандашъ.

— Одинъ... Два... Пять...—говорилъ ты, съ трудомъ водя имъ по бумагѣ.

— Да нѣтъ, не такъ. Одинъ, два, три, четыре.

— Сейчасъ, сейчасъ,—говорилъ ты поспѣшно.— Я сначала: одинъ, два...

И смущенно взглядывалъ на меня.

— Ну, три...

— Да, да, три!—подхватывалъ ты радостно.—Я знаю.

И выводилъ три, какъ большую прописную букву Б.

И, поднявъ голову, гордо и радостно смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

III

ТѢНЬ ПТИЦЫ.

1.

Второй день въ пустынномъ, пепельно-синемъ и спокойномъ Черномъ морѣ.

Начало апрѣля, но съ утра свѣжо и облачно. Воздухъ прозраченъ, краски нѣсколько дики.

Стая красноланихъ чаекъ долго провожала насъ вчера, долго плыла на тугихъ острыхъ крыльяхъ, скосивъ глаза на длинный малахитовый слѣдъ за кормомъ. Но низкіе, плоскіе берега Новороссіи скрылись вчера еще въ полдень. Единой Змѣиный островокъ, каменный Феодонисъ, похожій на черепаху, вытянувшую головку къ западу, остался вправо отъ насъ передъ вечеромъ. И передъ вечеромъ скрылись и чайки... И какъ всегда, вспоминались жалобы Овидія на сарматскую неюдимость этихъ мѣстъ:

Quocumque adspicias nihil est nisi pontus et aer.

Спѣзо-алый закатъ былъ холоденъ и мутенъ. Огонекъ, еще при свѣтѣ заката вспыхнувшій на верхушкѣ мачты, былъ печаленъ, какъ лампада надъ могилой. Неприятный вѣтеръ, крѣпко дувшій по правому борту, не развелъ зыби, но разо согналъ всѣхъ съ палубы, и тяжелая черная труба хрипѣла, распуская по вѣтру космы дыма. А ночь съ мутно-блѣдной луной и не-

ясными тѣнями, едва означавшимися на ютѣ отъ вантъ и дыма, была еще холодиѣе. Но зато какъ крѣпко спалось въ большой, холодной каютѣ подѣ мѣрные вагоны машины!

Шумно и тревожно было вчера утромъ. Съ тревожнымъ и радостнымъ чувствомъ спустился я съ одесской горы въ этотъ постоянно волнующій меня мѣръ порта — въ этотъ усѣянный мачтами городъ агентствъ, конторъ, складовъ, таможенъ, доковъ, рельсовыхъ путей, каменнаго угля и товаровъ, горами наваленныхъ на пристаняхъ. По жидкой весенней грязи, среди сброда босяковъ и грузчиковъ-кавказцевъ съ ихъ чалмами изъ башлыковъ и орлиными глазами, среди извозчиковъ, воловъ, влачащихъ нагруженные телѣги, и жалобно кричащихъ паровозовъ, пробрался я къ черной китообразной громадѣ нашего переполненнаго людьми и грузомъ парохода. Вымпела котораго — въ знакъ скорого выхода въ море — уже трепетали въ жидкомъ блѣдно-голубомъ небѣ. И, какъ всегда, безконечно долгими казались часы послѣднихъ торопливыхъ работъ, крики и споры на палубѣ, безтолковая суета ѣдущихъ и провожающихъ. Топотъ ногъ по сходнямъ, грохотъ лебедокъ, пронсящихъ надъ головами огромныя клады, и яростная команда капитанскихъ помощниковъ!

Но затихли лебедки, улеглась мало-по-малу суматоха, сошли, какъ сѣрыя лошади, рослые жандармы на каменную сорную пристань — и, съ грохотомъ сдвинувъ съ себя сходни, пароходъ сразу разорвалъ всякую связь съ землей. Все заняло на немъ свое опредѣленное, ладное мѣсто — въ наступившей тишинѣ, подѣ стеклянное треньканье телеграфа и отрывисто-четкую команду, начался медленный выходъ въ море. Тяжелая корма дрожить, плавно отдѣляясь отъ пристани и выбивая

изъ-подъ себя клубы кипени, чайки жалобно визжать и дерутся надъ красной рачьей скорлупой въ радужныхъ кухонныхъ помояхъ. Съ берега, изъ затихшей черной толпы, и съ лодокъ машутъ бѣлыми платками. Но берегъ все отдалается и все уменьшается. По правому борту уже тянется сѣрая каменная лента мола, а на ней — мальчишки-рыболовы съ подвернутыми штанами, праздничная пестрота женскихъ весеннихъ нарядовъ и зонтиковъ... Неожиданно выглянуло солнце — и свади, за несмѣтными трубами и мачтами, рѣзче обозначился сизый силуэтъ города, а впереди, въ зеркальных бликахъ отъ зеленой качающейся воды, засіяла бѣлая маячная башня... Но вотъ и маякъ прошелъ мимо, ошаривъ насъ своимъ отблескомъ, бугиприть медленно и неуклонно сталъ заворачивать къ югу, огромной дугой выпулился и широкій клубящійся слѣдъ винта, и черныи хвостъ дыма надъ нимъ, солнечный свѣтъ и вѣтеръ перемѣнили по бортамъ мѣста — и вдали развернулся, наконецъ, вольный тысячемильный путь среди воды и воздуха...

Сутки въ этой пепельно-синей пустынѣ, легкимъ кольцомъ замкнувшейся подѣ весеннимъ сиренево-облачнымъ небомъ, прошли незамѣтно. Просыпаешься подѣ топотъ матросовъ, моющихъ палубу, съ отрадной мыслью, что ночь провелъ въ морѣ, предавшись волѣ Божией, возлѣ тонкой желѣзной стѣнки, за которой всю ночь шумно переливались волны. Одѣваешься возлѣ открытаго иллюминатора, въ который тянетъ апрѣльской свѣжестью моря, — и съ радостью вспоминаешь, что Россія за триста миль отъ тебя. Ахъ, никогда я не чувствовалъ любви къ ней и, вѣрно, такъ и не пойму, что такое любовь къ родинѣ, которая будто бы присуща всякому человѣческому сердцу! Я хорошо знаю, что можно горячо любить тотъ или иной укладъ

жизни, что можно отдать всё силы на созиданіе его... Но причѣмъ тутъ родина? Если русская революція волнуетъ меня все-таки болѣе, чѣмъ персидская, я могу только сожалѣть объ этомъ. И, вопстиню, благословенно каждое мгновеніе, когда мы чувствуемъ себя гражданами вселенной! И трижды благословенно море, въ которомъ чувствуешь только одну власть—власть Нептуна!

Въ пути со мною лишь бейрутское наданіе исторіи Баальбека,—Храма Солица, къ которому я совершаю паломничество, да Тезкиратъ Саади, „усладительнѣйшаго изъ писателей предшествовавшихъ и лучшаго изъ послѣдующихъ, шейха Саади Ширазскаго, да будетъ священна память его!“ Въ утренней свѣжести я сижу на ютѣ и уиваюсь жизнью поэта, мудреца и путешественника.

— Рожденіе шейха, читаю я, послѣдовало во дни Атабека Саади, сына Зенги.

— Родившись, употребилъ онъ тридцать лѣтъ на приобрѣтеніе познаній, тридцать—на странствованія и тридцать—на размышленія, созерцаніе и творчество.

— Съвѣ на ковръ богочитанія, на пути людей Божьей дороги, за каждое свое дыханіе разсѣивалъ Саади по жемчужинѣ очаровательнѣйшихъ гаелей—и безплотные на небесахъ, слушаая его, говорили, что одинъ бейтъ Саади ровняется годичному славословію ангеловъ.

— И такъ протекли дни Саади въ богоспасаемомъ городѣ Ширазѣ, пока не воспарилъ фениксъ чистаго духа шейха на небо—въ пятницу въ мѣсяцѣ Шеввалѣ, когда погрузился онъ, какъ водолазъ, въ пучину милосердія Божія.

— Какъ прекрасна жизнь завоевавшего землю мечомъ краспорѣчія!

— Какъ прекрасна жизнь, потраченная на то, чтобы оставить по себѣ чеканъ души своей и обоарѣть красоту міра!..

И, взволнованный предестыю этой поэмы, я долго сижу на ютѣ.

— Много странствовалъ я въ дальнихъ краяхъ земли!—звучитъ въ моихъ ушахъ.

— Я короталъ дни съ людьми всѣхъ народовъ и срывалъ по колосу съ каждой пивы.

— Ибо лучше ходить босикомъ, чѣмъ въ узкой обуви, лучше терпѣть всѣ невзгоды пути, чѣмъ сидѣть дома!

— Ибо на каждую новую весну нужно выбирать и какую-нибудь новую любовь: другъ, прошлогодній календарь не годится для новаго года!

Потомъ я закрываю книгу и, чувствуя неутомимую потребность движенія, до самаго полудня хожу изъ конца въ конецъ длинной дубовой палубы.

Съ утра въ морѣ свѣжо, но въ округленныхъ сиренево-сѣрыхъ облакахъ все чаще начинается проглядывать живая лазурь неба. Иногда появляется и солнце,—тогда кажется, что кто-то радостно и широко раскрываетъ ласковые глаза... Мгновенно мѣняются краски далей, мгновенно оживаетъ море въ золотистомъ, тепломъ свѣтѣ...

— Да, да! Да, да!—твердитъ машина, мимо которой твердо прохожу я, то попадая въ чадъ кухни, то вдыхая свѣжесть вѣтра, но чистой и крѣпкой дубовой палубѣ, убѣгающей и повышающейся къ носу.

На кормѣ, на ютѣ, пусто: второй классъ занятъ греками-коммерсантами, все время играющими въ кости въ дымной рубкѣ, да двумя не выходящими изъ каюты гречанками въ неизмѣнныхъ черныхъ платьяхъ. Ютѣ, еще не покрытый тентомъ, напоминаетъ весеннюю тер-

расу деревенскаго дома... Пройдешь мимо большого рулевого колеса въ сѣромъ грубомъ чахлѣ, среди наставленныхъ другъ на друга клѣтокъ, переполненныхъ мирно переговаривающимися курами, услышишь странный въ морѣ запахъ птичника и остановишься у рѣшотки борта... На цѣлую версту бѣжитъ изъ-подъ винта кипиющая дорога,—дымчато-малахитовый ледъ съ снѣгомъ,—вертится нѣжно-звенящая бичева лога...

Quocumque adspicias nihil est nisi pontus et aer!

А ночь навѣсомъ спардека, возлѣ рубки перваго класса, полудежить въ полотняномъ креслѣ рослая и спокойно-величавая англичанка въ мужскихъ ботинкахъ со шнурами, въ сѣрой тяжелой юбкѣ, въ толстыхъ перчаткахъ и мѣховой накидкѣ. На колѣняхъ у нея палеваый томикъ Таухница, въ рукѣ—лорнетъ. И когда я прохожу мимо, этотъ лорнетъ жестомъ императрицы прикладывается къ бѣлесымъ глазамъ, къ породистому красному носу и серьезно оглядываетъ меня съ ногъ до головы.

Красивъ и брѣнетъ, съ которымъ мы въ сотый разъ расходимся возлѣ рубки. Широкое заграничное пальто, за карманъ котораго прицѣпленъ щегольской костыликъ, картузь французскаго фасона, башмаки на толстыхъ подошвахъ... Очень худъ, но сложенъ отлично, лицо смуглое, строгое, съ великолѣпными черными глазами и блестяще-черной бородой... Откуда онъ? Рѣшаю, что изъ Александрии, и прохожу мимо съ той же независимостью, съ какою проходитъ и онъ,—какъ и полагается незнакомымъ людямъ, совершающимъ одинъ и тотъ же рейсъ... И мѣрными вздохами соглашается машина, обвѣвая меня тепломъ и блестя безшумно ныряющими свѣтло-стальными поршнями.

Солнце, между тѣмъ, опять раскрыло свои милые

глаза, опять озарило и море, и палубу горячимъ свѣтомъ. Густымъ сине-лиловымъ масломъ свѣтитъ сквозь рѣшотку борта вода, бѣгущая мнѣ навстрѣчу, и съ каждымъ часомъ дѣлается все болѣе тяжелой, все болѣе не похожей на жидкую желтоватую воду возлѣ береговъ Новороссiи. Она своими красками говоритъ о близости другихъ береговъ. И моряки уже празднуютъ эту близость бѣлоспѣжными кителями,—чистотой, которой они такъ любятъ щеголять въ морѣ.

Стриженный подъ гребенку, до половины лба красно-коричневый отъ загара старшiй помощникъ, плотный хохоль съ упорно-насмѣшливыми глазками, сидитъ въ своей каютѣ подъ командирскимъ мостикомъ возлѣ открытой двери. Широкоскулый, рябой вѣстовой стоитъ невдалекѣ отъ этой двери босикомъ, и, когда я прохожу мимо, вполголоса предлагаетъ обмѣнить русскiя деньги на турецкiя.

Дальше подъемный трапъ, перекинутый надъ шахтой трюма отъ спардека къ носу. Изъ шахты глядятъ крупы лошадей и дымчатыхъ быковъ, по-деревенски пахнутъ стойломъ, прѣлымъ сѣномъ,—и я шурюсь на трапѣ отъ солнца и удовольствiя. Ахъ, какъ ласково и нѣжно стало все! И вѣтеръ, и воздухъ, и мутно-голубое небо, въ которое такъ легко уносится тяжкая, зыбкая мачта! Небо по веселному блѣдно, кротко, какъ человекъ, съ застѣнчивой улыбкой выпешдшiй на воздухъ въ первый разъ послѣ болѣзни... Но солнце уже припекаетъ, на глазахъ превращаетъ мокрая портки и рубахи, лежащiе возлѣ бугшприта, на цѣпи якоря, изъ сѣрыхъ—въ бѣлые. Теплый, вольный вѣтеръ тянетъ оттуда—съ юга, съ неогляднаго золотистаго моря. Стою на носу и смотрю то внизъ, на острую желѣзную грудь, грубо рѣжущую прозрачную синеватую воду, то на лежащую мачту бугшприта, медленно, но упорно лѣвущую

въ голубой склонъ неба. Вода стекловидными валами разваливается на стороны и бѣжитъ назадъ широкими грядами снѣжной кипели; глубоко внизу краснѣетъ подводная часть носа,—и вдругъ изъ-подъ него стрѣлой вырывается острорылая туша дельфина, за ней другая,—и долго-долго мелькаютъ въ прозрачной водѣ ихъ летящія на-перегонки спины. Моему тѣлу живо передается это буйное животное веселье, и вся душа моя содрогается отъ радости!

Черезъ нѣсколько часовъ я опять увижу Святую Софію. Черезъ нѣсколько дней я буду въ Греціи. Потомъ на Нилѣ, близъ сфинкса, видѣвшаго лицо Моисея,—и пойду черезъ страну Авраама и Сарры—къ Ваальбеку, къ руинамъ капища, воздвигнутаго самимъ Каиномъ „въ гордости и безуміи“... Всякій дальній путь—таинство: онъ приобщаетъ душу безконечности времени и пространства. А тамъ—колыбель человѣчества. И я подойду къ выходу изъ капища исторіи,—изъ руинъ, древнѣйшихъ въ мірѣ, загляну въ туманно-голубую бездну Мисра.

2.

Въ четвертомъ часу надъ спардэкомъ появился бѣлый китель грузнаго старика-командира, и противъ солнца блеснули круглые глаза биполя.

Я оборачиваюсь—и вижу въ нѣсколькихъ сажеляхъ отъ насъ качающуюся на зеленоватой водѣ фелюку. Подъ фелюкой отсвѣчиваетъ кремовый отблескъ новисшаго паруса, въ фелюкѣ — двѣ алтыя фески, на выпелѣ—алый флагъ съ бѣлой звѣздой въ бѣломъ полумѣсяцѣ.

— Гербъ Порты, Византіи и Артемеды Свѣтоносной!

И уже открывается на южномъ горизонтѣ дальній волнистый призракъ земли: въ ясномъ воздухѣ, въ золотистомъ предвечернемъ свѣтѣ, рисуются дымчатые силуэты Мало-Азійскихъ и Балканскихъ предгорій.

Подъ навѣсомъ спардэка, съ бипоклемъ въ рукѣ, императрицей стоитъ англичанка, за ней—александрійскій бронецъ. Страстно жестикулируютъ и высокими обиженными тенорами объясняютъ что-то другъ другу греки. Хохоль, ѣдущій на Аѳонъ, старикъ въ огромныхъ сапогахъ, въ короткомъ сѣромъ казакинѣ и съ очень маленькой головою, вышелъ на трапъ надъ трюмомъ и крестится, кланяясь мало-азійскимъ берегамъ. По трапу бѣгутъ на бакъ босые, съ высоко подвернутыми портами, матросы. Жадно смотрю впередъ—и, наконецъ, различаю, что предгорія, разступаясь, медленно открываютъ устье Босфора—входъ въ знаменитыя Симплегады.

Пароходъ легко рѣжетъ заштитѣвшее море и быстро уменьшается, приближаясь къ четкимъ линиямъ вырастающихъ впереди каменистыхъ, сѣро-зеленыхъ холмовъ Азій и Европы.

Вотъ поднялись справа и слева бѣлые маяки,—и потянуло тепломъ берега и знакомымъ ароматомъ какихъ-то турецкихъ цвѣтовъ,—прелестнымъ сладковатымъ ароматомъ, похожимъ на аромат сухой трухи въ дуплистомъ деревѣ.

Затихая, замедля ходъ, въ блескѣ отраженій отъ зеркальной воды на красноватыхъ скалахъ Азій, безшумно входимъ въ пасть укрѣпленій въ Ковакахъ.

Воздухъ такъ прозраченъ, и скалы, кажется, такъ близко, что хочется коснуться ихъ рукой.

А сверху надвигается сѣро-желтая руина генуэзской крѣпости, вѣщающая высокій мысъ, ярко изумрудный отъ травы у подножія. На южной сторонѣ его,

надъ заливомъ — казармы цвѣта охры, а рядомъ съ ними—первые турецкіе сады, первыя черепичныя крыши, первый минаретъ и первый шпичъ кипариса!

Вода зелено-голубая.

— Отдай!—ясно слышится въ тишинѣ, наступившей на пароходъ.

И съ грохотомъ летитъ внизъ стопудовый якорь...

Когда-то я купилъ въ этой странѣ руины и кладбища, еще и до сихъ поръ именуемой на языкѣ старой Турціи „Вратами счастья“, нѣсколько лубочныхъ картинъ. На одной былъ турецкій богатырь въ огромномъ желтомъ тюбанѣ, бьющійся съ кентавромъ Полканомъ возлѣ исполнинскаго зеленого дерева. На другой—святой городъ, состоящій изъ однихъ мечетей, минаретовъ и надгробныхъ столбиковъ. На третьей—караванъ верблюдовъ, проходящій мимо зеленого дерева и нагруженный гробами.

— Возвѣсти народамъ о путешествіи къ дому святому, дабы приходили они туда изъ дальнихъ странъ цѣшкомъ и на быстрыхъ верблюдахъ,—были начертаны надъ гробами слова Корана.

И какой сказочной стариной вѣяло отъ этихъ картинъ!

Но, вѣдь, они были когда-то, эти святыя города. Были благочестивые старцы, отказывавшіе по смерти своей все имѣніе свое на нищихъ, калѣкъ и стамбульскихъ собакъ, завѣщавшіе доставить гробъ свой черезъ пустыню въ Мекку и восклицавшіе передъ смертью, подобно Абдъ-эль-Кадеру, молившемуся въ оградѣ Мекскаго храма:

— Господи, воскреси меня въ день общаго возстанія слѣпыхъ, дабы не стыдился я предъ лицомъ праведныхъ!

Были и питыя золотомъ одежды, кривые ятаганы

безцѣнной стали, тюрбаны изъ султанскихъ шалей... Но давно уже

Паукъ заткалъ паутиной царскіе входы,
И ночная сова кричитъ на башнѣ Афразіаба!

Говорять, что, повторяя персидскаго поэта, сказалъ эти слова упоенный побѣдой Магометъ Второй, войдя въ разграбленное и поруганное жилище Константина вечеромъ 29 мая 1453 года,—въ часть, когда первый муэzzинъ поднялъ свой звонкій и печальный вопль надъ Византіей. Но въ устахъ хитраго и свирѣпаго дикаря, украшеннаго всей премудростью восточной учености и втайнѣ почитавшаго даже самого Пророка плутомъ и разбойникомъ, персидское двустишіе звучало, вѣрно, совсѣмъ не меланхолично. Бренность человѣческой славы нисколько не мѣшала ему созидать собственную славу съ ненасытной жаждой. И понятна безграничная власть такихъ, какъ онъ... Но какъ понять безграничную власть старичка въ вѣнскомъ сюртукѣ и дамасской фескѣ, ради своей трусливой власти пренебрегающаго запустѣніемъ не византійскаго дворца, а всей Турціи?—Воздается, впрочемъ, каждому по вѣрѣ его! Украсилъ себя старичокъ нелѣпымъ наборомъ высокопарныхъ именъ, назвалъ себя „царемъ царей, султаномъ султановъ, раздавателемъ коронъ“, сказалъ, что онъ—тѣнь Аллаха на землѣ, и что будто бы именно ему вручена Аллахомъ судьба пятидесяти милліоновъ человѣкъ—и баста!

Черезъ полчаса послѣ остановки въ Ковакахъ звонять къ обѣду, но какъ разъ въ то же время снова травятъ якорную цѣпь. Пароходъ левіафаномъ потянулся по извивамъ Босфора—и пошелъ въ круглыхъ иллюминаторахъ каютъ-компаніи зеленыя холмистыя побережья въ двѣтущихъ садахъ и могильныхъ кипарисовыхъ рощахъ, въ виноградникахъ и паркахъ, въ

мраморныхъ дворцахъ и виллахъ, въ развалинахъ крѣпостей и деревянныхъ турецкихъ домишкахъ подъ черепицей, тѣсными уступами нагроможденныхъ среди развалинъ и зелени... Иду на югъ, поднимаюсь по трапу на рубку надъ вторымъ классомъ и долго-долго гляжу на голубыя волны горъ и плоскіе, четко видѣляющіеся въ воздухѣ зонты синихъ пиній на ихъ гребняхъ...

Ветхость, запустѣніе—какъ странно эти слова для вступающаго въ Турцію по Босфору! Ветхость— и чудовищныя руины Румели-Гисаръ, ея зубчатыхъ твердыхъ и допотопной башни, глядящей изъ Европы въ Азію, на красноватая развалины Анатоли-Гисаръ, отъ которой когда-то наводили мосты въ Европу Дарій! Запустѣніе—и роскошь посольскихъ резиденцій и султанскихъ виллъ, пороги которыхъ купаются въ зелено-голубой водѣ пролива, многолюдство набережныхъ и кофеенъ, красота мраморныхъ арабскихъ фонтановъ, мраморныхъ кіосковъ подъ китайскими кровлями и мраморныхъ дворцовъ, итальянскіе, греческіе и арабскіе фасады которыхъ за своими золочеными рѣшетками такъ весело блистаютъ при вечернемъ солнцѣ стеклами оконъ, колоннадами и орнаментами! А эти сплошные сады и селенія, въковой Бѣлградскій лѣсъ съ платанами, дубами и буками Готфрида Бульонскаго, несмѣтные рыбацкіе паруса, бѣлыя морскія птицы и легкіе и острые, какъ стрѣлы, канки изъ золотой лакированной ясени, устланные пурпурно-бархатными коврами, на которыхъ полулежатъ щеголи-греки въ смокинггахъ и фескахъ, турецкіе офицеры съ меланхолически-прекрасными дѣвичьими глазами, гаремы, закутаные въ радужныя брусскіе газы, и туристы въ пробковыхъ шляпахъ! А имена этихъ долинъ и виллъ, идущихъ справа и слѣва, по ломанымъ гористымъ бе-

регамъ, надрѣзаннымъ бухтами и заливами, вплоть до Мраморнаго моря! — Источникъ Платановъ, Долина Розъ, Долина Повелителя, Небесный Ручей, Звѣздный Дворецъ, Сладкія Воды... И что за гигантская картина развертывается вдали, — картина города, возлежащаго среди морей на трехъ мысахъ, въ золотистой пыли заходящаго солнца, въ сизыхъ дымахъ величайшаго въ мірѣ рейда! Не сразу и замѣтишь среди виллъ, дворцовъ и садовъ подлинную Турцію — эти узкіе и высокіе деревянные домики съ черепично-оранжевыми крышами подъ зелеными тополями и синими кипарисами-домики, столь потемнѣвшіе отъ времени, столь ветхіе!

По мѣрѣ того, какъ свѣжѣетъ, горы и холмы, овѣянные морскимъ воздухомъ, принимаютъ все болѣе лиловые тоны. Босфоръ извивается, холмы впереди смыкаются—и кажется, что плывешь по зеркально-опаловымъ озерамъ. Но вотъ эти холмы разступаются еще разъ, — и медленно принимаетъ насъ въ свою флотилію великій городъ. Надѣво, на холмистыхъ прибрежьяхъ малоазійскихъ горъ, нестрять въ сплошныхъ садахъ несмѣтныя кровли и окна Скутари, древняго Хризополя—Города Золота. Направо, въ Европѣ, амфитеатромъ громоздится по высокой горѣ тѣсная, палеваго цвѣта, Галата съ возвышающейся надъ ней круглою громадой генуэзской башни Христа. А впереди, на фонѣ заката—единственный въ мірѣ сизуэтъ Стамбула, надъ которымъ царятъ несмѣтныя копыя минаретовъ и темные абрисы полусферъ-куполовъ на султанскихъ мечетяхъ. Босфоръ расширяется въ огромное озеро между Скутари и Галатой, почти замыкаясь впереди большимъ Стамбульскимъ мысомъ. Но за мысомъ выходъ изъ Босфора въ серебристо-оловянное Мраморное Море. А вотъ и Золотой Рогъ—огромный дымный рейдъ возлѣ

Галаты, ятаганомъ загибающей направо и отдѣляющей мысъ Галаты отъ Стамбула.

При заходящемъ солнцѣ, въ тѣсотѣ судовъ, бригаantinъ, барокъ и лодокъ, при стоголосыхъ крикахъ фесокъ, турбановъ и шлягъ, качающихся на зеленой сорной водѣ вокругъ нашихъ высокихъ бортовъ, спова, почти на двое сутокъ, кидаемъ якорь, носомъ къ Стамбулу... Ахъ, сколько тутъ мачтъ, дымящихъ трубъ, ржаво-красныхъ и черныхъ бортовъ, блестящихъ бѣлыхъ стаціонеровъ, быстро бѣгущихъ катеровъ, медленно двигающихся парусовъ и шумныхъ колесныхъ пакеботовъ! Сколько звуковъ, запаховъ и красокъ!

— Майна! — кричитъ подъ гремящей лебедкой бопманъ, стиснутый разноязычной толпой, уже образовавшейся и на нашей палубѣ. — Майна, матери твоей шортъ! Вира!

А возлѣ парохода яростно дерутся изъ-за сора рововья отъ заката чайки, качаются красные круги бакановъ и сотни лодокъ, наполненныхъ грязными фесками и узорчатыми чалмами, полосатыми фуфайками и черными пиджаками, рясами католическими и православными... Всѣ глаза и головы подняты на насъ, кверху. — и вдругъ сотни рукъ кидаются къ опустившемуся трапу, и начинается нѣчто еще болѣе яростное, чѣмъ драка чаекъ... Ревутъ уходящія трубы, въ терцію кричатъ колесные пакеботы, гудитъ отъ топота копытъ деревянный мостъ Султанъ-Валидѣ, перекинутый черезъ Золотой Рогъ, хлопаютъ бичи и раздаются крики водоносовъ въ толпѣ, кипящей на набережной Галаты.. Оттуда, изъ товарныхъ складовъ и конторъ, возбуждающе пахнетъ ванилью и рогожами колониальныхъ товаровъ; съ пароходовъ — смолой, копрой — кокосомъ — и зерновымъ хлѣбомъ, сыплющимся въ трюмы; отъ воды,

взбудораженной винтами и веслами, — арбузной свѣжестью...

Солнце, между тѣмъ, скрывается за Стамбуломъ — и багрянымъ глянцемъ загораются стекла въ далекомъ Скутари, мрачно краснѣетъ кипарисовый лѣсъ его Великаго Кладбища, въ фіолетовые тоны переходитъ низкий дымный воздухъ надъ рейдомъ, розовѣютъ и все болѣе означаются на фонѣ заката легкіе лиловые силуэты стамбульскихъ мечетей — и легко возносятся въ зеленѣющее небо несмѣтные минареты. И въ зеленѣющемъ небѣ тонуютъ печальные, медленно возрастающіе и замирающіе голоса муэззиновъ...

Въ старыхъ святыхъ городахъ Ислама для этихъ вечернихъ славословій еще и до сихъ поръ предпочитаютъ стѣнные глашатаи: да не смущаетъ ихъ земная прелесть наступающей ночи! А тѣ, которыхъ Творецъ не лишилъ счастья зрѣнія, закрываютъ въ часъ изана глаза... Закрываютъ ли глашатаи константинопольскіе? Не думаю, но голоса ихъ все же звучатъ великой печалью старины и пустыни. И я вспоминаю пылъ и ветхость бревенчатого моста Валидѣ, черные деревянные сараи возлѣ него, гдѣ продаютъ билеты на дачные пакеботы... Вспоминаю сгнившія въ труху и иочерившія лачуги Стамбула, его развалины, тихія кофейни и кладбища... Потомъ гляжу на приземистый абрисъ Софіи, въ которомъ есть что-то непередаваемо древнее, какъ въ куполѣ синагоги... Вижу, возлѣ пая, среди запущеннаго серальскаго сада, на приморскомъ берегу стамбульскаго мыса, останки древнихъ стѣнъ Византинъ и дворца Константина...

— Возвышается Софія надъ городомъ, какъ корабль на якорѣ! — говорили когда-то.

Теперь она осѣбла, затерялась среди новыхъ мечетей... Издалека она кажется даже небольшою... Но не

великъ и дворець, Онъ изъ сѣраго камня, простъ, грубъ, какъ крѣпостная тюрьма, крыша на немъ безъ выступа, окошечки узкія, высоко пробитыя... И какъ чуждъ онъ всѣмъ—онъ и Софія—даже здѣсь, въ старомъ Стамбулѣ!

Солнце закатилось, на турецкихъ часахъ двѣнадцать—и меня постигаетъ участь, подобная участи турецкихъ женщинъ: женищинамъ нельзя послѣ заката выходить изъ дому, путешественникамъ—вступать въ городъ. Но, стоя возлѣ борта и глядя внизъ, на лодку аѳонскихъ монаховъ, высматривающихъ, нѣтъ ли паломниковъ, которымъ они даютъ пріютъ на своихъ подворьяхъ въ Галатѣ, я вдругъ замѣчаю среди нихъ мѣшковатую фигуру проводника-грека Герасима и радостно кричу ему по-русски, по-гречески и по-арабски:

— Герасиме! Добрый вечеръ! Калиспера! Меса белъ хайръ!

Герасимъ поднимаетъ кверху очки, ищетъ меня въ толпѣ и не сиѣща — ему уже за сорокъ — улучшаетъ среди качки удобный моментъ, чтобы ухватиться за перила трапа...

— Узналъ? — говорю я, встрѣчая его въ толкотнѣ входящихъ на пароходъ и сходящихъ внизъ.

И Герасимъ, поднимая плечо и улыбаясь, какъ всегда, нѣсколько грустно и застыпчиво, отвѣчаетъ нѣжнымъ греческимъ теноромъ:

— Ну да, узналъ!

Проводникъ мнѣ не нуженъ, но Герасимъ теперь безъ дѣла, семья у него большая... да и не проберешься одинъ послѣ семи часовъ въ городъ... И Герасимъ немедленно вступаетъ въ свои обязанности.

— Какъчи!—кричитъ онъ, осторожно спускаясь по трапу.

Старая черная шляпа, толстый мѣшковатый пиджакъ,

пыльные штаны и пыльные сапоги... разбитые сапоги стараго проводника, скромнаго, ласковаго, дѣтски говорящаго почти на всѣхъ языкахъ и такого покорнаго подъ тяжкимъ крестомъ ради куска хлѣба! Бережно песеть онъ подъ мышкой тяжелый черный зонгъ, съ которымъ никогда не разлучается, бережно снимаетъ шляпу и вытираетъ ситцевымъ платкомъ свою большую коротко-стриженную, серебристо-сизую голову... Жарко подъ черной шляпой! Но Герасимъ является на пароходъ всегда въ парадѣ: въ шляпѣ, въ бумажныхъ отложныхъ воротничкахъ и ветхомъ черномъ галстухѣ, въ видѣ летучей мыши.

3.

Тѣнь Аллаха, какъ и всякая тѣнь, такъ боится свѣта, что не допускаетъ въ Константинополь электричества. Да святится воля падишаха! Но, если падишахъ строитъ на этомъ какіе-либо политическіе расчеты, то не великъ разумъ тѣни твоей, Аллахъ!

Возлѣ какой-нибудь маленькой, полуразвалившейся мечети въ Скутари, — въ этомъ старинномъ ханѣ всѣхъ каравановъ Азіи, — на какомъ-нибудь пыльномъ базарѣ, окруженномъ кофейнями, изъ которыхъ песеть чадомъ восточной кухни и пестрѣютъ халаты толстыхъ хозяевъ въ огромныхъ тюбанахъ, не рѣдкость видѣть грязно-грифельную грудку верблюда и погонщика, въ еще болѣе пыльномъ тюбанѣ и овчинной курткѣ. На Большой Скутарійской улицѣ, среди цвѣтистаго левантинскаго люда, есть кофейни почище, гдѣ такъ сладко мечтать за чашечкой кофе на длинныхъ диванахъ въ пестромъ ситцѣ, тихо поглаживая спины кошекъ и опустивъ одну ногу, въ туфлѣ, на полъ, а другую, въ чулчѣ,

поставивъ на сидѣнье. Въ переулкахъ Скутари, среди пекаренъ, шорныхъ мастерскихъ и лавочекъ, заваленныхъ мѣдными болванами для глаженія фесокъ, среди облѣзлыхъ собакъ, скитающихся по пыли и ослиному помету, въ жаркіе и нѣжные дни ранней приморской весны цвѣтутъ благоухающія жасминомъ бѣлыя акаціи, цвѣтутъ розовыми восковыми пирамидками густые платаны, а изъ-за древнихъ садовыхъ стѣнъ снѣгомъ бѣлѣютъ плодовые деревья, глядитъ осыпанное кроваво-лиловымъ цвѣтомъ голое іудино дерево, раскидываются широколѣтвистыя айвы и золотыми кружевами льются мимозы.

— Селямъ!—ласково и сдержанно говорятъ сидящіе подъ деревьями возлѣ кофеенъ большіе старики въ бѣлыхъ и зеленыхъ чалмахъ, въ мѣховыхъ безрукавкахъ и халатахъ, отороченныхъ мѣхомъ.

— Селямъ!—говорятъ они подходящимъ, легко и красиво касаясь груди и лба, и опять замолкаютъ, отдаваясь дыму нергиле и спокойному созерцанію собакъ, туристовъ, ковыляющихъ женщинъ, закутаныхъ въ розовыя и черныя фередже, и медленно качающихся на ходу важныхъ горбуновъ-верблюдовъ.

И мнѣ никогда не забыть сладкой, деревенской тишины Скутари, его стѣнъ, кладбищъ, густыхъ садовъ запутанныхъ переулковъ, гдѣ двухъэтажные деревянные домики, крытые черепицей, далеко выступаютъ надъ пѣшеходными тропинками своими шакнизирами—сѣрыми рѣшетчатыми окнами гаремовъ. Сколько въ этой оплошной садовой глуши, называемой Скутари, старыхъ мраморныхъ фонтановъ, въ хрустальной водѣ которыхъ моютъ загорѣлыя ноги странники, благословляюще именовъ Бога и воду, и легкую весеннюю тѣнь развѣсистаго дерева надъ фонтаномъ, и дремотное жужжаніе пчелъ на цвѣтушихъ абрикосахъ, и

сладкое благоуханіе акацій! Сколько тамъ бѣлыхъ минаретовъ, выглядывающихъ изъ-за мшистыхъ развалинъ и сколько ветхихъ мечетей, на куполахъ которыхъ растетъ трава, а внутри воркуютъ голуби! Сколько кладбищъ, затерявшихся между садами, мечетями и стѣнами, темно-зеленыхъ кипарисовъ съ голыми стволами тѣлеснаго цвѣта,—и могильныхъ бѣлыхъ столбиковъ въ чалмахъ и золотыхъ надписяхъ, гдѣ такъ мирно, ласково и съ такой трогательной вѣрой говорится о весеннихъ радостяхъ жизни, о холодныхъ вѣтрахъ рока, о соловьяхъ и розахъ въ странѣ Блаженства!

Но жизнь не терпитъ покоя. Время разрушаетъ стѣны, мечети, кладбища; нищета разрушаетъ кварталы Скутари, Стамбула, Балаты, Фопара и превращаетъ ихъ въ вертепы и трущобы, которые соперничаютъ другъ съ другомъ нечистотами, пылью и зловоніемъ. Но жизнь творитъ неустанно, а на земномъ шарѣ слишкомъ мало мѣстъ, подобныхъ Золотому Рогу и Босфору. И вотъ, среди нищеты, останковъ былого величія и среди красоты запустѣнія, возникаетъ новая красота—красота величайшаго въ мірѣ рейда и величайшей въ мірѣ лаборатории космополитизма!

Галату, сердце этой лаборатории, часто называютъ помойной ямой Европы, Галату сравниваютъ съ Содомомъ. Но какъ была, вѣроятно, особая красота въ безстыдствѣ Содома, такъ есть красота и въ безстыдствѣ и грязи Галаты. Только Галата не погибнетъ: сбродъ, населяющій ее, киится въ работѣ. Опъ нищъ и бѣшено жаждетъ жизни. Самъ того не сознавая, опъ созидаетъ новую вавилонскую башню—и не боится смѣшенія языковъ: въ Галатѣ уже нарождается новый языкъ—языкъ труда, нарождается непримѣрная терпимость ко всѣмъ языкамъ, ко всѣмъ обычаямъ, ко всѣмъ вѣрамъ.

Грудами пчелиныхъ сотовъ—уступами многоэтаж-

ныхъ, узкихъ домовъ покрываютъ Галата и Пера гору увѣнчанную круглой громадой генуэзской башни Христа. Эти соты съ верху до низу набиты семьями армянъ, евреевъ, грековъ, франковъ, всю жизнь проводящихъ въ порту или на улицахъ, въ работѣ и торговлѣ. И только въ домахъ Галаты существуетъ то, чего нѣтъ нигдѣ въ мірѣ: бываетъ, что четверть дома принадлежитъ армянину, четверть—греку, четверть—румыну, четверть—человѣку совершенно неизвѣстнаго происхождения. Въ кофейняхъ, въ парикмахерскихъ, въ которахъ, въ магазинахъ зачастую висятъ рядомъ портреты властителей всѣхъ странъ земли—и ни къ одному изъ этихъ властителей Галата и Пера не чувствуютъ ни даже малѣйшаго почтенія! Можно быть монархистомъ, анархистомъ, республиканцемъ—до этого въ Галатѣ нѣтъ никому никакого дѣла... Можно быть язычникомъ, христіаниномъ, поклонникомъ дьявола или Пророка—это тоже никого не касается... И дружно, чуть не на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ Европы и Азіи пишеть свои вывѣски Галата! По ея покатымъ, узкимъ улицамъ и переулкамъ, торгующимъ почти всѣмъ, что есть въ мірѣ, по каменнымъ уступамъ, отшлифованнымъ мириадами ногъ, среди ословъ, собакъ, аргамаковъ и вагоновъ конки, движется единственный во вселенной маскарадъ. И никого-то и ничѣмъ не удивишь въ этомъ маскарадѣ: ни бѣлой кафіей араба, ни чернымъ атласомъ цилиндра, ни золотомъ каски, ни даже наготой негра, которую кто-то такъ хорошо называетъ «новой»!

Среди несмѣтныхъ канковъ, стоящихъ возлѣ потемнѣвшихъ отъ воды и времени деревянныхъ свай, я захожу вслѣдъ за Герасимомъ на Галатскую набережную отдаю паспортъ турецкому чиновнику, сидящему въ сараѣ таможи, и вступаю въ Галату въ тотъ часъ, ко-

гда замирають призывы муэззиновъ, день, по закону ислама, кончается и лавки должны заператься.

Но какое дѣло до пизана Галатѣ!

По пыльной и ухабистой набережной, заставленной съ одной стороны, желѣзными боками тупоносыхъ, гремящихъ лебедками гигантовъ съ разноцвѣтными аяками на трубахъ, а съ другой—сплошными кофейнями, шумными и уже ярко освѣщенными, непрерывно текутъ навстрѣчу другъ другу цвѣстистые потоки разноязычнаго народа. И я съ наслажденіемъ теряюсь въ этой толкотнѣ теплаго и темнаго южнаго вечера, въ той возбуждающей атмосферѣ толпы и разворонныхъ настезь магазиновъ, которая сразу охватываетъ душу и тѣло горячимъ вѣяніемъ жизни и тянетъ къ сляпью съ жизнью всего міра.

Зеленоватое яшмовое небо еще свѣтло надъ темнымъ и четкимъ восточнымъ силуэтомъ Стамбула, надъ сиренево-стальной водой и надъ шестами мачтъ въ Золотомъ Рогѣ. Но надъ набережной и надъ рейдомъ уже виситъ опускающійся книзу дымъ, пыль и сумракъ. Между посами и кормами пароходовъ я вижу темную Скутарійскую гору, засыпанную роями огненно-золотыхъ пчель. Тысячи самоцвѣтныхъ камней—крупныхъ изумрудовъ, брилліантовъ и рубиновъ—разсыяны по кораблямъ темнѣющаго рейда... Блѣдные топовые огни, какъ лампадки, висятъ высоко-высоко надо мною, на всѣхъ мачтахъ возлѣ набережной... Но это—огни почного отдыха.

Совсѣмъ другими огнями горятъ раскрытыя настезь окна и двери въ галатскихъ домахъ, въ кофейняхъ, въ пантанахъ, въ табачныхъ и фруктовыхъ лавочкахъ, въ парикмахерскихъ. И отъ огней и отъ народа, играющаго въ кости, въ шашки, пьющаго виски, мастику, кофе и воду и заявшаго своими табуретами, кальяна-

ми и столиками еще и половину набережной, идет пестрый смѣхъ и говоръ. Отъ тѣсноты, отъ запаха цвѣтовъ, пыли, сигаръ и жаровенъ, на которыхъ уличные повара подшквариваютъ кофейныя зерна, кебабъ и лепешки, воздухъ зноенъ и душенъ. Изъ вторыхъ этажей, изъ освѣщенныхъ оконъ несутся звуки грамофоновъ, дешевыхъ пѣанино и голосовъ кафе-шантаннхъ знаменитостей. Въ толпѣ, текущей по набережной, раздаются бѣшено-сильные басы водоносовъ, звонкіе альты чистильщиковъ сапогъ и продавцевъ газетъ, сладкіе тенора греческихъ кондитеровъ, хлопанье бичей худыхъ, черномазыхъ извозчиковъ въ фескахъ и пыльныхъ пиджакахъ. И по всѣмъ лицамъ и разноцвѣтнымъ одеждамъ то-и-дѣло легкими гигантскими взмахами проходятъ свѣтлые столбы прожекторовъ: одинъ за другимъ бѣгутъ къ мосту шумныя колесныя пакеботы, переполненныя народомъ съ загородныхъ гуляній, и лучи электрическихъ солнцъ, разгорающихся на ихъ носахъ все ярче и ярче по мѣрѣ приближенія, легко и таинственно скользятъ по Галатѣ, по Перѣ, по набережной и по рейду, внезапно озаряя и снова потопляя во мракѣ высокіе сѣрые паруса, пароходы и флотилии лодокъ. И съ моста текутъ на набережную все новыя и новыя толпы, полныя страстнаго и волнующаго зноя жизни. И когда въ этотъ зной врывается свѣжее дыханіеочи и моря, я пьянѣю отъ сладкаго сознанія, что и я въ этомъ новомъ Содомѣ и свободенъ такъ, какъ можетъ быть свободенъ человѣкъ только въ Галатѣ.

4.

Ночь провожу въ одномъ изъ аонскихъ подворій, теперь совершенно пустыхъ.

Позднимъ вечеромъ покидаю я набережную и вхожу въ узкій лабиринтъ между высокими домами.

Окна верхнихъ этажей еще свѣтятъ, но лавки и склады въ нижнихъ давно заперты, и поэтому въ проходахъ царитъ мракъ: только бродятъ кой-гдѣ, низко пада мостовую, фонарики нищихъ, выбирающихъ изъ уличнаго сора корки хлѣба, окурки, жестяпки, бутылки изъ-подъ оливковаго масла... Поминутно паткаюсь на спящихъ собакъ, на сторожей, звонко бьющихъ на ходу желѣзными дубинами въ мостовую, на огошки сигаръ, на разговоры мелькающихъ мимо матросовъ и другихъ ночныхъ гулякъ. Изъ освѣщенныхъ оконъ тоже слышится говоръ и смѣхъ, или прыгающіе звуки шарманокъ съ позвонками... Но четырехэтажный домъ подворья тихъ и теменъ.

Привратникъ, спящій въ большихъ прохладныхъ сѣняхъ, за тяжелыми полукруглыми дверями, не спѣша отворяетъ—и, вмѣстѣ съ темнотою, меня охватываетъ знакомый русскій запахъ—плѣсени и отхожаго мѣста.

Тотъ же запахъ и въ гулкихъ каменныхъ корридорахъ, по которымъ, со свѣчей въ рукѣ, бѣжитъ впереди меня молодой монахъ въ мужицкихъ сапогахъ, въ черномъ подрясникѣ и черной вязаной шапкѣ, рябой, съ бирюзовыми живыми глазами, съ торопливо-услужливыми движеніями.

— Пожалуйте-съ, пожалуйста-съ,—бормочетъ онъ.

И съ умиленіемъ предлагаетъ мнѣ то то, то другое на томъ противномъ истинно-русскомъ языкѣ, который, какъ извѣстно, почти сплошь состоитъ изъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ именъ.

Но въ пустомъ высококомъ номерѣ, крашеномъ масляной краской, прохладно, чисто, кровать покрыта грубымъ, но свѣжимъ бѣльемъ... Быстро раздѣваюсь, гущу свѣчу и засыпаю среди криковъ, несущихся съ

улицы, стука сторожей, говора проходящихъ подъ окнами и нескладной, страстно-радостной и въ то же время страстно-скорбной восточной музыки, прыгающей въ ладъ съ позвонками.

Утромъ вскакиваю очень рано отъ свѣжести, плывущей въ окно съ моря, отъ звона колокола въ верхнемъ этажѣ подворья и отъ криковъ продавцевъ зелени и рыбы. И, одѣваясь, вижу въ окно блѣдно-голубое небо, вымпела за домами, а внизу узкую улицу, еще влажную, въ прохладной тѣни, но уже полную деревенскими бараньими шапками погонщиковъ и цѣлыми стадами ословъ, на которыхъ качаются корзины дровъ, овощей и сыра... Слава Богу, день солнечный—я опять увижу Ая-Софію въ солнечное весеннее утро!

Герасимъ стоитъ возлѣ подворья и разсѣянно болтаетъ съ монахами и проходящими, поминутно пожимая, по южному обычаю, плечомъ. Сегодня опъ въ старомъ картузикѣ съ пуговкой, но зонть, который никогда не раскрывается, опять съ нимъ.

Обмѣниваемся улыбками и пускаемся въ путь.

Изъ оконъ верхнихъ этажей тянетъ воню оливкового масла, въ которомъ шкварить рыбу, летятъ на улицу помои и слышится брагчивая скороговорка гречанокъ. Дурачокъ въ лохмотьяхъ и въ двухъ рваныхъ шляпахъ, криво надѣтыхъ одна на другую, со всѣхъ ногъ бросается мимо меня въ стаю солово-желтыхъ целудивыхъ собакъ и, отбивъ у нихъ тухлое яйцо, съ жадностью выпиваетъ его, дико косясь на проходящихъ бѣльмомъ краснаго глаза. Сплошная волнующаяся масса черныхъ барановъ, мелко перебирающихъ копытцами, тѣснится подъ азартные окрики чабана, а среди нихъ, на худенькой лошаdkѣ, на деревянномъ сдѣлѣ, ошутапомъ веревками, пробирается старикъ ту-

рокъ, лопоухій, пиловобурый отъ загара, въ огромномъ турбатѣ и бараньей курткѣ, съ сѣдыми курчавыми волосами на раскрытой груди. За нимъ бѣжить и на бѣгу оретъ дикимъ голосомъ босоногій водоносъ съ мокрымъ сизымъ бурдюкомъ на спинѣ... Дальше идутъ длинноухіе задумчивые ослики подъ корзинами съ мусоромъ и кирпичами, тяжело и быстро семенить по сырому сору и помету носильщикъ армянинъ, согнувшійся въ три погибели подъ огромнымъ зеркальнымъ шкафомъ, отъ котораго по домамъ мелькаютъ большіе веселые блики солнца... Неуклюжей толпой проходятъ русскіе лохматые ротозѣи, наступающіе всѣмъ на ноги, замученные тяжестью теплыхъ поддевогъ... Ковыляютъ на французскихъ каблучкахъ двѣ толстенькихъ турчанки, съ головой закутанныя въ фередже: одна—въ легкое, цвѣта засушенной розы, другая—въ черное, какъ монахиня.

— Лица ихъ,—думаю я словами Корана,—похожи на яйца страуса, тщательно сохраненныя въ песокъ.

Но приподнялось, какъ будто случайно, покрывало—и я убѣждаюсь, что правъ Саади:

— Не всякая раковина беременна жемчугомъ!

Зато сколько красивыхъ, умныхъ и энергичныхъ мужскихъ лицъ, особенно среди турокъ изъ простонародья, изъ провинцій, съ береговъ моря! Сколько гордыхъ и привѣтливыхъ глазъ!

Переулки между этими высокими домами возлѣ набережной похожи на переулки въ Старомъ Городѣ Ниццы, въ порту Генуи, Марселя. Но набережная, на которую мы выходимъ изъ нихъ, не похожа ни на что.

— Сюда, сюда!—говоритъ Герасимъ, въ десятый разъ поворачивая за уголь.

И вотъ опять пахнуло ванилью, рогожами, арбузной свѣжестью зелено-голубой воды—и въ глаза глянул

ослѣпительное солнце, голубой просторъ рейда, крылья бѣлыхъ рыбалокъ, мачты барокъ, черныя съ разноцвѣтными полосами трубы, мелькающія полосками стекла вѣсла, бѣлая башня Леандра у берега Скутари... Опять хлопаютъ бичами извозчики, опять въ быстро текущей толпѣ кричатъ газетчики, водоносы съ кувшинами розовыхъ напитковъ, продавцы бубликовъ и приторно-сладкихъ греческихъ печеній, насквозь пропитанныхъ орѣховымъ масломъ... И не успѣваю я сѣсть на крохотный табуретикъ возлѣ кофейни, жарко нагрѣтой солнцемъ, какъ лиловый арабченокъ въ одной синей женской рубахѣ уже тянетъ мой сапогъ на скамеечку, расцвѣченную фольгой, колокольчиками, жестью и мѣдными гвоздями.

— Рухъ!—говорю я сердито.

Но въ это время надо мной раздается оглушительный басъ продавца лимонада.

— Газо-ось!—оретъ онъ, удаляясь.

И мой сосѣдъ справа, милостивый турецкій офицеръ въ малиновой фескѣ, въ синемъ мундирѣ съ иголочки и съ блестящимъ мѣднымъ полумѣсяцемъ подъ подбородкомъ, скромно улыбается, а сосѣдъ слѣва, черный старикъ въ бѣломъ халатѣ и бѣлой чалмѣ, въ огромныхъ желто-зеленыхъ очкахъ, безъ носа, съ голой верхней губой въ лиловыхъ швахъ, важно поднимаетъ свою мертвую голову, булькая кальяномъ.

И я покоряюсь арабченку.

Что-жъ, въ это жаркое солнечное утро все хорошо: и блескъ сапога, и повенкій мундиръ офицера, и стаканъ воды съ розой, который быстро ставитъ передо мною молодой кафеджи въ фескѣ, пиджакѣ и фартукѣ!

Потомъ мы покупаемъ какихъ-то желтыхъ эладкопахучихъ цвѣтовъ у ласковаго турка, сидящаго на корточкахъ возлѣ своей корзины, поставленной прямо на

мостовую, и по дрожащимъ отъ топота копытъ бревнамъ моста Валидѣ спѣшимъ въ густой торопливой толпѣ въ Стамбуль.

Уже становится жарко, запылились наши расчищенные сапоги, яркой бирюзой сквозитъ вода въ щели моста, ярки и пѣкны венеціанскіе тоны надъ Золотымъ Рогомъ, зеленѣютъ на горѣ Стамбула сады, съ шумомъ отходятъ отъ моста пакеботы, обдавая бѣгущую толпу теплымъ бѣлымъ дымомъ... Опять маскарадъ, но еще болѣе пестрый и праздничный, чѣмъ вчера,—маскарадъ на воздухѣ, въ жаркое весеннее утро! И дружно мѣшаетъ этотъ маскарадъ вѣскіе сюртуки съ рыжими верблюжьими куртками, панамы съ бараными напанами, бирюзово-глазаго англичанина съ сизыми бедуинами, гиганта черногорца въ бѣломъ шерстяномъ нарядѣ, шитомъ золотомъ и обремененномъ оружіемъ, съ худосочнымъ польскимъ евреемъ, коричневую рясу францисканца съ негромъ, сестру кармелитку съ китайцемъ съ неподвижной головой, съ черной косой до пятъ и въ лиловой кофтѣ... И какъ просто и легко льется эта цвѣтная толпа, унизанная мундирами и макомъ фесокъ, отъ Султана-Валидѣ къ самому людному мѣсту Галаты—къ углу набережной, къ биржѣ и столікамъ уличныхъ мѣняль-сарафовъ, и отъ биржи—къ Султанъ-Валидѣ, гдѣ останавливаются вагоны конки, гдѣ вѣчная тѣснота фіакровъ, разнощиковъ, цвѣточниковъ, нищихъ, полуголыхъ прокаженныхъ, сидящихъ на мостовой, и тѣснота базаровъ, заваленныхъ коврами, оружіемъ, мѣдной посудой, сырами, зеленью, шафраномъ, обруей, фруктами и туфлями!—сотнями связокъ лиловыхъ, канареечныхъ, черныхъ и оливковыхъ туфель вислицихъ на стѣнахъ, подобно сушеной рыбѣ на шнуркахъ!

Здѣсь, на маленькой площади, отъ которой направо ходятъ вагоны конки, раздѣленные бычьей кожей на

мужскую и женскую половины, а налѣво поднимаются въ гору лабиринты узкихъ, сырыхъ и вонючихъ базарныхъ переулковъ,—всегда тѣнь и влажная прохлада подъ гранитными стѣнами мечети, гдѣ, у фонтана возлѣ портала, проходяще, сидя на корточкахъ спиной къ конкѣ, торопливо и таинственно совершаютъ омовенія среди солого-грязныхъ, коротко-шерстныхъ собакъ. Здѣсь надъ головой гуще снѣжетъ небо, а дальше, возлѣ кофесей и за старыми стѣнами, ярко зеленѣютъ деревья. И чѣмъ дальше мы поднимаемся по улицѣ, идущей слегка въ гору, тѣмъ все тише и безлюднѣе становится вокругъ, все свѣжѣе и чище воздухъ... И уже совершенное безлюдье царитъ у высокихъ воротъ Старого Серая, при входѣ въ его запущенные сады и широкіе дворы, заросшіе травой и бѣляющие обломками греческихъ колоннъ, статуй и надгробныхъ плитъ...

Герасимъ косится на нѣкоторые изъ нихъ и мистически шепчетъ:

— Смотри, смотри, съ крестомъ!

Но какое мнѣ дѣло до смутныхъ надеждъ, еще живущихъ въ душахъ фанариотовъ?

Я безконечно люблю Акрополь Стамбульскаго мыса именно за то, что это—кладбище не только Византинъ, но и Серая.

— Въ заустѣнннхъ наслѣдіе падишаховъ!—вспоминаю я золотыя слова Мицкевича.—Въ трещины разноцвѣтныхъ оконъ лѣзутъ вѣтви плюща, взбираются на глухіе своды и стѣны и, овладѣвая дѣлами рукъ челоувѣческихъ во имя природы, чертятъ писмена Валтасара: „Руина!“

Говорятъ, однако, что наслѣдіе падишаховъ не совсемъ безлюдно: за внутренними стѣнами Серая, охраняющими покой, недоступные для европейца, расцвѣтають подъ надзоромъ евнуховъ тѣ рѣдкіе цвѣты дѣ-

вицей красоты, которые ежегодно дарить, по древнему обычаю, Турція своему повелителю, а старыя одалиски готовятъ для султанскихъ гаремовъ... И весенней прелестью вѣетъ незримое присутствіе этихъ юныхъ затворницъ въ садахъ Серая, гдѣ зеленая яркая трава пробивается изъ древней земли, красный макъ свѣтитъ среди обломковъ мрамора и бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ цвѣтутъ чащи деревьевъ въ оврагахъ возлѣ Чинили-Кюска, Старого Музея, облицованнаго лазурными фаянсами, пригрѣтаго жаркимъ солнцемъ, окруженнаго бальзамическимъ ароматомъ кипарисовъ.

5.

Въ Старомъ Музеѣ—нѣсколько эллинскихъ изваяній, ассирійскихъ барельефовъ, египетскихъ мумій цвѣта умры и саркофаговъ, блестящихъ неуядаемымъ глянецомъ политуры и красокъ. Въ Новомъ Музеѣ—онъ стоитъ напротивъ Старого—я когда-то былъ, поистинѣ, очарованъ непостижимымъ изяществомъ и свѣжестью бѣломраморнаго саркофага, именуемаго саркофагомъ Александра Великаго. Но какъ передать чувства, которыми волнуется мраморъ этихъ фрагментовъ, пожелтѣвшій отъ времени и отъ времени воспринявшій какую-то особую трогательность линий? А среди кипарисовъ и цвѣтущихъ садовъ на скатѣ горы возлѣ Чинили-Кюска—весенняя синева воздуха, розово-палевыя краски Галаты, нагромозжденной на горѣ за голубымъ рейдомъ, черныя и красныя полосы на бортахъ пароходовъ, которые отсюда кажутся игрушечными... Въ мірѣ, въ которомъ я существую, нынче весенній праздникъ, солнечное утро, а здѣсь—тишина и свѣжесть узорчатыхъ тѣней, пѣніе птицъ и незримое присутствіе

дѣвушка за стѣнами мертвыхъ дворцовъ. Тамъ—прохлада полутемныхъ заловѣдныхъ покоевъ, но я только издали заглядываю въ ихъ ворота, въ аллею платановъ за воротами, выходя на горячій солнечный свѣтъ, на зеленый Дворъ Янычаръ. Все жарче, все гуще и ярче становится синее небо,—древній дуллистый Платанъ Янычаръ дремлетъ на припекѣ возлѣ тысячелѣтней св. Ирины, давно обветшавшей и обращенной въ склады стараго оружія... Но когда мы выходимъ мимо Ирины въ другія ворота Серая, къ оврагамъ на обрывѣ мыса, насъ сразу охватываетъ широкая свѣжесть моря —и снѣга: въ ослѣпительномъ блескѣ солнца, въ золотисто-голубой дымкѣ тонетъ зыбкій просторъ Пропонтиды, миражемъ означаются лиловатые силуэты Принцевыхъ Острововъ и заступившихъ горизонтъ высокоихъ Мало-Азійскихъ горъ—и уже совсемъ смутно рисуется въ небѣ что-то мертвенное—подобіе неподвижнаго золотисто-бѣлаго облака.

— Олимпъ!—говоритъ Герасимъ.

Я навожу морской бинокль—и вижу нѣчто похожее на существо иного міра: въ мои глаза глядитъ Мало-Азійскій Олимпъ, весь покрытый снѣгомъ. Я хорошо различаю блестящія пустыни его снѣжныхъ полей, различаю обрывы и тѣснины, полные утреннихъ фіолетовыхъ тѣней,—и мнѣ кажется, что прямо на меня тянетъ оттуда зимнимъ холодомъ.

А когда я оборачиваюсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, я, наконецъ, вижу на фонѣ яркой густой синевы, всю залитую жаркимъ солнцемъ, блѣдно-желтую съ красными полосами громаду Ая-Софіи: громаду неуклюжую, состоящую изъ цимлопическихъ каменныхъ подпорокъ и пристроекъ, надъ которыми, въ каменномъ кольцѣ оконъ, царитъ одно изъ чудесъ земли —древне-приземистый, первобытно-простой, огромный

и единственный на землѣ по легкости полушарь-куполь. И четыре стража этой грубой громады, скрывающей въ нѣдрахъ своихъ сокровища тончайшаго искусства и роскоши, четыре бѣлыхъ минарета исполинскими копьями возносятся по угламъ ея въ синюю глубину другого, еще болѣе необъятнаго и легкаго купола.

— Гдѣ входъ?—говорю я.

Я опять не сразу нашелъ бы его, но Герасимъ уже идетъ въ какой-то узенькій переулочекъ, гдѣ на солнцѣ пахнутъ сухими нечистотами.

Потомъ онъ поворачиваетъ направо и ведетъ меня по отлогому спуску, мощеному камнемъ, къ боковому portalу, завѣшенному тяжелой завѣсой изъ буйволыхъ кожъ. Дико это, первобытно, но великолѣпно,—по-кочевнически! Нравится мнѣ и обычай надѣвать на сапоги огромныя стоптанныя туфли: такъ когда-то у входа въ святилище оставляли пыльные сандалии... Нравится даже старинный восточный торгъ съ муллою за право входа... Въдѣ четырнадцать вѣковъ Софіи!

Сумракъ, холодъ и величавая громадность капища охватываютъ меня въ тройномъ порталѣ. А когда я вступаю въ храмъ, пигмеями кажутся среди его необъятнаго простора и необъятной высоты фигурки молящихся—сидящихъ на огромной площади ухабистаго отъ землетрясенія мраморнаго пола, сплошь покрытаго золотистыми скользкими циновками изъ тростника. Шестьдесятъ оконъ пробили исполинскій куполь, и никогда мнѣ не забыть радостнаго солнечнаго свѣта, который столбами озаряетъ изъ этой опрокинутой чаши всю середину храма!

— Свѣтъ точно растетъ въ Софіи,—вспоминаются слова Прокочія.

И свѣтлая безмятежная тишина, чуждая всему міру, царитъ кругомъ,—тишина, нарушаемая только плескомъ

и свистомъ голубиныхъ крыльевъ въ куполѣ, да пѣвучими, печально-задумчивыми возгласами молящихся, гулко и музыкально замирающими среди высоты и простора,—среди древнихъ стѣнъ, въ которыхъ не мало скрыто пустыхъ амфоръ-голосниковъ. Первобытны эти милые голуби, ихъ известковый пометъ, падающій съ высоты на циповки. Первобытно-просты огромныя желѣзныя люстры, низко висящія надъ циповками на желѣзныхъ цѣпяхъ. Величава и сумрачна окраска исполинскихъ стѣнъ, шершаво полинявшее золото сводовъ. И капищемъ вѣетъ отъ колоннъ, мутно-красноватыхъ, мутно-малахитовыхъ и голубовато-желтыхъ,—отъ этихъ серпентинныхъ, порфирировыхъ, яшмовыхъ колоннъ изъ Аѳинъ и Сизика, изъ храмовъ Діаны въ Ефесѣ и Солнца въ Геліополѣ...

Помню, капищемъ показался мнѣ венеціанскій св. Маркъ. Но какъ юнъ Маркъ передъ Софіей, слабое и малое подражаніе ей! Таинственностью капища исполнены въ ней и призраки мертвыхъ византійскихъ мозаикъ, просвѣчивающихъ сквозь бѣлила, которыми покрыли ихъ турки, сквозь золотыя розеты и золотыя арабскія письмена. Жутки чуть видные лики апокалипсическихъ шестикрылыхъ серафимовъ въ углахъ боковыхъ сводовъ. Строги фигуры святыхъ въ выгибахъ алтарной стѣны. И почти страшень возвышающійся среди нихъ образъ Спасителя, этотъ тысячелѣтній Хозяинъ храма, по преданію, ежегодно проступающій сквозь ежегодную закраску...

Чувствуя и себя пигмеемъ, тихо брожу я среди этой высоты и простора, полного порфира, золота и цвѣтнаго мрамора. Надо мной—свѣтоносный куполъ, горячее солнце золотистымъ потокомъ льется на меня сверху... А надѣво и направо—два яруса хоръ. По отлогимъ каменнымъ всходамъ туда могли вѣзжать

изъ пропилей двѣ колесницы. Двѣ колесницы могли развѣхаться и на тяжкихъ хорахъ, мраморныя плиты которыхъ покосились отъ землетрясеній. И какъ легко держать эту тяжесть два яруса аркадъ и мутныхъ, отшлифованныхъ временемъ колоннъ!

Безцѣнно тонкой работой считается кружевная рѣзба бѣломраморныхъ капителей, ажурной слоповой костью кажется она, четко выдѣляясь на коричнево-красномъ фонѣ. Но совокупность древняго изящества съ древней примитивностью линій еще болѣе заставляеть чувствовать, что ты—въ капищѣ, гдѣ девятьсотъ двадцать лѣтъ совершалось язычески пышное богослуженіе Византіи.

Не знаю пугешественника, не укорившаго турокъ за то, что они оголили храмъ, лишили его изваяній, картинъ, мозаикъ. И особенно грубы и не искренни въ своихъ укорахъ путешественники русскіе.

— Это былъ чертогъ Божій, говорить одинъ, чертогъ изъ самоцвѣтныхъ камней, необъятный, чудесно покрытый сверху словно сводомъ неба, населенный сіяющими, какъ солнце, ликами ангеловъ. Это было воплощеніе религіи восточнаго христіанина, канонъ церковнаго зодчества, идеаль, къ которому стремились создатели храмовъ всего христіанскаго міра.

— Триста шестьдесятъ пять престоловъ Софін, говорить другой, были окованы серебромъ и золотомъ, покрыты драгоценностями; ея безчисленныя двери были вылиты изъ позолоченой бронзы и мѣди; главный алтарь ея былъ украшенъ золотою трапезою, осѣненной золотымъ шатромъ чудной чеканки и обвѣшанной драгоценными вѣнцами императоровъ...

— Я побѣдилъ тебя, Соломонъ!—съ восторгомъ вспоминаетъ третій слова тщеславнаго Юстиніана, этого

варвара, загромоздившаго дивное созданіе водчаго золотомъ и серебромъ.

— Нѣсть таковыя красоты и славы нигдѣ на землѣ!—повторяетъ четвертый слова кievскихъ мужиковъ—пословъ Владиміра.

И всё въ одинъ голосъ клянуть турокъ, осквернившихъ великую и несравненную святыню христіанъ.

Но,—во имя Бога Милостиваго и Милосерднаго, давшаго тростникъ для писанія!—зачѣмъ же приводить тогда слова лѣтописцевъ, изображавшихъ свирѣпое нашествіе на Софію „христовыхъ воиновъ“ четвертаго крестоваго похода,—воиновъ, разбиравшихъ раки угольниковъ и гробницы императоровъ, сдиравшихъ одежды съ труповъ и мантии съ мощей, топтавшихъ въ азартѣ грабежа образа, разливавшихъ изъ потировъ Тѣло и Кровь Христовы, вводившихъ въ алтари лошадей и муловъ, „кои, пугаясь блестящаго пола, падали и оскверняли его каломъ!“ Зачѣмъ вспоминать христіанъ варварски пышной, содомски-развратной и люто-жестокій въ убійствахъ и вѣроломствѣхъ Византіи! Ея императоровъ, подобныхъ идоламъ, увѣшанныхъ золотомъ, парчей и самоцвѣтами,—идоловъ, которые почитали себя, при всей своей мерзости, воплощеніями Христа и требовали, чтобы предъ ними свершали богослуженія! Ея городъ — „скинію Всевышняго“—вмѣщавшій, по словамъ тѣхъ же лѣтописцевъ, сбродъ со всѣхъ концовъ міра и всё пороки человѣческіе!

Благословенны земля и время, скрывающіе въ пѣдрахъ своихъ слѣды человѣческой низости, слѣды свирѣпыхъ и пышныхъ деспотовъ и кровавой славы завоевателей! Быль, говорятъ священныя легенды Востока, нѣкто Карунъ, превзошедшій въ богатствахъ всѣхъ людей міра. И земля поглотила его, живого, со всѣми его богатствами, и покрыла его могилу простыми поле-

выми цвѣтами! И самъ Пророкъ съ восхищеніемъ говорилъ о казни Каруна въ своемъ Коранѣ... Кто знаетъ,—можетъ быть, и Христосъ сказалъ бы также въ минуту гнѣва!

И Христосъ, и Магометъ были исполнены страстной и всепокоряющей вѣры, не нуждавшейся въ золотѣ, парчѣ, брилліантахъ, капеллахъ и органахъ. Первыя суры Корана горѣли такими огненными буквами въ юной душѣ Пророка, что посѣдѣли волосы его. Старый, больной, покорившій всю Аравію, онъ жилъ и умиралъ въ мазанкѣ и со слезами перебиралъ въ сундукѣ бараныя лопатки, на которыхъ, съ его словъ, записывали Коранъ. И въ простотахъ, порою свирѣпыхъ душахъ его поклонниковъ и до нынѣ живетъ несравненная въ своей простотѣ и силѣ вѣра: ибо что, кромѣ Ислама, владѣетъ въ наши дни такимъ страшнымъ и такъ пламенно соединяющимъ въ одну душу миллионы душъ стягомъ, какъ зеленая полуистлѣвшая тряпочка, сохраняемая съ дней Пророка!

Турецкая простота Софіи возвращаетъ меня къ началу Ислама, рожденнаго въ пустынѣ и уже потомъ изукрашеннаго мавританскою роскошью. Я знаю цѣну кружевному мавританскому зодчеству, арабескамъ и письму, узорчатая вязь котораго зачастую не только письмо, а и прозаведеніе великаго мастерства. Но, къ счастью, ничего этого нѣтъ въ Софіи. Есть въ ней, кое-гдѣ на стѣнахъ, только огромные зеленые щиты съ пышными турами калифовъ. Но они не нарушаютъ общей простоты. Пышно и грозно звучатъ и гортанныя восклицанія Шейхъ-уль-Ислама, читающаго съ рѣзного Мхраба Коранъ съ кривой, обнаженной саблей въ рукѣ. Но даже и въ этомъ есть простота пустыни. Всего же проще обычный турецкій ритуаль. Онъ спокоенъ и правдиво-трогателенъ.

Босыми входят сюда молящиеся,—входят когда кому вздумается, ибо всегда и для всех открыты двери мечети. Съ сыновней доверчивостью, съ поднятымъ къ небу лицомъ и съ поднятыми открытыми ладонями обращаютъ они свои молебны къ Богу въ этомъ свѣтоносномъ и тихомъ храмѣ—пріютѣ голубей:

Во имя Бога, Милосерднаго и Милостиваго!
Хвала Ему, властителю вселенной!
Милосердному, Милостивому!
Владыкѣ Дня Суда и Воздаянія!

Но великъ и непостижимъ Владыка—и вотъ, покорно падаютъ руки вдоль тѣла, а голова на грудь. И еще покорнѣе отдаются эти руки въ узы Его, соединяясь послѣ паденія подъ грудью, и быстро и безшумно начинаетъ вслѣдъ за этимъ падать человекъ на колѣни и касаться челомъ праха... И тайныя молебны и славословія падающаго ницъ человека со всехъ концовъ міра несутся всегда къ единому мѣсту— въ святому городу, къ ветхозавѣтному камню въ пустынь Измаила и Агари...

Медленно и сдержанно подвигаемся мы въ огромныхъ боковыхъ проходахъ за колоннами, шмыгая туфлями по скользкимъ циновкамъ. Потомъ шмыгаемъ по еще болѣе скользкому мрамору пропилей, гдѣ девять огромныхъ и тяжелыхъ бронзовыхъ дверей—все въ одинъ рядъ— еще хранятъ рельефы византійскихъ крестовъ. Потомъ поднимаемся по широкимъ отлогимъ всходамъ на хоры, и съ высоты я еще разъ наслаждаюсь головокружительной бездной огромнаго капища и маленькими фигурками сидящихъ глубоко-глубоко подо мною, на полу, въ широкомъ столпѣ свѣта, падающаго изъ купола. А изъ древней амбразуры открытаго окна снова тянетъ на меня тепломъ солнечнаго свѣта и свѣжестью снѣга. Я подхожу—и

ласковый вѣтеръ ударяетъ мнѣ въ лицо, розовая голубка срывается съ подоконника, плавно падая въ просторъ весеняго воздуха... И опять развертывается предо мною зыбкая синева Мраморнаго Моря въ блескѣ солнца, лиловато-пепельные силуэты горныхъ вершинъ и мертвенно-бѣлое облако Олимпа...

6.

На мраморной паперти Софіи, когда мы покидаемъ ее, лежитъ деревенскій нищій, въ лохмотьяхъ овчины, темный, какъ мумія, съ большими оттопыренными ушами и потухшими умоляющими глазами.

— Бакшишъ!—жалобно говоритъ онъ старческимъ отдаленнымъ голосомъ, и правая рука его несмѣло касается сердца, губъ и лба.

Но въ его лѣвой рукѣ деревянная мисочка съ варенымъ рисомъ—и просьба о милостынѣ звучитъ безжизненно: Богъ уже послалъ ему дневное пропитаніе, въ остальномъ онъ не нуждается. Скоро полдень, въ Галатѣ и порту—у франковъ—самый разгаръ торговаго работы; а здѣсь, въ пріютѣ правовѣрныхъ, на чистомъ и широкомъ дворѣ мечети, апрѣльское утро такъ же мирно и беззаботно, какъ и триста лѣтъ назадъ: солнечная тишина и воркованье голубей, кипарисы и синева неба, бѣлые высокіе минареты и нарядная весенняя зелень возлѣ свѣтлаго павильона, за окнами котораго пышно и мрачно черпѣютъ султанскіе саркофаги, покрытые бархатомъ...

Со двора выходимъ на Атмейданъ, славный когда-то по всему міру Ипподромъ Византіи,—ухабистую, безлюдную площадь, въ видѣ продолговатаго прямоугольника. Слѣва Атмейданъ замыкается одной изъ

великолѣпнѣйшихъ султанскихъ мечетей—колоссальной бѣлой мечетью Ахметіа, свѣтлой, просторной, до половины облицованной небесно-голубыми фаянсами внутри и окруженной платанами и шестью исполинскими минаретами снаружи. Но, Боже, чѣмъ замыкается площадь съ другихъ сторонъ! Вѣткія бревенчатыя хибарки подъ черепицей, старозавѣтныя кофейни, тощія, полузасохшія акаціи... Славный Ипподромъ теперь пустъ и пыленъ, и печально стоятъ на немъ въ ямахъ, обнесенныхъ рѣшетками, три памятника, почти доисторической древности: гигантъ-obeliskъ розоваго гранита, когда-то сторожившій входъ въ храмъ Солнца въ Гелиополь, грубая каменная колонна, — термостъ Константина Багрянороднаго, — облицованная имъ нѣкогда мѣдью и ободранная крестоносцами, и бронзовая, позеленѣвшая отъ времени Змѣиная Колонна — три исполинскихъ змѣи, перевившихся и вставшихъ на хвосты: слава Дельфійскаго капища, воспѣтая Геродотомъ.

— Магометъ Второй...—начинаетъ, не выдержавъ молчанія, Герасимъ.

Но я уже давно знаю, что и Змѣиная Колонна не избѣгла рукъ доблестныхъ завоевателей, упорно задающихъ человѣчеству работу Сизифа: Константинъ перетащилъ Колонну на Ипподромъ, Магометъ сбиль налицей головы змѣямъ... совсѣмъ какъ тотъ французскій генераль, который приказалъ выпалить изъ пушки по профилю сфинкса возлѣ Великой пирамиды, или смоленскій губернаторъ, отдавшій мраморный саркофагъ великаго князя Давида на ясли въ пожарную команду!

— Бить-бирь-дирекъ... Тысяча и одна колонна...— опять робко напоминаетъ Герасимъ, когда мы проходимъ надъ мрачными исполинскими подзаемельями ви-

зантийскихъ водохранилищъ, уставленныхъ цѣлыми лѣсами мраморныхъ баобабовъ и вмѣщавшихъ нѣкогда, во время осады, цѣлыя озера.

Но меня уже тяготитъ пребываніе среди гробницъ Византіи, среди тысячелѣтнихъ останковъ ея Акрополя,—можетъ-быть, самаго кроваваго мѣста на всей землѣ...

Немного пыльна малолюдная Большая улица Стамбула, по которой мы возвращаемся въ Галату, но видъ у нея милый, южный и такой простой послѣ развалинъ Августеона и Ипподрома: много солнца, акаціи, турецкихъ тавернъ, гдѣ всегда такъ весело отъ чистоты мраморныхъ столиковъ, цвѣтовъ на нихъ и привѣтливости хозяина въ бѣломъ фардукѣ и фескѣ... Веселье даже надгробный павильонъ султана Махмута—большой кіоскъ подъ вѣковыми деревьями, за высокой рѣшеткой, отдѣляющей его отъ тротуара.

— Султану вездѣ хорошо!—улыбается и вздыхаетъ Герасимъ.

И правда: въ павильонѣ широкія красивыя окна, надъ саркофагами, стоящими въ немъ, виситъ огромная хрустальная люстра чудесной работы; на саркофагахъ—черно-лиловый бархатъ, шитый серебромъ и повитый въ возглавіяхъ дамасскими шальями... При взглядѣ на эти саркофаги мнѣ всегда вспоминаются Аписы; но мрачная пышность этихъ Аписовъ смягчается юными колѣнопреклоненными софтами, читающими поочередно передъ саркофагами Коранъ, золотыми пятнами солнца, горящими на полу, тиканьемъ часовъ на стѣнахъ... И за завтракомъ въ тавернѣ мы съ Герасимомъ долго толкуемъ о томъ, какъ хорошо быть мертвымъ султаномъ.

Густая толпа въ перепутанныхъ вонючихъ переулочкахъ, въ которые мы вступаемъ послѣ этого, кажется

еще пестрѣе и крикливѣй отъ зноя и духоты. Хорошо еще, что на пути два оазиса—Голубиная Мечеть Баязета и крытые ряды Чарши, Большого Базара!

Дворъ мечети плѣнительнѣе своей восточной патриархальностью. Ограждаетъ его сквозная мавританская аркада, посреди ея—фонтанъ, платаны, отдыхающіе странники, нищѣ, дѣти, тысячи голубей, а кругомъ—цѣлый базаръ четокъ, которыми, сидя на коврахъ, торгуютъ старья-престарья обезьяны въ тюбанахъ. Прохожіе покупаютъ, исполняя обычай, у одной изъ нихъ чашку пшена, кидаютъ пшено въ воздухъ—и тогда весь дворъ превращается на минуту въ живой, свистящій, дрожащій несмѣтными крыльями, дѣти начинаютъ прыгать и на всѣ лады вопить:

— Бакшишъ! Бакшишъ!

Въ полутемномъ крытомъ лабиринтѣ Чарши, самаго большого базара въ мірѣ, тоже вопять—по-турецки, по-армянски, по-гречески, по-французски—и хватаютъ за руки, завлекая въ лавки, но отрадная прохлада споконь вѣку царитъ въ этихъ сводчатыхъ коридорахъ, старыхъ, сырыхъ, прямо пахучихъ и вмѣстившихъ въ себя все, что есть на всѣхъ базарахъ Востока и въ пассажахъ Европы.

Но пальма первенства все же остается за Галатой: шумящій и пестрѣе Галаты нѣтъ ничего на свѣтѣ!

Улица, ведущая въ гору, къ Церѣ, полита, но политая и уже согрѣвшаяся пыль не уменьшаетъ духоты. Яркіе бѣлыя маркизы надъ окнами магазиновъ, яркіе красные лоскуты—вывѣски съ полумѣсяцемъ и арабскими письменами, еще ярче разноцвѣтная толпа, переполненная военными мундирами, усѣянная макомъ фесокъ и плывущая по каменнымъ скользкимъ уступамъ... И ослѣпительно ярка синяя лента неба надъ толпой и корридоромъ домовъ... Во имя Бога Милости-

ваго, хоть бы здѣсь-то, по улицѣ, ведущей въ европейскую Перу, не пускали верблюдовъ! Но, нѣтъ, арабъ полицейскій, въ короткомъ синемъ мундирѣ и въ фескѣ, совершенно равнодушно смотритъ на эту горбатую важную грудку, шагающую среди толпы за босоногимъ проводникомъ...

Зато какъ прохладно въ исполинскомъ жерлѣ Башни Христа!

Сладокъ, среди вони и плѣсени базарныхъ улицъ, среди чада простонародныхъ тавернъ и пекаренъ, свѣжій запахъ овощей и лимоновъ, но еще слаще послѣ галатской духоты чистый морской воздухъ. Медленно поднимаемся мы по темнымъ лѣстницамъ возлѣ стѣнъ башни, достигаемъ ея круглой вышки, гораздо болѣе узкой, чѣмъ сама башня,—и, наконецъ, снова выходимъ на веселый солнечный день,—на каменный покатый балконъ, кольцомъ охватывающій вышку и огражденный желѣзными перилами. Легкое головокруженіе туманитъ меня при взглядѣ въ бездну подо мною, но я дѣлаю усилие—и оглядываюсь. И тогда предо мною, въ ясномъ морскомъ воздухѣ раскрывается цѣлая страна,—страна занятая городами, морями и голубовато-туманными, таинственными хребтами Мало-Азійскихъ горъ,—страна, на которую пала тѣнь птицы Хумай!

Кто знаетъ, что такое птица Хумай? О ней говорить Саади въ своемъ „Диванѣ“:

— Нѣтъ жаждущихъ пріюта подъ тѣнью совы, хотя бы птица Хумай и не существовала на свѣтѣ!

И комментаторы Саади поясняютъ, что это—легендарная птица и что тѣнь ея приноситъ всему, на что она падаетъ, царственность и безсмертіе.

И, если такъ, гдѣ, какъ не здѣсь, пала она?

Прямо подо мною и налѣво—уступами бѣгутъ внизъ

по горѣ несмѣтныя плоскія кровли, соты галатскихъ домовъ и сады—вплоть до бѣлаго султанскаго дворца, далекаго Ильдизъ-Кюска. Ниже дворца—голубая лента Босфора, теряющаяся за холмами въ сплошныхъ паркахъ, рощахъ, виллахъ и селеніяхъ. Напротивъ, за огромнымъ зеркальнымъ рейдомъ,—красноватая розсыпь черепичныхъ крышъ на холмахъ Скутари, тонущихъ въ зелени, черный кипарисный боръ его Великаго Кладбища и пустынные горы, уходящія и повышающіяся къ горизонту. Направо—Золотой Рогъ, весь усыянный мачтами; за нимъ, по холмамъ—неоглядная пестрота стамбульскихъ кварталовъ, копыя минаретовъ и полусферы—купола султанскихъ мечетей; за мечетями—опять холмы и предмѣстья; за предмѣстьями—развалины циклопической, девятиверстной, тройной стѣны Теодосія; за развалинами—Поля Мертвыхъ, погостъ величайшій въ мірѣ. А между Скутари и Стамбуломъ—Оранійскій Босфоръ и морская даль на двѣсти миль: великій миражъ солнечнаго блеска и зыбкой воздушной синевы Пропонтиды, лиловатые конусы призрачныхъ Принцевыхъ Острововъ и едва зримыя Мало-Азіійскія вершины... Тамъ, уже третій разъ сегодня, вижу облако Олимпа... А подо мной—Пѣснь Пѣсней.

Пѣснью Пѣсней, чудомъ чудесъ, столицей земли называли городъ Константина греческіе лѣтописцы. Молва всего міра упорно объясняла его происхожденіе божественнымъ вмѣшательствомъ. Одна древняя легенда говоритъ, что на мѣстѣ Византіи орелъ Зевса уронилъ сердце жертвеннаго быка. Другая—что основателю ея было повелѣно основать городъ свыше—знаменіемъ креста, явившемся въ облакахъ надъ скутарійскими холмами, при сліяніи водныхъ путей и путей караванныхъ...

Восточный поэтъ сказалъ бы, что здѣсь пала тѣнь птицы Хумаи.

Много разъ меркла эта тѣнь. Но за обладаніе мѣстомъ, гдѣ пала она, проливались въ теченіи почти гридцати вѣковъ рѣки крови. И раздоры, и пророчества о будущемъ этого мѣста, наиболѣе благословеннаго природой для человѣческаго благоденствія и общезжитія, не смолкаютъ еще и до сихъ поръ.

Я думаю о немъ только, какъ о великомъ космополитическомъ царствѣ будущаго.

Царства древнія, созидавшіяся на костяхъ и рабствѣ, земля уже много разъ пожирала со всѣми ихъ богатствами, какъ легендарнаго Каруна. Великую, свободную семью, которая въ будущемъ займетъ мѣсто свирѣпаго византійскаго и султанскаго деспотизма, земля пощадитъ.

Поля Мертвыхъ—такъ хотѣлъ я назвать свою путевую поэмю. Развѣ не Поля Мертвыхъ—Баальбекъ и Пальмира, Вавилонъ и Ассирія, Іудея и Египетъ? Развѣ не сплошное Поле Мертвыхъ и Константинополь? Его погосты—величайшіе въ мірѣ—такъ и называются: Поля Мертвыхъ. И сколько ихъ, этихъ погостовъ!

Сто тысячъ древнихъ кипарисовъ съ голыми стволами черпѣютъ на Великомъ Кладбищѣ въ Скутари и болѣе милліона памятниковъ, подобно костямъ, бѣлѣтъ подъ ними. Въ Галатѣ, въ Перѣ стоятъ цѣлыя полчища этихъ мрачныхъ гробовыхъ деревьевъ. Въ священномъ Эюбѣ, гдѣ почиваетъ Эюбъ, знаменосецъ пророка, убитый въ VII в., при первой осадѣ Византіи, на весь Востокъ славится погостъ возлѣ мечети Эюба. Стамбуль окруженъ Полями Мертвыхъ. Но мало того: нѣтъ ни одной, самой людной улицы, гдѣ бы не было развалинъ стѣны, кипариса и могильнаго мраморнаго столбика. И нѣтъ ни одной султанской мечети, при которой не стоялъ бы павильонъ, а въ немъ—черный кафалкъ, похожій на Аписа.

Но Востокъ—царство солнца. Востоку принадлежить будущее.

Недаромъ всё славныя капища Востока, начиная съ Баальбека—съ древнѣйшаго, воздвигнутаго братоубицей, Каиномъ—были посвящены Солнцу!

И въ честь солнца, даже и до нынѣ, въ двухъ шагахъ отъ меня, возлѣ Галатской башни, совершаются мучительно-сладостныя мистеріи Кружащихся Дервишей.

Ихъ монастырь совершенно затерялся теперь среди высокихъ европейскихъ домовъ на верху Галаты, возлѣ Перы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одинъ изъ такихъ же жаркихъ весеннихъ дней, Герасимъ привелъ меня къ его старой каменной оградѣ, и мы вошли, вмѣстѣ съ другими франками, въ небольшой каменный дворъ.

Помню фонтанъ и старое зеленое дерево посреди его, направо—гробницы шейховъ-настоятелей, налѣво—келья въ ветхомъ деревянномъ домѣ подъ черепицей, а противъ входа—деревянную мечеть.

Мы отдали нѣсколько мелкихъ монетъ, и насъ впустили въ восьмигранный высокій залъ, обведенный съ трехъ сторонъ хорами и украшенный только люстрой да сурами Корана.

На хорахъ, надъ входомъ, помѣстились музыканты съ длинными флейтами и барабанами, по бокамъ—зрители.

Когда наступила тишина, вошелъ шейхъ-настоятель, а за нимъ десятка два дервишей—всѣ босые, въ коричневыхъ мантияхъ, въ войлочныхъ черепеникахъ, съ опущенными рѣсницами, съ руками, смиренно сложенными на груди.

Шейхъ сѣлъ у стѣны противъ входа, раздѣлившіяся дервиши—по сторонамъ, другъ противъ друга.

Шейхъ, медленно повышая жалобный, строгій и печальный голосъ, началъ молитву, флейты внезапно подхватили ее на верхней страстной нотѣ—и въ тотъ же мигъ, столь же внезапно и страстно, дервиши ударили ладонями въ полъ съ крикомъ во славу Бога, откинулись назадъ—и снова ударили.

И вдругъ всё замерло, встали—и, сложивъ на груди руки, двинулись гуськомъ за шейхомъ вокругъ зала, обертываясь и низко кланаясь другъ другу возлѣ его мѣста.

А, кончивъ поклоны, быстро скинули мантию, остались въ однѣхъ бѣлыхъ юбкахъ и бѣлыхъ кофтахъ съ длинными широкими рукавами—и закружились въ танцѣ: взвизгнула флейта, ухнулъ барабанъ—и дервиши стали подбѣгать съ поклономъ къ шейху, какъ мячъ, отпрядивать отъ него и, раскинувъ руки, волчкомъ пускаться по залу.

И скоро весь залъ наполнился бѣлыми вихрями съ раскинутыми руками и раздувшимися въ колоколь юбками.

И, по мѣрѣ того, какъ все выше и выше поднимались голоса флейтъ, жалобная печаль которыхъ уже перешла въ упоеніе этой печалью, все быстрѣе неслись по залу бѣлые кресты-вихри, все блѣднѣе становились лица, склонявшіяся на бокъ, все туже надувались юбки и все крѣпче топалъ ногою шейхъ.

— Крѣпче! Крѣпче!—внутренно восклицалъ и я, уже опьяненный музыкой и кружащимися, среди которыхъ все ярче и ярче мелькали черныя полоски смыкающихся рѣсницъ на помертвѣвшихъ отъ счастья лицахъ.

И голова мутилась—приближалось сладострастное „исчезновеніе въ Богъ и вѣчность“...

Теперь, на башнѣ Христа, я переживаю нѣчто подобное тому, что пережилъ въ теккѣ дервишей. Теплый,

сильный вѣтеръ гудитъ за мною на вышкѣ, пространство точно плыветъ подо мною, туманно-голубая даль Востока тянется въ безконечность... Этотъ вихрь вокругъ шейха зародился тамъ,—у истоковъ человечества, въ мистеріяхъ индусовъ, въ таинствахъ огнепоклонниковъ, въ „расплавкѣ“ и „опьяненіи“ суфійства съ его мистическимъ языкомъ, въ которомъ подъ виномъ и любовью разумѣлось упоеніе Божествомъ, и съ его „Рубищемъ“—символомъ отрѣшенія отъ видимаго міра. Отъ древнѣйшихъ хороводовъ, знаменовавшихъ сперва вихрь планетъ вокругъ солнца, а потомъ вихрь міровъ вокругъ Творца, идутъ и вихри дервишей. Отъ экстаза „отрѣшенія“ суфи идетъ экстазъ, которому предаются Ревуіе и Кружащіяся дервиши и до нынѣ.

Въ Константинополь большинство изъ нихъ—плуты и актеры, холодно доводящіе себя до головокруженія... какъ современные поэты.

Но когда-то были иные дервиши.

Они по праву носили имена поэтовъ, святыхъ, созерцателей. И были они внѣ узаконенныхъ религій, внѣ государствъ, внѣ обществъ.

И мнѣ хочется сказать:

Братья-дервиши, я не ищу отрѣшенія отъ видимаго міра. Можетъ-быть, искажая ваше слово, я говорю, что ищу „опьяненія“ въ созерцаніи земли, въ любви къ ней и въ свободѣ, къ которой призываю и васъ предъ лицомъ этого безсмертнаго, великаго, въ будущемъ—общечеловѣческаго города. Будемъ служить людямъ земли и Богу вселенной,—Богу, котораго я называю Красотою, Разумомъ, Любовью, Жизнью и который проникаетъ все сущее!

И пребудемъ въ любви къ жизни и въ веселіи.

И закончимъ словами Саади, употребившаго жизнь свою на то, что бы обожать красоту міра:

— Ты, который нѣкогда пройдеши по могилѣ поэта, вспомни поэта добрымъ словомъ!

— Онъ отдалъ сердце землѣ, хотя и кружился по свѣту, какъ вѣтеръ,—какъ вѣтеръ, который, послѣ смерти поэта, разнесъ по вселенной благоуханіе цвѣтника его сердца.

— Ибо онъ входилъ на башни Маана, Созерцанія, и слышалъ Симъа, Музыку Міра, влекущую въ халеть—вселіе.

— Цѣлый міръ полонъ этимъ веселіемъ, танцемъ—ужели одни мы не чувствуемъ его вина?

— Хмѣльной верблюду легче нести свой вьюкъ. Онъ, при звукахъ арабской пѣсни, приходитъ въ восторгъ. Какъ же назвать человѣка, не чувствующаго этого восторга?

— Онъ осель, сухое полѣно.

1907 г.

ЗОДІАКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ.

1.

Когда подняли якорь, въ толпу на спардэкѣ вошли молодые, французы. И, заглядѣвшись на нихъ и на палевые вѣнскіе чемоданы, плады и фотографическіе аппараты, которые таскалъ въ ихъ каюту лакей, никто не замѣтилъ, какъ поплыли кровли, купола и мечети Стамбула.

Быль десятый часъ. Съ кормы, вмѣстѣ съ весенней свѣжестью, доносился запахъ сѣна. По глянцевиной мраморно-голубой водѣ черными кругами, показывая перо, шли дельфины. Утренніе пары таяли въ теплѣ и свѣтѣ, но матовая даль еще терялась въ туманѣ.

За мысомъ дорогу перерѣзалъ шумный колесный пакеботъ, переполненный фесками, и, мелькнувъ, обдалъ теплымъ дымомъ. Старыя гранитныя стѣны дворца Константина и цвѣтущіе сады Сералия дремали, пригрѣтые золотистымъ солнцемъ. Въ оврагахъ алѣбо искривленное іудино дерево. Влѣдно-розовые минареты Софій уносились въ лазурное небо... И всѣ смотрѣли на профиль молодой, закрывшей глаза биноклемъ, на ея мужскую шляпу и на легкую вуаль болотнаго цвѣта, обвитую вокругъ тульи и трогательно, по старинному завязанную въ бантъ у подбородка.

На кораблѣ, выходящемъ въ море, сперва всегда

тихо. Такъ было и теперь. Навиваясь, протянулись, вслѣдъ за Сералемъ, циклопическія стѣны Θεοδοσία, бѣлыя предмѣстья на холмахъ надъ ними, полчища кипарисовъ въ Поляхъ Мертвыхъ... Стѣны кончились руиною Семибашеннаго Замка... И сиренево-сѣрый, фантастическій очеркъ Стамбула сталъ уменьшаться и таять. Пошли, какъ изъ пемзы, обрывы плоскаго правобережья, покрытаго весенней зеленью. Держась возлѣ нихъ все къ югу, мы на много верстъ выгибали среди голубого опала слѣдъ отъ винта—точно полосу глетчера. А налѣво, до нѣжно-туманной сини Принцевыхъ Острововъ, и впереди, до еще болѣе туманныхъ горъ Азіи, все шире разбѣгались сіяющіе среди утренняго пара заливы. Надъ ихъ необозримой гладью кое-гдѣ висѣли дымки невидныхъ пароходовъ...

—Санъ-Стефано!—сказалъ кто-то.

И завязалась разноязычная болтовня о русской церкви, видѣвшейся въ степи правобережья за садами и черепичными кровлями. И всѣ бинокли устремились на ея зеленый куполь.

Нижнія палубы, заваленныя грузомъ въ Пирей и Александрію, наполняли фески и верблюжьи куртки, ласково-застѣнчивыя улыбки и блестящіе зубы, каріе глаза и сдержанный гортанный говоръ. Бѣлыми коконами сидѣли на коврахъ закутанныя въ фередже женщины. Мечтательно играли четками хаджи въ чалмахъ и халатахъ. Пѣли, пили мастику, страстно спорили и бились въ кости греки, похожіе на плохенькихъ итальянцевъ. Толстый сѣдобородый еврей въ люстриновомъ пальто, въ черной непряматой шляпѣ на затылокъ, съ пейсами и покорно поднятыми бровями, ѣлъ, уединенно сидя на крышкѣ трюма, маслины съ бѣлыми хлѣбомъ и обсасывалъ пальцы. Въ проходахъ несло кухоннымъ чадомъ, тепломъ изъ стальной утробы мѣрно-работа-

ющей машины, бѣгали бѣлые повара съ помоями и матросы со швабрами. Поминутно хлопала желѣзная дверь, за которой ѣдко пахло амміакомъ... Наверху было чисто, просторно и солнечно.

Надо было надвигать на глаза фуражку, глядя на ослабительный блескъ подъ лѣвымъ бортомъ. За этимъ блескомъ разстилались и какъ будто наклонно скользили въ даль, къ чуть видной Азіи, зеркала Кіанскаго залива. Въ милѣ, въ полумилѣ отъ насъ проходили итальянскіе и греческіе грузовики съ низкими бортами и голыми мачтами. Медленно, стройно и плавно тянулись въ Стамбуль, раскинувшись по всему морю, парусныя барки. Одна бригантина, ведя за собой, какъ лебедь лебеденка, маленькую лодочку, прошла такъ близко, что вся закачалась и закланялась, попавъ въ волну отъ парохода, и ярко озарила насъ свѣжнымъ шелкомъ парусовъ. Подъ ихъ серебристою тѣнью бѣжалъ загорѣлый человекъ въ полосатой фуфайкѣ и фескѣ. А зеленый хрусталь подъ бригантинной былъ такъ прозраченъ, что видно было все дно ея.

Ютъ покрывали тюки прессованнаго сѣна. Матросы натягивали надъ ними тентъ. Близились веселыи полдень, и въ корридорахъ между сѣномъ стоялъ жаркій, сладковатый запахъ степи. Я взглянулъ направо: тамъ, въ голубой ртути воды и неба, миражемъ висѣла и, суживаясь, терялась изъ глазъ безконечно-длинная полоска земли. Потомъ сѣлъ на припекъ между сѣномъ и лѣвымъ бортомъ и сталъ смотрѣть изъ-подъ козырька на едва рисовавшіяся впереди, въ знойной дымкѣ, горы,—голубые „горбы верблюдовъ, идущихъ въ Мекку“. Было похоже на хребты Крыма, если смотрѣть на нихъ въ лѣтнее утро издали... И все время легкая гряда свѣтлаго тумана отдѣляла ихъ подошвы отъ заливовъ.

За завтракомъ въ каютъ-компании открыли всѣ иллюминаторы. По бѣлому низкому потолку переливались зеркальныя змѣи, отраженныя изъ-подъ лѣваго борта водою и солнцемъ. Съ цвѣтами въ петличкахъ, не снимая каскетокъ, входили и садились за столъ франты греки и рослые нѣмцы. Французъ вошелъ одинъ, слегка подаваясь впередъ и стуча каблукъ, въ сѣромъ модномъ пиджакѣ, и осторожно снялъ съ красной маленькой головы съ прямымъ проборомъ легкую панаму.

— Да, это правда,—сказалъ мнѣ сосѣдь, морякъ съ пагло-открытымъ лицомъ,—на Крымъ похоже. Похоже и на Архипелагъ. Только тамъ этихъ Крымовъ видимо-невидимо...

Открылись, теряясь въ солнечной дали, новые огромные заливы. Но часа въ два слѣва опять заголубѣли Крымы—каменистыя побережья древней Фригійи. Ближе прошла дикая горбина острова Марморя, и было весело смотрѣть на его блиставшіе надъ водою обрывы, на сѣроватую зелень, покрывавшую его ребра и скалы, на бѣлыя точки какого-то селенья, разсыпаннаго, въ одной изъ его впадинъ. Необъяснимое очарованіе таится въ ломаныхъ линіяхъ этихъ горъ и острововъ,—линіяхъ, столь мягкихъ и четкихъ въ чистомъ воздухѣ!

Очень близко прошелъ передъ вечеромъ и Галлиполи, захолустный турецкій городокъ, желтѣвшій на обрывахъ праваго берега, противъ Исмидскихъ заливовъ. Пустынные горы, изрѣзанныя моремъ, уходили къ востоку, пустынная степь разстилалась за маякомъ Галлиполи...

Но уже приближались врата Турціи — Геллеспонтъ. Опять сходились, смыкались голые холмы и горы, увѣнчанные редутами и крѣпостями... Скрылось солнце—и быстро стемнѣло.

И въ темнотѣ, усѣянной зоркими огнями, осторожно, осторожно пропущила насъ тѣнина Дарданелль.

2.

Троя, Скамандръ и холмы Ахиллеса на пустынной равнинѣ близъ Иды—сколько прелести и меланхолии въ этихъ звукахъ! И равнина Скамандра серебрилась въ эту ночь легкимъ туманомъ и печальнымъ луннымъ свѣтомъ. Я видѣлъ ее смутно... Но это была уже Греція.

Шерстяная вишневая занавѣска была на открытомъ иллюминаторѣ въ моей каютѣ, а каюта помѣщалась на лѣвомъ борту, и, проспавшись на другой день, я замѣялся отъ радости: противъ солнца занавѣска стала прозрачно рубиновой, сладкій вѣтеръ ходилъ по каютѣ, море было по-прежнему спокойно. И, быстро одѣвшись, я выбѣжалъ на недавно вымытую, еще темную палубу.

Былъ опять тонкій паръ, полный блеска, былъ легкий, слегка влажный воздухъ и свѣжій запахъ сѣна. Но море было уже не то. Это было густое сине-лиловое масло. И впереди и влѣво по его равнинѣ таяли въ свѣтлой дымкѣ фіолетовыя силуэты Аю-Даговъ. А направо тянулись зелено-сиреневыя горы,—совсѣмъ какъ мысы и обрывы возлѣ Балаклавы.

— Что это?—спросилъ я моряка, шедшаго съ вахты пить кофе.

— Эвбея,—отвѣтилъ онъ.—Греція.

— А это?

— Маленькій островокъ-то? Магдалія.

И все утро выгибалась мимо насъ Эвбея, то сѣро-зеленая, то сиренево-сизая, вся въ складкахъ, какъ кожа

бегемота. А въ десять, когда солнце жгло плечи и я съ изумленіемъ глядѣлъ на горящее масло, лизавшее пароходъ и порою всплескивавшее языками бирюзоваго пламени,—открылся, наконецъ, амфитеатръ голыхъ и пустынныхъ горъ Гимета.

По мертвенно-бѣлымъ копіямъ волоокихъ статуй, по тысячелѣтнимъ толкамъ о вакханкахъ и дриадахъ, о богахъ и празднествахъ съ цвѣтами и хорами,—какъ будто въ древней Греціи только и дѣлали, что праздновали!—тысячи тысячъ людей рисуютъ себѣ какой-то пошлый эллизіумъ вмѣсто этой каменистой страны, очаровательной именно своей знойностью, дикостью и древней скудостью. Неужели это очарованіе погубить Акрополь? Всѣ бинокли искали его, всѣ греки съ юта съ азартомъ тыкали пальцами въ даль—въ туманно-фіолетовую котловину хребтовъ, открывшихся за мысомъ... И вотъ, на разстояніи почти двадцати миль отъ насъ, нашель, наконецъ, и я нѣчто смутно-желтѣвшее на каменистомъ холмѣ, одиноко стоящемъ за моремъ крышъ въ долину,—нѣчто въ родѣ небольшой, очень древней, дикой крѣпости...

— Акрополисъ!—упавшимъ голосомъ сказалъ возлѣ меня какой-то человекъ въ черной шляпѣ, похожій на каранма.

И, взглянувъ на голый холмъ пелазговъ, я впервые въ жизни всѣмъ существомъ своимъ ощутилъ древность. Средневѣковые замки и соборы, Notre Dame св. Маркъ и Софія—тоже гробницы былой вѣры и жизни, тоже старина, но старина изъ нашего міра. А эти руины—я живо почувствовалъ это—изъ какого-то другого, отъ тѣхъ временъ, когда и человѣчество было иное...

Въ гавани, гдѣ въ жаркій полдень мы бросили якорь, насъ окружили гилы, комиссіонеры отелей, ло-

дочники, похожіе на лодочниковъ Неаполя и Венеціи. Въ тѣнистыхъ улицахъ возлѣ порта кипѣла обычная портовая жизнь Одессы, Генуи, Марселя. А путь, соединяющей Авины съ Пиреемъ, вокзалы и огромные цвѣтистые плакаты съ видами Ривьеры и Оберланда уже и совсѣмъ переносятъ въ Европу. Европейцемъ хочется казаться и провожающій меня въ Акрополь худенькій, загорѣлый старичокъ въ кэпи, въ ветхомъ узкомъ сюртучкѣ, въ широкихъ и короткихъ панталонахъ: сдержанъ, изысканно вѣжливъ, говорить чуть не на всѣхъ языкахъ.

— Позволяю себя обращать вниманіе мосе на окрестность, — говоритъ онъ, сидя рядомъ со мной въ вагонѣ, наполненномъ обычной южно-европейской публикой.—Станція Фалеро, историческое имя, лучшія атепскія виллы...

Сидитъ прямо, бодрится, но, видимо, измученъ бѣготней, нуждой, куреньемъ. Стриженная головка подъ кэпи вся серебряная.

А вагоны летятъ въ сухомъ зноѣ и блескѣ, среди замыленныхъ садовъ, возлѣ дачныхъ стѣнъ, ярко-бѣлыхъ на яркой лазури. Вокругъ—зеленая долина съ разбросанными по ней кактусами и невысокими вѣрными пальмами, вся усѣянная алымъ цвѣтомъ мака. Впереди таютъ въ полуденной и епельной дымкѣ горы направо, за долиной, горячей сѣрой вьихиваетъ полоса залива... Потомъ вагонъ опять озаряется отсвѣтомъ домовъ съ крышами то плоскими, то черепичными: просятся саженные плакаты, разноцвѣтные доскуты бѣлья на веревкахъ, черпозащія дѣтишки, стояція на оградахъ оливковыхъ садиковъ, мышастый кудый осликъ возлѣ яслей въ каменномъ дворѣ...

По ослѣпительно-бѣлымъ узкимъ улицамъ ѣдемъ мы и дальше, выйдя изъ вагона. Высоко и прямо си-

дить на козлахъ кучеръ въ соломенной шляпѣ, хлопая бичомъ надъ парой рѣзвыхъ клячъ въ дышлѣ. Яркая лента неба льется вдоль корридора улицъ съ бѣлой мостовой и запыленными кипарисами, вытянувшимися между домами. Даже и въ тѣни чувствуешь и видишь, какъ много всюду свѣта и звоя, какъ прозраченъ сухой воздухъ. Спущены зеленыя жалюзи на окнахъ, спущены маркизы надъ зеркальными витринами, полными цвѣтистыхъ открытокъ... Быстро выѣзжаемъ, миновавъ площадь, королевскій дворецъ и предмѣстье, на пыльно-мѣловое шоссе, — и холмъ пелазговъ съ колоссально-стройными руинами храмовъ сразу поражаетъ меня своей золотистой желтизной и наготой. Громадная подкова горъ, громадная долина, а среди долины одиноко высится желто-каменный конусъ, водино слитый двадцатипяти-вѣковой древностью съ голымъ остовомъ Акрополя, — останками стѣнъ, колоннадъ и порталовъ. Зной и вѣтеръ давно-давно обожгли кости этой чуждой и уже непонятной намъ жизни. Медленно тянуть лошади по мѣлу, хруститъ щебень шоссе, кольцомъ охватившаго холмъ и поднимающагося все въ гору, — со всѣхъ сторонъ оглядываю я загорѣлый камень стѣнъ и желобчатыхъ колоннъ... Наконецъ, коляска останавливается на самомъ припекѣ — какъ разъ противъ входа въ гранитной стѣнѣ, за которымъ широкая лѣстница изъ лоснящагося мрамора поднимается къ Пропилеямъ и Парѣнону... И на мгновенье я теряюсь... Боже, какъ все это просто, старо и прекрасно!

Налѣво, въ сквозной тѣни маслинъ, стоитъ парная коляска. Высокій, очень прямой человекъ съ биноклемъ черезъ плечо, въ сѣромъ костюмѣ и тропическомъ шлемѣ, и высокая худая женщина тоже въ сѣромъ шлемѣ, въ фильдекосовыхъ перчаткахъ, съ длин-

ной тонкой палочкой въ одной рукѣ и съ книжкой въ другой, направляются ко входу. Но даже и эти спокойнѣйшіе люди изумленно смотрятъ круглыми глазами на то, что блещетъ передъ нами золотыми руинами въ жаркомъ синемъ небѣ, на то, что такъ божественно легко и стройно громоздятся на гранитныхъ укрѣпленіяхъ, вросшихъ въ темя этого алтаря Солнца, заваленнаго глыбами камня. Они входятъ, поднимаются по лѣстницѣ, дѣлаются маленькими среди колоннъ, уцѣлѣвшихъ отъ Пропилей, — и скрываются. За Пропилеями высится громада многоколоннаго храма Аѣины.

Я оставляю проводника въ коляскѣ — и тоже вхожу... Но я уже все видѣлъ!

Я иду, но души древности, создавшей это, я консулся еще съ пархода. А совершенство Акрополя раскрываетъ одинъ взглядъ на него. И моя душа уже такъ полна и такъ счастлива этой полнотой, что я разсѣянъ.

Вотъ я поднялся по скользкимъ плитамъ къ Пропилеямъ и Храму Побѣды... Я теряюсь въ безпредѣльномъ простраствѣ Эгейскаго моря и вижу отсюда и малепькій портъ въ Пиреѣ, и безконечно далекіе силуэты какихъ-то голубыхъ острововъ, и Саламинъ, и Эгину; правѣе, въ громадной долині — пестрое озеро черепичныхъ крышъ, стѣнъ, садовъ и среди нихъ — конусъ-холмъ Мусейонъ. А когда я оборачиваюсь, меня озаряетъ лиловатый пламень неба, налитаго между руинами храмовъ, между золотисто-обожженнымъ мраморомъ колоннадъ и капителей, между желобчатыми столпами такой красоты, мощи и стройности, предъ которыми слово безсильно. Я вступаю въ громаду раскрытаго Парѣнона — и меня волнуютъ, какъ тѣло Венеры, скользкія мраморныя плиты этого перваго на моемъ пути алтаря Солнца, зеленая тонкая трава и легкіи

алый макъ въ ихъ разсѣлинахъ... Что иное, кромѣ неба и солнца, могло создать все это? Какой воздухъ, кромѣ воздуха Архипелага, могъ сохранить въ такой чистотѣ этотъ мраморъ? Глыбамъ гранита и мрамора, кряжамъ каменистыхъ горъ, накаленныхъ зноемъ, поклонялись древнѣйшія греческія племена. Яркая лазурь, на которой порой воздвигался величавый снѣжно-облачный Зевсъ, озаряла эти горы—и вотъ небо сочталось съ землею и породило Аполлона, Афродиту, Акрополь. Амфіонъ, древнѣйшій изъ поэтовъ, извлекалъ изъ лиры столь сладкіе звуки, что вѣчный мраморъ, въ которомъ заключена высшая чистота земли, самъ сталъ складываться въ колоннады, стѣны и ступени. А Гомеръ изваялъ образы боговъ-людей: въды Эллада только устами поэтовъ и философовъ созидала пантеоны и культы. И уста поэтовъ высшей религіей признали красоту, высшимъ загробнымъ блаженствомъ—Эллизіумъ, „отъ вѣка не знавшій тьмы и холода“, высшей загробной мукой—лишеніе свѣта. Но отчего же сердце и душу мою тянетъ все-таки въ даль — за это сіяющее море?

Богъ — жизнь, свѣтъ и красота,—сказалъ народъ, населившій землю въ этомъ прелестнѣйшемъ изъ морей и воспринявшій мнѣя, рожденные солнцемъ, моремъ и камнемъ. Богъ—это мое тѣло,—сказалъ онъ, возмужавъ и забывъ, что земля его, какъ и всюду, щедро насыщается кровью и что смерть, какъ и всюду, разрушаетъ и на его землѣ плотскую радость. „Я завоевалъ высшую мудрость“,—сказалъ онъ,—и отлилъ свои завоеванья въ мраморъ—воздвигъ „Алтарь Возврата“, какъ Александръ на границахъ Индіи. И, чтобы не слышать о новыхъ завоеваніяхъ, умертвилъ Сократа. Но духъ искалъ и жаждалъ. Александръ, снѣдаемый этой жаждой, раздвинулъ предѣлы земли, смѣшалъ

народы и, возвратясь, сказалъ: „Миръ—безконеченъ, и Богъ тысячекликъ. Я поклонялся всѣмъ ликамъ; но истинный—невѣдомъ. Іудея говоритъ, что ликъ Его—мощь и пламя гнѣва; Египеть, что ликъ Его—Солнце въ ликѣ Сфинкса и Ястреба. Но слова ихъ—кимваль брацающей. Іудея—это горячее Мертвое море, Египеть—могила въ пустынѣ: онъ тоже свершилъ свой путь—отъ поклоненія вѣчно возраждающемуся „сыну Солнца“, Гору, до своего Алтаря Возврата—до Великой Пирамиды. И храмы Солнца нынѣ пусты и безмолвны“. Тогда Греція снова послала поэтовъ и философовъ искать Бога. И они пошли въ Сирію и Александрію—и среди смѣшавшагося человѣчества зачалось смутное и радостное предчувствіе поваго разсвѣта. Впервые случилось, что завоеватель міра не дерзнулъ покорить міръ богу своей паціи и своихъ побѣдъ. И всемірная монархія, смѣшавъ человѣчество, распалась. Человѣчество пресытилось кровью, землею и смертью—и возжаждало братства, неба, безсмертія. И когда, наконецъ, снова взошло Солнце,—„Радуйся!“—сказалъ міру ясный Госоль. —Нѣтъ болѣе ни рабовъ, ни царей, ни жрецовъ, ни боговъ, ни отечества, ни смерти. Я—Египтянинъ, Іудей, и Эллинъ, сынъ плотника и Солнца, сынъ земли и Духа. Духъ наполняетъ Собой, животворить и родитъ все сущее: и лиліи полевая, и птицы небесныя, и Соломона въ славѣ его, и раба Соломона. Сила и жизнь Его такъ велики во мнѣ, что вотъ Я полагаю руку Мою на голову умирающаго—и слышу, какъ трепетно исходитъ изъ Меня любовь и жизнь. Просыпаюсь на Фаворѣ въ росистое солнечное утро—и міръ, въ блескѣ и голубыхъ туманахъ лежащій подо Мною, наполняетъ Мою душу такимъ восторгомъ, свѣтомъ Отца Моего, что лицо Мое повергаетъ на землю братьевъ Моихъ... И Акрополь—только атомъ Фавора“...

На предвечернее жаркое солнце было больно смотреть, когда я возвращался на рейдъ. Зеркальные отраженія струились, переливались по черному нагрѣтому за день борту. Мѣдные ободки открытыхъ иллюминаторовъ искрились. Шлюпка тихо подошла къ трапу, и загорѣлый лодочникъ, работавшій вѣсломъ стоя, опернымъ жестомъ снялъ широкополую шляпу. Лебедки ужъ затихли, трюмы были нагружены и закрыты, но на спардѣкѣ еще стоялъ сладкій и капризный греческій говоръ, еще тѣснилась толпа провожающихъ и подростковъ, завалившихъ все скамьи ящиками съ коралломъ, альбомами и открытками... Однако, ровно въ шесть заревѣла, сотрясая все палубы, труба забурилась винтъ—и мы тронулись.

Въ несказанной пышности и нѣжности червонной пыли и воздушно-фіолевыхъ вулкановъ пламенѣло солнце за безпредѣльнымъ Эгипскимъ заливомъ, изъ котораго мы уходили отъ Акрополя къ югу. Потомъ оно сразу потеряло весь свой блескъ, стало огромнымъ малиновымъ дискомъ, стало меркнуть—и скрылось. Тогда въ бездонную золотисто-бирюзовую глубину небосклона высоко поднялись дымчато-аметистовые радуги. Но на острова и на горы за заливомъ уже палъ вечерній пепель, а все необозримое пространство заштилѣвшего моря внезапно покрыла мертвенная, малахитовая блѣдность. Я стоялъ на ютѣ, облокотясь на рѣшетку борта, и въ полъоборота смотрѣлъ то на этотъ малахитъ, то на западъ. Вдругъ по кораблю тамъ и сямъ тепло и весело впынуло электричество. На минуту оно отвлекло меня, а когда я снова взглянулъ на западъ, его уже достигла тьма южной ночи. Скоро въ ней потонули и море, и небо. Но тогда за бортомъ

стать рѣять слабый таинственный свѣтъ—и темно-лиловый полукругъ моря явственно отдѣлился отъ болѣе легкаго неба: это былъ серебристый свѣтъ звѣздъ—и воды.

— Миль десять идемъ?—спросилъ я заблѣвшего въ сумракѣ матроса, по шороху за бортомъ угадывая ровный полный ходъ.

— Миль тринадцать идемъ, — послышалось въ отвѣтъ.

И по тому, какъ мелькали навстрѣчу мнѣ, когда я пошелъ на бакъ, горбы волнъ, полныхъ голубого, порою крутившагося и дымившаго фосфора, видно было, что правда.

Черный и въ темнотѣ особенно упорный бугширить неуклонно вель въ звѣздный склонъ неба. На сѣверовостокъ широко раскидывалась Большая Медвѣдница, любимое созвѣздіе Гомера. На юго-западъ шло, но ярче и великолѣпнѣе всехъ сверкала розовато-серебристая Венера. Надъ нею—янтарный Юпитеръ. Темно-синяя глубь была переполнена повисшими въ Млечномъ Пути алмазами. Къ тропикамъ уходилъ призракъ Корабля Арго. И отовсюду лились въ море нити тонкаго дивнаго свѣта. Но свѣтъ моря былъ воздушный и прекраснѣе.

— Эй, не курить на бакѣ!—раздался звучный молодой голосъ съ капитанскаго мостика, надъ которымъ высоко-высоко теплился топовый огонь.

И опять наступила глубокая тишина, полная шороха волнъ и дыханій машины.

Спотыкаясь на цѣпи и паруса, я добрался до бугширита. Острая желѣзная грудь рѣзала кипѣвшую блѣдно-синимъ пламенемъ воду—и необозримое пространство моря, озареннаго и полнаго таинственнымъ свѣтомъ, быстро бѣжало навстрѣчу. Звѣзды дрожали

оть едва уловимаго, теплаго воздушнаго тока. Вахтенный, какъ мертвый, неподвижно темнѣлъ воалѣ меня... Но мертвыхъ въ мѣръ нѣтъ,—подумалъ я. Смерть лишь темное мгновенье. Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ. Вотъ закатилось солнце, породившее нѣкогда Акрополь, но и во тьмѣ только солнцемъ живемъ и дышемъ мы—на землѣ, его частицѣ. Это оно возвращаетъ винтъ парохода, оно несетъ навстрѣчу мнѣ море; оно, неизсякаемый родникъ всѣхъ силъ, льющихся на землю, править и непостижимымъ для моего разума стремленіемъ своего необъятнаго царства въ безконечность — къ Вегѣ, и безумной радостью этого стрѣлой летящаго подо мною, вслѣдъ за килемъ парохода, дельфина—какъ бы сплошной прозрачной массы дымно-синяго фосфора... Высшая тайна вселенной, мое сознание—свѣтъ отъ силы солнца, какъ солнце — свѣтъ ненареченной Силы. И только къ свѣту стремится все въ мѣрѣ. Мириады едва зримыхъ сѣмянъ жизни, лишенныхъ солнца тьмою ночи и глубинами водъ, все же свѣтятъ сами себѣ—тѣми атомами его, которыми рождена въ нихъ жизнь. И надъ всѣмъ этимъ моремъ, видѣвшимъ на берегахъ своихъ все служенія Богу, всегда имѣвшія въ основѣ своей служеніе солнцу, стоитъ какъ бы голубой дымъ: дымъ каждаго ему...

Въ полночь я, счастливый и спокойный, уснулъ въ темной каютѣ, противъ открытаго иллюминатора, за которымъ шумно переливались и разсыпались голубымъ серебромъ волны,—и вдругъ почувствовалъ невыразимую тоску: откуда-то доносились вопли — страшные, тоскливые, чисто животныя! Я вскопчилъ—и въ ту же минуту услъ аль низкій и безконечно скорбный ревъ трубы, погрясши всю каюту. Вздохи машины падали; они были медленны, точно придавлены, и волны за смутно бѣлѣвшимъ жерломъ иллюминатора чуть плескались.

— Туманъ!

Я быстро и какъ попало одѣлся и въ темнотѣ наступалъ ручку двери. Въ корридорѣ было свѣтло. Какая-то высокая дѣвушка, похожая на мулатку, въ желтомъ японскомъ халатѣ, съ черными волосами и черными расширенными глазами, неподвижно стояла у своей каюты. Я быстро прошелъ мимо и изъ темной каюты-компаніи выбѣжалъ на палубу... Но туманъ уже рѣдѣлъ. Надъ бакомъ стоялъ блѣдный полумѣсяцъ, и свѣжая муть, озаренная имъ, быстро бѣжала по небу, по снастямъ и спардѣку. Нѣжно, солено пахло моремъ. Я прошелъ на корму, подошелъ къ рѣшеткѣ борта—и моя огромная тѣнь, широко охваченная радужными ореоломъ, встала на бѣлосой мглѣ предо мной. И какъ разъ въ это же время задрожала корма, заворочались, взрывая шумные клубы кипени, лопасти винта. Обернувшись, я увидѣлъ, что блѣдный профиль луны сталь уже ясенъ. Очищалось и небо. Ярко засверкали позднія звѣзды, машина стала дышать ровнѣй и глубже, и я спокойно возвратился въ каюту...

Вотъ и Хаосъ Гезіода, то первобытное и безликое, изъ чего возникъ мѣръ! Сколько боговъ рождалось на берегахъ этого моря и сколько ихъ поглотилъ этотъ Хаосъ, подобно титану Кроносу, поглощавшему всѣхъ чадъ своихъ отъ Реи! Первый богъ, почувствованный человѣкомъ, былъ столь страшенъ, что человѣкъ даже въ молитвѣ не дерзалъ произносить его имени,—какъ это было въ Халдеѣ, въ Египтѣ, у племенъ семитическихъ и даже у греческихъ—въ дикихъ горахъ и лѣсахъ Аркадіи, гдѣ долго поклонялись только Волчьему Зевсу, требовавшему жертвъ человѣческихъ... Человѣческихъ жертвъ требовало и Солнце, воплощавшееся въ капищахъ по берегамъ этого моря то въ Вѣла, то въ Молоха, то въ Илу-Самаса, то въ Йегову—„огни

поѣдающій“... А Время все поглощало и поглощало его образы. Поглощило оно и Озириса, и Зевса... Поглощило и Гора, и Аполлона, „дѣтей Солнца“... Затмѣваетъ своимъ дыханьемъ и ликъ Иисуса... Но Солнце все же существуетъ!

4.

На Критъ мы не заходили.

Проснувшись на разсвѣтѣ, я увидѣлъ въ иллюминаторъ волнистый силуэтъ высокаго мыса, голубѣвшаго въ утреннемъ парѣ. Родина Зевса Олимпійскаго! Пусть Кроносъ поглотилъ-таки его—легенда его дѣтства такъ трогательна! Рея укрылась отъ Кроноса въ гротѣ, озаряемомъ золотымъ отблескомъ отъ хрустально-кобальтовой влаги; пчелы кормили его янтарнымъ медомъ, коза давала ему свои лиловые сосцы. А когда ребенокъ плакалъ, воины Куреты били коньями въ мѣдные щиты—и ребенокъ смолкалъ, тараша на нихъ свѣтлые глазки, и Кроносъ ничего не слышалъ за веселымъ трезвономъ!

Разглядѣлъ дикія горбины острова я, однако, только въ полдень, когда было ослѣпительно свѣтло и знойно. Морской воздухъ былъ снова необычно чистъ и прозраченъ, но пустынная громада Критскихъ горъ такъ и осталась въ легкой дымкѣ: до нея было миль двадцать. И такъ же, какъ и въ Архипелагѣ, основаніе ея отдѣляла отъ моря безконечная полоса тумана... И къ часу Критъ остался уже далеко за нами—пепельной чертой, таявшей на горизонтѣ. И насталъ просторъ отдыхъ: цѣлыя сутки, до самыхъ береговъ Африки только небо и море!

Первый классъ былъ пустъ. На ютѣ, во второмъ каюты были переполнены. Но александрійскіе греки, за-

явившіе ихъ, съ утра до вечера пили турецкій кофе, да играли въ лото въ рубкѣ, изъ которой широко тянуло сладковатымъ дымомъ толстыхъ египетскихъ папирсовъ. Не снѣша, ровно и вольно работала машина, блестя ныряющими поршнями, не снѣша проходили въ тѣни навѣсовъ босые матросы въ лѣтней одеждѣ... Пустая, бѣлая каютъ-компанія вся была озарена. Матово блестя мраморъ стѣнъ, жарко горѣлъ рытый пунсовый бархатъ дивановъ. Въ раскрытый люкъ потолка видно было небо. Мулатка въ японскомъ керимонѣ канареечнаго цвѣта сидѣла за шанно и одной рукой играла кэкъ-уокъ. Въ другой она держала большой японскій вѣеръ и, помахивая имъ, качала головой, отягченной черными безъ блеска волосами, на которые былъ накинутъ свѣтло-оранжевый газъ. И отъ кэкъ-уока было смѣшно и немножко грустно, отъ канареечнаго керимона—весело.

Послѣ завтрака, когда я бродилъ по палубѣ, она долго лежала подъ навѣсомъ спардека, вытянувъ гибкое тѣло въ камышовомъ лонгъ-шезѣ. Мелкія родимки были разбѣяны по ея нѣжному, желтому, немного скуластому лицу. Большіе, широко раскрытые и очень блестящіе глаза кофейнаго цвѣта внимательно и бессмысленно слѣдили за мной. Вдругъ они закрились—и я услышалъ какую-то путаную французскую фразу, сказанную очень вульгарнымъ голосомъ. Я подошелъ съ вопросительно поднятыми бровями. Она, не вставая, вытянула изъ моего бокового кармана портсигаръ, взяла папиросу и кивнула, требуя огня. Я зажегъ турецкій сѣринкъ. Она закурила, посмотрѣла на меня и, очевидно, признавъ во мнѣ человѣка совершенно неинтереснаго, съ панвной грубостью махнула рукой. И потомъ ужъ не замѣчала меня.

На припекѣ возлѣ бутширита крѣпко спали моло-

дые крестьяне въ фескахъ, въ короткихъ верблюжьихъ курткахъ и верблюжьихъ анатолийскихъ штанахъ. Загорѣлый русскій матросъ, сидя возлѣ нихъ и щурясь отъ солнца, красилъ черной, быстро сохнущей краской сундучокъ, поставленный между широко раскинутыми босыми ногами...

— Дальній?—спросилъ я, насмотрѣвшись на его работу.

— Отсюда не видать,—отвѣтилъ онъ, не поднимая головы.

Потомъ съ нижней палубы вылѣзъ на бакъ какой-то бритый старикъ въ широкополой соломенной шляпѣ, въ туфляхъ и очень широкихъ шароварахъ. Помолчавъ и поглядѣвъ на югъ, онъ обернулся ко мнѣ.

— Мер!—сказалъ онъ и, ласково улыбаясь, кивнулъ на огромное пространство неба и моря.

— Мер, мер,—отвѣтилъ я, тоже съ улыбкой.

Старикъ тихонько потрепалъ меня по плечу и сѣлъ на горячія якорныя цѣпи.

— Саіго?—прибавилъ онъ тѣмъ снисходительнымъ тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми.

— Саіго,—подтвердилъ я.

И мы опять улыбнулись другъ другу, стараясь выразить какое-то милое чувство.

Нѣжно-сиреневый просторъ моря, искрясь на солнцѣ, плавно бѣжалъ навстрѣчу, съ шелковистымъ шорохомъ неслись мимо и, блестя, переливались вали густого лиловаго масла... Я взглянулъ на острую грудь бака, рѣзавшую живою сапфиръ среди сѣвжной кипени,— и мнѣ о рожденіи Афродиты показался мнѣ самымъ жизненнымъ и самымъ радостнымъ изъ всѣхъ мимовъ!

Я ушелъ въ тѣнь, подъ жаркій навѣсъ спардека— на потолокъ его переливался глянецъ отъ воды и солнца—

и легъ въ камышевое кресло. Афродитѣ смѣнила дѣтская гордость, что завтра я увижу Африку, Египеть...

„Тамъ,—говоритъ Θεодектъ,—Богъ въ своемъ лучезарномъ теченіи покрываетъ кожу людей мрачнымъ блескомъ сажи и, изсушая, курчавитъ ихъ волосы“...

— Ахъ, какъ хорошо это сказано!—подумалъ я, закрывая глаза.—Если бы я былъ арабскимъ поэтомъ, я прибавилъ бы:

— Тамъ земля — золото, воздухъ — опрокинутое пламя, сильнее сверху. Въ золотѣ и пламени пустыни тамъ растутъ пальма.

Вѣтеръ чуть касался лица и рѣсницъ—и вотъ я увидѣлъ на пескѣ, въ сквозной тѣни твердаго, тонкоствольнаго и чешуйчатаго дерева, голубого ослика, сѣдого курчаваго старика въ кунбазѣ—легкой, до колѣнъ рубахѣ—съ раскрытой и бурой отъ загара грудью, молодую женщину въ кубовомъ хитонѣ, съ прелестными, скорбно опущенными глазами, черноглазаго Ребенка на ея колѣняхъ... Ахъ, какъ томно и жарко подъ пальмой! Какъ запеклись уста отъ жажды! „О, если бы я уже давно умерла и всѣ меня позабыли!—шепчутъ они грустныя слова, записанныя въ святомъ Коранѣ и сохраненныя въ благочестивыхъ арабскихъ преданіяхъ.— Вотъ я сожжена пустыней и солнцемъ, а Дитя мое и мужъ мой страдаютъ еще болѣе“... И вдругъ съ неба звучитъ ясный голосъ: „Не печалься! Господь посылаетъ къ ногамъ твоимъ воду и оплодотворяетъ для тебя дерево“... И между длинными вайями внезапно появляется чешуйчатая почка. Она лопається, и изъ нея выходитъ золотистая цвѣточная кисть финика... Растутъ плоды, окрашиваются въ пурпуръ, наливаются сокомъ и сладостью... Журчитъ холодный ключъ изъ-подъ камня... И я вижу, какъ изумленно поднялись черныя рѣсницы женщины, какъ засіяли глазки Ребенка и

преобразилось лицо старика... какъ осликъ, все время стонявшій ударами задней ноги слѣпней съ брюха, повернулъ къ ключу голову, насторожилъ длинное ухо— и вдругъ восторженно, захлебываясь, зарыдалъ оглушительнымъ скрипомъ...

И заснулъ тѣмъ неожиданнымъ сномъ, какимъ засыпалъ только въ ранней молодости, въ саду, на скользкой сухой травѣ, подъ жаркой и прозрачной тѣнью яблони. А когда открылъ глаза, солнце ужъ глядѣло подъ навѣсъ, и сине-лиловая вода за рѣшеткой борта стала еще ярче. Въ дали она разстиалась спокойной сиреневой гладью. И лакей въ бѣломъ пиджакѣ, проходя мимо, весело и настойчиво звонилъ къ чаю...

Соскучась въ рубкѣ, греки сидѣли послѣ чая на ютѣ и долго пѣли какія-то жалостно-счастливыя пѣсни. Солнце склонялось, необозримый кругъ воды становился все нѣжнѣе и задумчивѣе. Мулатка, сонно и тоскливо полузакрывъ рѣсеницы, подпѣвала низкимъ груднымъ голосомъ. Младшій механикъ, юноша лѣтъ двадцати, сидѣлъ безъ фуражки напротивъ, курилъ, и она, слабо улыбаясь, изрѣдка поводила на него глазами.

— Мутно будетъ на закатѣ,—сказалъ мнѣ механикъ разбѣянно.

И не дообѣдалъ, не повѣривъ ему, по солнцу, и правда, потонуло въ блѣдно-сизой мутнѣ. Въ небѣ было еще свѣтло, но море быстро темнѣло. Волны, мелькавшія за бортомъ, становились кубовыми. Вспыхнуло электричество—и сразу отдѣлило пароходъ отъ ночи.

Внутри, въ каютъ-компаніяхъ и рубкахъ, было ярко и уютно, за бортами была тьма, теплый вѣтеръ и шорохъ волнъ, бѣжавшихъ качающимися холмами. Маслянисто-золотыя полосы падали на нихъ изъ иллюми-

наторовъ и извивались, какъ змѣи, все прихотливѣе. Теплый вѣтеръ усиливался—и вдругъ одна изъ полосъ провалилась въ черную пропасть, а вся глыба парохода зыбко приподнялась съ носа и еще болѣе зыбко и плавно опустилась среди закипѣвшей почти до бортовъ голубовато-дымной воды. Мулатка, показавшаяся въ это время въ свѣтломъ пространствѣ входа въ рубку, ухватилась-было за притолку, но въ ту же минуту оторвалась и со смѣхомъ, съ протянутыми руками побѣжала по наклонной палубѣ по направленію къ юту. А немного погодя, изъ той же двери вышелъ младшій механикъ, оглянувшись, увидѣвъ меня, неестественно заплѣлъ что-то подъ носъ и твердыми шагами пошелъ по опускающейся и поднимающейся палубѣ слѣдомъ за ней...

Около полуночи надъ темно-лиловой равниной моря взошелъ оранжевый печальный полумѣсяцъ. Сѣя на горизонтѣ шафранный свѣтъ, онъ наклонно висѣлъ надъ бѣгущей на насъ и качающей зыбью, и отъ него несло теплымъ, теплымъ вѣтеркомъ...

Дуло изъ Аравіи.

5.

Это сказачное слово волновало меня ночью, а утромъ открылся берегъ Африки.

Сильно припекало, и на южномъ горизонтѣ залегала полоса тумана. Небо было знойно и бѣлесо, море тускло блестѣло оловомъ. Вода подъ кормой бурлила жидкая, зелено-голубая.

Командиръ, весь въ бѣломъ, стоялъ на мостикѣ, не отводя отъ глазъ бинокля. Медленнѣй вдыхала машина: шли уже среднимъ ходомъ, ждали араба лоцмана, ибо взморье передъ Александріей густо усѣяно подводны-

ми камнями. Промелькнула первая чайка... Прошелъ слѣва, въ Портъ-Саидъ, огромный, тупоносый и весь черный пароходъ, усѣянный пародомъ... И я увидѣлъ на немъ бѣлая буквы: Menzaleh.

Александрія, Дельта, Нилъ! Я хорошо зналъ, что почти ни единого слѣда великолѣпнѣйшаго въ древнемъ мірѣ города не осталось теперь на песчаной косѣ, между моремъ и огромной лагуной Марсеотисъ. Но вѣдь именно на этой косѣ впервые осуществилось и измѣнило лицо земли то „великое смѣшеніе народовъ“, о которомъ грезилъ человекъ, равный Колумбу. Изъ мути на горизонтѣ медленно выдѣлялась башня, прееница того знаменитаго маяка, что былъ когда-то „символомъ свѣта Александрійской мудрости“ и однимъ изъ чудесъ міра, ибо велъ къ городу полубога, дошедшаго отъ столповъ Геркулеса до индійскихъ деревьевъ, „вершинъ которыхъ не достигаютъ стрѣлы“, былъ посвященъ „богамъ спасающимъ плавающихъ“, блисталъ зеркаломъ — „Талисманомъ Александріи“, — отражавшимъ „землю, небо и все паруса Средиземнаго моря“, и такъ возвышался, что камень, брошенный съ него на закатѣ, падалъ въ воду только въ полночь... Потомъ слабо обозначилась бѣлая полоска города, палочки — мачты порта, колонна Помпея и крестики — крылья вѣтряныхъ мельницъ. Вправо отъ нихъ тянулась блѣдно-желтая линія пустыни, теряющаяся въ морѣ на западѣ, — линія безграничной плоскости, сосѣдней съ Дельтой. Это былъ еще миражъ земли, уходящей въ стекловидную даль. Но тамъ, въ стекловидной дали, висѣли призраки тѣхъ единственныхъ по своимъ очертаніямъ деревьевъ, видъ которыхъ, какъ воспоминаніе о чемъ-то дорогомъ и близкомъ съ дѣтства, волнуетъ каждое человѣческое сердце: финиковыя пальмы!

Сзади сладко и торопливо говорили по-гречески, — вѣрно, о хлопкѣ, о рисѣ... Вѣдь сюда и донинѣ текутъ торговые пути Европы и Азіи, Нубіи и Аравіи, Индостана и Австраліи. А когда-то стеклись чуть не все древнія религіи и цивилизаціи, которыя, выйдя изъ странъ Золотого Вѣка, уже свершили свои пути и, воздвигнувъ имъ памятники, инстинктивно искали спасенія въ космополитизмѣ, готовые возвратиться къ первобытному братству и къ первобытному Безымянному Богу. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ основанія Александріи стала величайшимъ портомъ, черезъ сто—городомъ, блистающимъ мраморными театрами, храмами, портиками, библіотеками, Серапеумомъ — „храмомъ погребеннаго Солнца,“ — и вотъ въ немъ сошлись жрецы, философия, грамматика, софисты, поэты и ученые всѣхъ странъ, дабы Солнце возродилось...

„Ты — пупъ, соединяющій небо съ землею“, — сказали Нилу гимны. Не таковы ли и все пути въ чужія земли? Они рождатъ неутолимую жажду духа и теряются, какъ море, въ пещь. Александръ, котораго увлекла къ предѣламъ земли не только слава, но и молодость, проведенная близъ Аристотеля, увлекъ за собою въ море исканій и все древнее человѣчество. Недаромъ персидскія легенды говорятъ, что Искандеръ мечталъ найти „волу жизни“. И походы его изумили, раздвинули грани земли до сказочнаго, породили тысячи сказаній, покрыли тысячи свитковъ разсказами о невѣдомыхъ прежде богахъ и странахъ... Заложивъ городъ и гавань въ Дельтѣ, въ Месопотаміи Египта, онъ какъ бы снова создалъ человѣчество на равнину Сенаарскую — къ построению новой Вавилонской башни. Пусть снова смѣшаются языки! Даже одна попытка постигнуть неба перерождаетъ міръ. И Александрія переродила.

Такъ была пустынная песчаная отмель Марсеотиса, что не сыскали куска мѣла, чтобы начертать планъ города: пришлось чертить мукой. Но Геростратъ недаромъ сжегъ послѣднее изъ величайшихъ капищъ въ ночь рожденія Александра. Человѣкъ, стершій грани почти всѣхъ царствъ земли, совершившій жертвы во всѣхъ ея капищахъ, но поклонявшійся, можетъ быть, только Невѣдомому Богу Сократа и Платона, родился для того, чтобъ, соединивъ царства востока и запада, построить первый международный городъ и заложить первый основанія какого-то новаго храма, взаимно опустѣвшихъ храмовъ Греціи, Іудей и Египта. И на его городъ выпала безпримѣрная въ исторіи роль— стать бурнымъ центромъ всѣхъ религій и всѣхъ знаній древности, стать предшественницей Назарета... а потомъ и „великимъ полемъ битвы за имя Христова“,— полемъ печальнымъ, впрочемъ... Развѣ есть мѣсто, котораго не могли бы осквернить жрецы и схоласты?

Мы идемъ медленно, но воздухъ становился все прозрачѣе—и быстро растетъ и приближается песчаный берегъ съ пальмами, плоскокрышій палевый городъ, безчисленныя мачты его гаваней, каменные ленты волнорѣзовъ и сияющій бѣлизной маякъ на полуостровѣ, гдѣ когда-то, вдали отъ городского шума, трудились, „омывая руки въ морѣ“, старцы-толковники. Но и Александра, и толковниковъ вытѣсняетъ радостное сознаніе: это Африка! И зной африканскаго утра все увеличивается по мѣрѣ того, какъ мы все тише и глубже входимъ въ тѣсоту внутреннихъ гаваней Стараго Порта, переполненнаго судами, красными кругами бакаловъ, разноцвѣтными лодками съ разноцвѣтными флагами отелей и загорѣлымъ людомъ въ фескахъ, обмотанныхъ платками, въ фуфайкахъ или длинныхъ синихъ рубахахъ. Все это пестрой флотиліей тянется среди па-

роходовъ за нами, а справа надвигается сѣро песчаный берегъ, на обрывахъ котораго тѣснится амфитеатръ разнообразныхъ желтоватыхъ кубиковъ и высоко уносятся въ яркое синее небо шероховатые стволы въ перистыхъ султанахъ. Долгій морской путь конченъ—и, взглянувъ назадъ, на бѣлый волнорѣзъ, я не вижу больше моря: вижу только небо, мачты да синюю ленту надъ волнорѣзомъ. А здѣсь вода зеленая, здѣсь пестрота людей и лодокъ, палевые кубы и пальмы—и все залито сухимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ... Африка!

На набережной—чаимы, шляпы, обычные портовые зданія, длинные, крытые цинкомъ склады. Набережная медленно близится, спардѣкъ заваленъ чемоданами, сумками... Вереницей бѣгутъ по горячей палубѣ матросы, таща на корму тяжелый канатъ. Отступая, оборачиваюсь—и вижу мулатку. Она въ бѣлыхъ ботинкахъ, въ легкомъ ярко-розовомъ платьѣ съ прошивками на груди, на рукавахъ и на юбкѣ, въ большой розовой шляпкѣ и подъ розовымъ зонтомъ съ кружевами. На пальцахъ—перстни, въ ушахъ—большія золотыя кольца. Глаза изумленно блестятъ, на пухлыхъ губы и большія ноздри падаетъ отъ зонтика теплый розовый отблескъ. И она жадно, жадно высматриваетъ кого-то въ толпѣ на набережной, куда вдругъ змѣей летитъ „конецъ“ съ нашей кормы...

6.

Въ Александріи было жарко, пестро и весело.

Выѣхавъ за таможеню, я невольно склонилъ голову: солнце стояло какъ разъ надъ головою. Обгоняя насъ и поднимая горячую пыль, прокатила коляска съ на-

рядными левантийцами, но зато сейчас же напомнила пустыню медленная вереница соловыхъ дромадеровъ, павьюченныхъ сахарнымъ тростникомъ и предводительствуемыхъ босоногимъ погонщикомъ въ красной ермолкѣ и короткомъ бѣломъ кунбазѣ. Потомъ проѣхали англійскіе солдаты въ тропической формѣ, верхомъ на великолѣпныхъ гнѣдыхъ лошадяхъ, лоснившихся на солнцѣ, и, прижимаясь отъ нихъ къ глиняной оградѣ, мелко перебирая по пыли маленькими ножками, прошла молоденькая феллашка въ голубой полинявшей рубахѣ, очень миловидная, круглоликая, съ полными губками и слегка расширенными ноздрями. Она подняла рѣсницы надъ красивыми томными глазами—и застѣнчиво опустила ихъ. Но на ея пепельно-смугломъ лицѣ, татуированномъ синеватыми полосками по бокамъ подбородка и звѣздочками на вискахъ, покрывала не было. Не было и библейскаго кувшина на ея головѣ, прикрытой легкимъ платкомъ изъ черносиней шерсти: на головѣ она несла то, что теперь такъ ходко смѣняетъ на Востокѣ библейскій кувшинъ,—большую жестянку изъ-подъ керосина. А за феллашкой показался осликъ-иноходецъ, быстро и тупо сѣменившій копытцами подъ большимъ красно-бархатнымъ сѣдломъ, на которомъ, почти задѣвая землю ботинками, сидѣлъ огромный арабъ въ пиджакѣ сверхъ длиннаго халата-подрясника, въ плоской фескѣ, обмотанной золотисто-пестрымъ платкомъ... И пошли шумные людные корридоры, въ которыхъ все смѣшалось: и ослы, и англійскіе полицейскіе, и коляски, и верблюды, и маленькіе греки въ соломенныхъ шляпахъ, и огромные негры, одѣтые пзыскано модно, и пѣгіе бедуинскіе плащи, и несмѣтныя голубыя рубахи, и восточныя лавочки съ зеленью, бараниной и рисомъ, и зеркальныя витрины банкировъ...

Отъ Площади Консуловъ до моря два шага. Одинъ копецъ бѣлаго переулка, въ которомъ я остановился, выходилъ къ конной статуѣ Али, другой—на огромный полукругъ другой, еще пустой площади на берегу Новой Гавани. Въ отелѣ отвели мнѣ за пять франковъ довольно просторную комнату съ каменнымъ поломъ, покрытымъ тонкими коврами. Въ ней стояли двѣ широкія постели подъ кисейными балдахинами отъ москитовъ; было полутемно и прохладно. Двери на балконъ—стеклянная и жалюзи—были заперты. Но балконъ выходилъ не въ переулокъ, а въ пересѣкавшую его торговую улицу—и подъ балкономъ стоялъ оглушительно-веселый гамъ Востока, говоръ и стукъ копытъ, гулъ и рожки трамвая, вопли продавцовъ воды, рыбы и зелени... А когда я отворилъ двери, въ комнату, вмѣстѣ со всѣми этими звуками, такъ и хлынулъ свѣтъ и жаръ африканскаго полдня.

Въ томъ концѣ переулка, что выходитъ къ морю, въ маленькомъ южно-европейскомъ ресторанѣ я ѣлъ какую-то розовую морскую рыбу—щедро облитую, по совѣту самого хозяина, толстенькаго грека изъ Смирны, лимоннымъ сокомъ, — и пилъ какое-то густое вино. Потомъ я побрелъ къ морю, къ длинному молу, ограждающему площадь отъ Новой Гавани, и долго не могъ наглядѣться на мелкую зыбь сиреневаго морского простора, на раковины облачковъ, таявшихъ надъ нимъ въ бездонномъ шелковистомъ небѣ, на кубики палевыхъ домовъ, терявшихся вдоль широкаго изгиба песчанаго побережья... И вихры отдаленныхъ пальмъ, среди необъятнаго пространства береговъ, водъ и неба, опять сладко напомнили мнѣ, что это—берегъ Африки!

Солнце стояло какъ разъ надъ головой, и въ переулкѣ не было ни тѣни, когда я шелъ послѣ того на Площадь Консуловъ пить кофе. По торговой улицѣ, пере-

сѣжавшей его, по-прежнему гудѣль трамвай, кричали разносчики и водоносы, бѣжали ослы подь босыми загорѣлыми всадниками въ голубыхъ рубахахъ и бѣлыхъ чалмахъ, изъ какой-то лавки страстно-жалобнымъ гнусавымъ фальцетомъ оралъ арабскую оперную арию граммофонъ. Но на горячихъ тротуарахъ площади, возлѣ бѣлыхъ маркизъ, было пусто: въ полдень стихаетъ даже и Александрія. Вокругъ сквера, въ жаркой легкой тѣни подсыхающихъ деревьевъ, стояли козяски, дремали лошади. Смуглые въ бѣломъ извозчики вмѣстѣ съ прочей арабской толпой, занимавшей несмѣтныя табуреточки и столики сквера, пили воды, курили, болтали и читали уличныя газетки. А невдалекѣ отъ меня сидѣли два негра, принесшіе съ собой на эту европейскую площадь всю простоту Судана. Ихъ черныя скуластыя лица и черныя палки ногъ въ огромныхъ пыльныхъ туфляхъ казались еще чернѣе и страшнѣе отъ бѣлыхъ кидаръ; сверхъ рубашекъ на нихъ были короткіе халаты цвѣта полосатыхъ гнѣвъ. Съ раздувающимися ноздрями раздавленныхъ носовъ, съ блестящими глазами, съ нагло вывороченными губами, негры весело и удивленно осматривали проходящихъ женщинъ. А у женщинъ, закутанныхъ въ черныи шелкъ, только и видно было, что глаза, странно раздѣленные металлическимъ цилиндромъ, соединяющимъ чадры съ покрывалами...

Часамъ къ четыремъ городъ снова ожилъ. Поливали мостовыя, и косою блескъ съ запада ярко золотилъ и площадь, снова наполнившуюся народомъ, и всю улицу Шерифъ-Паши, по которой я поѣхалъ къ Каналу и которая казалась бы совсѣмъ парижской, если бы не ослики, не этотъ босоногий чернолицій людъ, мѣшавшійся съ европейцами, и не эти шарабаны съ дѣтьми и женщинами, очень изящ-

ными и нарядными, но ужъ черезчуръ смуглыми для Парижа.

Путь былъ не близкій, и огромный городъ такъ постепенно мѣнялся, и не замѣтилъ, какъ очутился въ арабскихъ кварталахъ, среди садовъ, надъ которыми пышно выселись своими перистыми вайями пальмы, среди домовъ, нависавшихъ надъ пыльной улицей рѣзными, рѣшетчатыми выступами вторыхъ этажей. Когда же мы выѣхали на широкую и чистую набережную Канала, соединяющаго море съ Ниломъ, городъ снова поразилъ меня своимъ экзотически-европейскимъ характеромъ. Виллы и сады огромныхъ сикоморовъ, банановъ и алоэ, коническихъ хвойныхъ араукарій и бордавчатыхъ кактусовъ тянулись вдоль всего праваго берега, по которому вихремъ проносились экипажи, а на Каналѣ, на зеркальной водѣ, мирно дремали въ низкомъ блескѣ еще жаркаго солнца грубые косые нарусъ барокъ, и по-африкански желтѣли среди пальмовыхъ и тамариндовыхъ роцѣ глиняныя хижины на лѣвомъ берегу.

По-африкански бѣдно было и въ кварталахъ, прилегающихъ къ Старому Порту, къ тому голому холмистому пространству, гдѣ когда-то были дворцы и храмы Птолемеевъ и гдѣ теперь, на мѣстѣ Серапеума, стоитъ такъ называемая колонна Помпея. По-африкански горѣли противъ опускавшагося солнца стекла въ желтыхъ домахъ разноплеменной александрійской бѣдноты. Женщины въ туфляхъ и халатикахъ, похожія на евреекъ нашихъ южныхъ городовъ, съ раскрытыми тощими грудями, почернѣвшими отъ зноя, лѣниво сидѣли у пороговъ и держали на колѣняхъ полуголыхъ дѣтишекъ, лица которыхъ сплошь облѣпляли мухи. Тутъ же шатались шелудивыя бездомныя собаки. Ни кустика не было среди глиняныхъ рогатыхъ памятни-

новъ арабскаго кладбища, уже давно смѣшавшаго свои кости съ песчѣтными костями древнихъ кладбищъ и съ мусоромъ тысячелѣтнихъ останковъ стократъ погибавшей и вновь возрождавшейся Александрии. И надъ всѣми этими братскими могилами высилась колонна. Но, увы, сама она оказалась гораздо менѣе заманчива, чѣмъ ея названіе въ гйдахъ: „Монолитъ розоваго асуанскаго мрамора“. Меланхолически прекрасенъ только видъ отъ колонны: на западѣ—вечернее солнце, опускающееся къ золотой полосѣ Средиземнаго Моря, на востокѣ—роща пальмъ, синія пустынная равнина Марейтиса и пески, пески...

7.

На пути въ Каиръ сперва мелькали стѣны Александрии. Потомъ вагоны озарились золотистыми песчаными выемками, бѣлыми вилами и яркой синью утренняго неба...

Скоро ихъ смѣнилъ Марейтисъ: водная сіяющая гладь, острова камышей, необозримая зеркальность, на отмеляхъ которой розовыми лиліями блистали тысячи длинноногихъ фламинго, ибисовъ и цапель. А за лагунами и поймами начали развертываться топи и равнины, воздѣланныя, какъ огороды, изрѣзанныя каналами и плотинами, и стекловидныя дали съ чуть видными оазами селеній...

Экспрессъ уносилъ меня къ югу, и, благодаря той „неизмѣнности“ Египта, что поразила еще Платона, всю дорогу чувствовалъ я, что нигдѣ такъ быстро не падаешь въ глубь времени, какъ здѣсь. Развѣ не библейски древень этотъ смуглый людъ, орошающій поля штуфатами, въ первобытной полунаготѣ ѣдущій по

плотинамъ на осликахъ, отдыхающій вмѣстѣ съ волами подъ жидкою тѣнью смоковницъ? Развѣ не по этому пути пошелъ древній Египетъ, чтобы дойти до пустыни, до жрецовъ и фараоновъ, до послѣднихъ предѣловъ нищеты и рабства, въ коихъ онъ пребываетъ и донынѣ? Здѣсь, въ Дельтѣ, созданной священнымъ созвѣздіемъ Треугольника и священной рѣкою, ея мирные обитатели именовали себя „служителями сына Солнца, Гора“. Въ Мемфисѣ и Фивахъ они стали служителями фараоновъ. Солнце измѣнило свой ликъ и все чаще стало мѣнять свои имена: Пта, Ра, Озирисъ, Горъ, Аммонъ. Родились легенды о его смерти и воскресеніи. Ра удалился отъ людей, забывшихъ его ради жрецовъ и фараоновъ, на небо. Озирисъ, его ипостась, былъ растерзанъ своимъ братомъ — Сетомъ, богомъ зла и пустыни. Гору, сыну Озириса, пришлось встать, въ образѣ сфинкса, на безконечную борьбу съ Сетомъ. Но побѣдителемъ остался все же Сеть... И при мысли, что повѣдь все дальше уносится въ его царство, къ илнестому Нилу, сжатому горячими пустынями, становилось почти жутко.

Вагонъ былъ переполненъ женщинами, до глазъ закутанными въ черное и бѣлое, фесками, шляпами, халатами, табачнымъ дымомъ, пылью и свѣтомъ. Воздухъ, вѣющій въ окна съ нивъ и каналовъ, становился все жарче и суше — и вотъ начали хлопать поднимаемыя рамы, а за ними—рѣшетчатая ставни. Воцарился полумракъ, изрѣзанный полосами свѣта и дыма, но духота стала уже дурманить. Я вышелъ на площадку — и ослѣпъ отъ бѣлаго блеска. Обдастъ пламенемъ, точно стоишь возлѣ огромнаго костра, оглушаетъ гуломъ колесъ и удушаетъ желтой пылью... Былъ Даманхуръ, —древній Тимъ, городъ Гора... Былъ Кафръ-Зайятъ... Теперь вижу сквозь пыль, что подъ колесами съ гро-

хотомъ мелькаетъ сквозной мостъ и горячимъ стекломъ блещетъ внизу рѣка въ илѣстыхъ берегахъ. Это Нилъ. Но гораздо больше Нила радуется то, что мимо поѣзда начинаютъ мелькать бѣлыя яркія стѣны и высокія пальмы: Танта, городъ, славный по Востоку своей ярмаркой! Но и въ Тантѣ, какъ и всюду, остановка—мгновенье. Съ разлета сталъ поѣздъ, и хлынувшая изъ вагоновъ толпа мгновенно смѣшалась съ цвѣтистой толпой на раскаленной платформѣ. И едва успѣлъ я схватить въ буфетѣ апельсинъ и пачку папирсъ, какъ дверцы вагоновъ уже опять захлопали. И опять — равнины зрѣющаго хлѣба, каналы и черныя деревушки феллаховъ — полузвѣрныя хижины изъ ила, крытыя дурровой соломой... И опять противъ меня — коптъ и феллахъ. Коптъ—толстый, въ черномъ халатѣ, въ черной и туго завернутой чалмѣ, съ темно-оливковымъ круглымъ лицомъ, карими глазами и раздувающимися ноздрями. На колѣняхъ у него зонтикъ. Феллахъ—въ бѣлой чалмѣ и грубомъ балахонѣ, разстегнутомъ на груди. Это совершенный быкъ по своему нечеловѣческому сложенію и спокойствію, съ бронзовой шеей изумительной мощи. Но еще изумительнѣй то, что ему, кажется, совсѣмъ не жарко!

— Солнце безжалостно на пути къ Мемфису! — думалъ я, закрывая глаза и прислоняясь къ стѣнѣ вагона.—Пламенный богъ родитъ лишь пески, если рядомъ съ нимъ не царитъ его „вторая жизнь“ — богъ-море. Море создало Грецію. Нилъ, уведшій за собой обитателей Дельты въ пустыни, создалъ свѣтзарный и строгій Египетъ. Горь не только звѣрь. Онъ то человѣкъ съ головою ястреба, то левъ съ головой члвчвѣка. Но онъ древнѣе пирамидъ. Онъ зачатъ, можетъ быть, еще въ Дельтѣ. Онъ былъ символомъ члвчвчской мудрости и львиной мощи. Утвердившись же въ

Мемфисѣ, стиснутый пустыней, Египетъ замкнулся отъ міра. Возвеличенный и изнуренный войнами, ницетюю и рабствомъ, онъ сталъ созидать культъ смерти...

Ахъ, какъ строгъ и красивъ былъ этотъ культъ! Таинственными драгоцѣнными бальзамами и травами охранялось священное члвчвчское тѣло отъ тлѣнья. Эмблемы Пта-Ра, бога-производителя,—золотые скарабенъ съ лазурными крыльями—и золотые крестики—символъ воскресенія—вѣшали на тѣло мумій. Книга Мертвыхъ—дивныя гимны къ Озирису-Радости, Солнцу, Добру и Судьѣ за гробомъ—полагалась на груди ихъ. Золотымъ лакомъ покрывали сикоморовыя гробы-футляры и съ изумительнымъ искусствомъ писали на футлярахъ киноварью дискъ крылатаго солнца. И все это скрывалось въ тяжелыхъ саркофагахъ изъ гранита или базальта, заключенныхъ въ пѣдра пирамидъ... Но душа величайшей изъ всѣхъ древнихъ религій, вѣра, породившая столь мудрый и красивый ритуалъ,—гдѣ была она въ Египтѣ, ограблявшемъ съ голоду даже гробницы и храмы? Она лишь слабо тѣла въ памяти этого „бронзоваго, худого и молчаливаго народа“. Жизнь его текла во тмѣ и рабствѣ, стала подобна „палкѣ изъѣденной червями“... А былъ ли на землѣ народъ болѣе славный? Въ темныя и жестокія времена варварства онъ первый возсталъ среди народовъ въ безпримѣрной цѣльности и законченности своего облика—и на первобытной землѣ, каждая пядь которой отвоевалась кровью, сумѣлъ сохранить этотъ обликъ пять тысячелѣтій. Онъ не зналъ себѣ равныхъ ни въ трудѣ, ни въ созиданіи памятниковъ, ни въ знаніяхъ, ни въ морали, ни въ отвагѣ, уживавшейся рядомъ съ изумительной для его времени кротостью. Онъ былъ наставникомъ всего древняго міра: это на основахъ его культуры, его религій выросла Ассирія, Финикія, Іудея.

Греція—и христіанство. За четыре тысячелѣтія до Греціи онъ создалъ безпримѣрное по силѣ рѣзца вапніе, создалъ безпримѣрную по тонкости, чистотѣ, яркости и простотѣ живопись; создалъ поэзію гимновъ, безпримѣрную по вдохновенію; создалъ религію—безпримѣрную уже по одному тому, что она одна не потребовала человѣческихъ жертвоприношеній!

Онъ никогда не зналъ судрѣ и паріевъ. Никогда не зналъ рабства женщинъ. Онъ всегда былъ красивъ, человѣченъ, опрятенъ, мягокъ въ обращеніи, благоговѣйно чтилъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего обоготвореніе животныхъ—обоготвореніе земныхъ проявленій божественной творческой силы. Онъ не разъ властвовалъ надъ всѣмъ Востокомъ, но даже и въ эти дни никогда не уподоблялся въ свирѣпости другимъ народамъ, обивавшимъ городенія стѣны кожей плѣнныхъ.

— Добро ярче изумруда въ черной рукѣ невольника,—въ глубочайшей древности начертилъ онъ на папирусѣ,—и добро стало краугольнымъ камнемъ и вѣры его, и всѣхъ житейскихъ установленій.

Вѣра была величественна и грандіозна, какъ величественны и грандіозны всѣ труды и все искусство Египта. Первобытная, космическая пирота мысли сочталась въ Египтѣ съ величайшей изощренностью и тонкостью. Вѣра Египта въ основѣ своей, въ первоисточникахъ признала единого Бога и множество свѣтотарныхъ формъ его. Она была, по чудесному выраженію Шамполіона, пантеистическимъ единобожіемъ, „чистой и великой“, по опредѣленію Стенли. „Я—все, что было, что есть и будетъ. Солнце—рожденіе мое, и никто изъ смертныхъ не подниметь покрывала моего“. Такъ сказала Праматерь Вселенной, Ну,—невѣдомая, незримая, вѣчно и всюду чувствуемая, но непознаваемая,

всесовершенная и всепроникающая, сама въ себѣ и сама собой зародившаяся. Альфа и Омега Космоса. Она сказала: всѣ солнечные боги—чада мои, благіе и свѣтлые посредники межъ вселенной и Ну, побѣдители тьмы и зла, образы заката и восхода, смѣны формъ и безсмертія основъ. Все въ Творцѣ и во всемъ—Творецъ. Свѣтъ его все проникающаго и безсмертнаго духа незакатно свѣтитъ во тьмѣ зла и смерти. Озирисъ—одинъ изъ его солнечныхъ ликомъ,—какъ Христосъ, погибъ въ борьбѣ со зломъ—и воскресъ въ образѣ Гора. И, какъ возрождается сѣмя, брошенное въ землю, такъ возрождается и духъ всего сущаго вслѣдъ за видимой смертью. Оставивъ тѣло человѣка, духъ восходитъ на судъ Озириса—и дивными словами Книги Мертвыхъ свидѣтельствуетъ чистоту и добро своего земного существованія. И, очищенный судомъ и покаяніемъ, окропленный „Водою Жизни“, вновь возвращается къ тѣлу, къ еще болѣе совершенной жизни: потому-то и должна быть священна и сохранна мумія. А свершивъ кругъ смертей и воскресеній, духъ уже навѣки соединяется съ Отцомъ и Судіей въ „Поляхъ Солнца“. Радость бытія, гдѣ смерть лишь ступень къ совершенству, радость сыновней близости къ Отцу и братской близости ко всему живому, участіе въ красотѣ и гармоніи свѣтотарнаго космоса—вотъ что было основой египетскаго пантеизма, столь близкаго къ пантеизму христіанства. Но, придя въ Мемфисъ и воздвигнувъ пирамиды, Египетъ точно схоронилъ подъ ними свою вѣру. Замкнутый, мистически-строгий, онъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Онъ уже вступилъ въ тѣ великія битвы народовъ, что затянулись на тысячелѣтія и, затопивъ землю кровью, породили грозные и страшные глаголы еврейскихъ пророковъ. „И предалъ его Господь въ руки власти-

лива жестокаго. И стали сражаться братья противъ брата и другъ противъ друга, городъ съ городомъ, царство съ царствомъ. И оскудѣли рѣки и каналы египетскіе. И духъ Египта изнемогъ въ немъ... И приобѣгъ онъ къ идоламъ и чародѣямъ и къ вызывающимъ мертвыхъ"...

8.

Пирамиды открылись вскорѣ послѣ станціи Велба. Изнуренный зноемъ, какъ во снѣ, увидать я ихъ блѣдно-голубые конусы, смутно и четко рисующіеся въ знойномъ туманѣ пустыни. Но, увидавъ, оживль—и уже не думалъ ни о чемъ, кромѣ нихъ.

Каиръ шуменъ, богатъ, многолюденъ. Вспомнилась Александрія и показалась простой, бѣдной, прохладной. Если рѣзокъ контрастъ между нею и песчаными отмелями Марейотиса, то во сколько же разъ рѣзче контрастъ между желтобурыми песками Ливн и дворцами и садами Каира! А его восточные кварталы и сравнивать нельзя съ восточными кварталами Александри: старый Каиръ воспѣтъ самой Дочерью Луны — Шехеразадой.

Даже европейцевъ удивляетъ европейскій Каиръ своими проспектами, скверами, бульварами, зданіями. Но столѣтнія пальмы, дремлющія въ экзотически пышныхъ цвѣтникахъ и скверахъ, во дворахъ и возлѣ подъѣздовъ, жалюзи и рѣшетчатые ставни, закрытыя и накаляемые солнцемъ, спущенныя маркизы и опустѣвшіе къ полудню тротуары придаютъ городу характеръ пышный и жуткій. Куда-то исчезаютъ даже осѣдланые ослы и проводники, весь день поджидающіе близъ отелей туристовъ. И рѣзкій сингапурскій крикъ радужнаго попугая въ скверѣ передъ балкономъ

такъ идетъ къ этой тишинѣ, отягченной пламеннымъ свѣтомъ. Берегись удара и думай о томъ, какъ плавятся въ зноѣ пески Ливн и Мокатама!

Къ вечеру улицы политы и кишатъ всѣми племенами Африки, Аравіи и Европы. Нѣжно и свѣжо пахнетъ цвѣтами, тепло и пріятно—влажной пылью и нагрѣтыми за день мостовыми. Оживленнѣе гудятъ трамваи, рѣками текутъ шарабаны, коляски, кареты и верховые къ мосту черезъ Ниль, на катанье, гремятъ и разливаются вальсами оркестры въ садахъ... Но вотъ по люднымъ широкимъ тротуарамъ, никого и ничего не замѣчая, идутъ бедуины — худые, огнеглазые, высокие,— и на ихъ хищныхъ, чугуниныхъ лицахъ — алый отблескъ жаркаго заката и зеркальныхъ стеколъ. Ихъ тонкія, сухія почти черныя ноги голы отъ колѣнъ до большихъ жесткихъ башмаковъ. Лица грозны, головы женственны: на ихъ головы накинута и висятъ по плечамъ кэфіи — большіе платки изъ черно-синей шерсти, а сверхъ платковъ лежитъ двойной обручъ — два черныхъ шерстяныхъ жгута. На тѣлѣ рубаха до колѣнъ, подпоясанная шалью, на рубахѣ — теплая безрукавка, а сверхъ всего — абан, шерстяная пѣгая хламида, грубая, тяжелая, съ короткими рукавами, но такая широкоплечая, такая царственно свободная, что рукава, спускаясь, достигаютъ до кистей маленькихъ лиловыхъ рукъ. И царственно гордо выгнуты ихъ тонкія шеи, обмотанныя шелковыми черно-лиловыми платками, и небрежно опирается лѣвая рука, съ серебрянымъ перстнемъ на мизинцѣ, на рукоятку огромнаго ятагана или тяжелаго кремневаго пистолета, засунутаго за поясъ... Можно ли тутъ думать о чемъ-нибудь, кромѣ пустыни?

Еще болѣе восхищенія и удивленія вызываетъ у людей Востока старый Каиръ, сарацннскій, окружившій

европейскій со стороны желтоватаго Мокатамскаго края. О, какой это богатый, людной, шумный, ученый и старый городъ! Ему уже тысяча триста лѣтъ. Онъ основанъ милостью и велѣніемъ Бога. Фостатъ—его первое имя—значить палатка. У подошвы Мокатама былъ Новый Вавилонъ, основанный еще при фараонахъ выходцами изъ Вавилона Халдейскаго,—колонія Рима. Настало время, когда надъ міромъ, преображеннымъ и смущеннымъ Христомъ, надъ разложеніемъ язычества и надъ великими поповскими распрями восторжествовала грозная простота и дикая мощь Ислама. Амру-ибнъ-эль-Аасъ, полководецъ Омара, припелъ къ Нилу и взялъ Вавилонъ; а въ его палаткѣ, среди лагеря у подошвы Мокатама, свила гнѣздо голубка. Уходя, Амру оставилъ палатку, дабы не ломать гнѣзда. И на этомъ мѣстѣ, въ восьмомъ вѣкѣ, зачался „Побѣдоносный“, Великій Каиръ.

Его узкія, длинныя и кривыя улицы переполнены лавками, цирюльнями, кофейнями, столиками, табуретами, людьми, ослами, собаками и верблюдами. Его сказочники и гѣвцы, повѣствующіе о подвигахъ Али, зятя Пророка, извѣстны всему міру. Его шахматисты и курильщики молчаливы и мудры. Его базары равны шумомъ и богатствомъ базарамъ Стамбула и Дамаска. Главное же то, что въ Каирѣ—высшая мусульманская школа, священная бібліотека, славная по всему Востоку, полтысячи мечетей и сотни тысячъ могилъ въ типинѣ пустынь, окружающихъ его. Мечети и минареты царятъ надо всѣмъ. Мечети плечисты, полосаты, какъ абаи, всѣ въ огромныхъ и пестрыхъ куполахъ-тюрбанахъ. Минареты высоки, узорны и тонки, какъ пики. Это ли не сарацинская старина? Стары и погосты его,—стары и голы. Тамъ, среди усыпальницъ халифовъ, среди усыпальницъ мамелюковъ и вокругъ ста-

рѣйшей полуразрушенной мечети Амру, похожей на громадную палатку,—вѣчное безмолвіе песковъ и немѣтныхъ рогатыхъ бугорковъ изъ глины, усыпленное жалобною пѣснью пустыннаго жаворонка или пестрокрылыхъ чекканокъ...

Но проходить по узкимъ и шумнымъ корридорамъ базаровъ и улицъ сожженная нуждою и зноемъ женщина, похожая на цыганку, со спутанными черными волосами, босая, въ одной полнявшей кубовой рубахѣ, и кричитъ среди говора и гама.

Все достояніе ея въ козѣ, которую она ведетъ за собою,—въ старой козѣ съ длинной шелковисто-черной шерстью, съ длинными колокольцами-ушами и съ горбатымъ носомъ. И вотъ она кричитъ, предлагая продать козу и за грошъ напоить „сладкимъ молокомъ“ всякаго желающаго. И вся старина сарацинскаго Каира тонетъ въ аравійской древности этого крика.

А когда смотришь на мечети Каира и на его погосты, то думаешь только о томъ, что мечети его сложены изъ порфира мемфисскихъ храмовъ и гранита разрушенныхъ пирамидъ, что дорога мимо погостовъ ведетъ по пустынѣ къ обелиску Геліополя-Она...

И тогда и отъ европейскаго Каира, и отъ Каира мусульманскаго мысль уносится къ древнему царству фараоновъ. И становится жутко и радостно, когда увидишь вдали каменные мощи этого царства—пирамиды Гизе и Саккара, или вспомнишь бедуиновъ,—потомковъ Агари.

Солнце склонялось къ Ливійской Пустынѣ. Я смотрѣлъ со стѣнъ цитадели Каира, утвержденной на выступѣ скалъ Мокатама, на западъ, на востокъ и на сѣ-

верь,—на городъ, занявшій необозримую долину подо мной. У воротъ цитадели мнѣ предложили свои услуги очень милый, простой и деликатный человекъ въ темномъ балахонѣ и бѣдой чалмѣ,—одинъ изъ проживающихъ при мечети Али. Онъ прежде всего показалъ мнѣ колодезь Іосифа—халифа Сала-еддина-Юсуфа. Но что же это за старина? Колодезь глубокъ, какъ преисподняя,—и только. Камни цитадели старше—она строилась изъ малыхъ пирамидъ Гизе!

Кромѣ мечети, въ ея двойныхъ стѣнахъ—дворецъ вице-короля, арабская школа, казармы англійскаго гарнизона. Я вошелъ только во дворъ мечети, господствующей надъ всей цитаделью, и на минуту—въ самую мечеть. Дворъ великъ, чистъ, весь выложенъ мраморомъ, окруженъ высокими стѣнами и крытыми колоннадами. Надъ фонтаномъ посреди двора—бездонное небо и, какъ стрѣлы, летаютъ касатки. Мечеть, подражаніе Софіи, легка, нарядна, колоссальна, устлана дорогими коврами, таинственно полуосвѣщена цвѣтными стеклами, украшена низко висящими надъ поломъ кругами люстръ. Тонкіе минареты по угламъ мечети головокружительно высоки... Но все это такъ ново!

Тогда арабъ повелъ меня къ западной стѣнѣ и указалъ куда-то въ пылъ надъ долиною Нила.

Но я глядѣлъ дальше, за Нилъ, въ сторону затянутыхъ иломъ и заросшихъ пальмами развалинъ Мемфиса. Тамъ лежитъ теперь страшная своей величиной и древностью сіенитовая статуя Рамзеса II съ отбитыми ногами, а въ сухо-туманной пустынѣ рисуются фіолетовые конусы самыхъ старыхъ пирамидъ,—пирамидъ Дашура и Саккара,—и среди нихъ—Ступеньчатая Пирамида Аписовъ: Ко-Комехъ—„пирамида черного быка“. Внутри она уже разрушается, а снаружи полузасыпа-

на песками. Она даже не изъ камня, а изъ кирпичей пыльского ила. И все-таки чуть не на тысячу лѣтъ древище Великой Пирамиды Хуфу! А близъ нея—Серапеумъ, безконечныя черноствѣнные катакомбы, высѣченныя въ скалахъ. И, взглянувъ въ сторону Серапеума, я забывалъ на минуту все окружающее. Ахъ, какъ пышно прекрасны были земныя воплощенія бога Нила, эти мощные траурные быки—черные, съ бѣлымъ ястребомъ на спинѣ, съ бѣлымъ треугольникомъ на лбу, съ блестящими черно-лиловыми глазами! Какъ мрачно торжественны были ихъ погребальныя галереи, ихъ камеры и гигантскіе саркофаги изъ гранита!..

— Эль-Азхаръ, Гассанъ,—бормоталъ арабъ.

И, безшумно перебирая легкими босыми ногами, привелъ меня къ сѣверной стѣнѣ, къ обрыву надъ нижними стѣнами, и опять сталъ указывать то на одну, то на другую мечеть сѣраго, огромнаго города, теряющагося въ пыли на сѣверѣ.

Но мечетямъ этимъ всего лѣтъ по пятисотъ. Да и онѣ—наполовину изъ гранита, что когда-то облицовывалъ пирамиды... И я отпустилъ араба.

Воздухъ былъ тепелъ и душенъ. Далеко на сѣверо-западѣ склонялось къ слонетымъ сѣроватымъ пескамъ, уходящимъ въ Сахару, горячее солнце. Пирамиды Гизе были ближе и лѣвѣе его; онѣ мягко и четко выдѣлялись среди этихъ пепельныхъ дюнъ фіолетовыми конусами. Необытное пространство между небомъ, пустыней и долиной Каира было полно пыльно-золотистымъ блескомъ. Лѣвѣе, къ югу, даль уже совсѣмъ затуманилась пѣжно-синзою мутью. И все это отдѣлялъ отъ меня уходящій по долинамъ прямо къ сѣверу Нилъ. Желтоватый Мокатамскій кряжъ, идущій за нимъ съ юга по правую руку, дѣлаетъ подъ цитаделью рѣзкій поворотъ къ востоку, и долина расширяется въ необозримую

низменность. На ней, въ морѣ дымчатой пыли, теряется уходящій изъ глазъ къ сѣверу и востоку огромный, сухой и сѣрый городъ съ несмѣтно торчащими надъ нимъ минаретами и мечетями. Оттуда слышался смутный гулъ. Солнце опускалось все ниже, бѣлый шлемъ, который я держалъ въ рукахъ, сталъ алѣть. Съ минаретовъ понеслись къ блѣдному бездонному небу древне-печальныя прославленья Бога. Летучія мыши дрожащими зигзагами, почти невидимкой, зарѣяли вокругъ: онѣ любятъ теплые вечера, катакомбы и пустынные скалы... И, сѣвъ на стѣну, я задумался старыми, старыми думами.

Къ востоку, далеко за городомъ, раскинуты среди песковъ мечети-гробницы халифовъ. Онѣ всеми забыты, приходятъ въ ветхость, заносятся пескомъ. Тамъ въ усыпальницѣ Каидъ-Бей окна горятъ такой цвѣтной мозаикой, равной которой нѣтъ на землѣ. Тамъ есть два камня изъ Мекки—одинъ сиреневый, другой розовый—и на нихъ слѣды Магомета. Но что Каидъ-Бей и Магометъ! За могилами халифовъ, къ сѣверо-востоку, среди песковъ, уходящихъ до Краснаго моря, на самой окраинѣ холмовъ Иудейскихъ, есть оазъ, гдѣ, по слову Осип, „тернии и волчцы выросли на жертвенникахъ Израиля“, гдѣ съ землею сравнялись слѣды города, болѣе славнаго и древняго, чѣмъ самый Мемфисъ,—слѣды Она-Геліополя, Ветъ-Шемеса, по-еврейски,—„Дома Солнца“. Это было средоточіе культа Гора и, по словамъ Геродота, высшей жреческой мудрости. Усиртсеиъ I пять тысячъ лѣтъ тому назадъ воздвигъ передъ онійскимъ храмомъ Солнца, самымъ чтимымъ въ древнемъ мірѣ, свои обелиски изъ розовыхъ гранитовъ и украсилъ ихъ золотыми наконечниками. Въ дни патриарховъ. Иосифъ, сынъ Іакова женился въ Онѣ на дочери первосвященника Потифера—„посвященнаго Солн-

цу“. Моисей, воспитавшійся тамъ, основалъ на служеніи Изидѣ служеніе Іеговъ. Соломонъ слушалъ первый разсказъ о потопахъ. Геродотъ—первыя главы исторіи. Пифагоръ—математику и астрономію. Платонъ, проведенный въ академіи Она тринадцать лѣтъ,—презрительно-грустныя слова: „Вы, эллины,—дѣти“. Наконецъ, въ Онѣ жила сама Богоматерь съ Младенцемъ... Вотъ это слава!

Но солнце тонетъ въ сухой сизой мутнѣ, и шафранный свѣтъ запада быстро меркнетъ. Мирады веселыхъ огней разсыпаются по темнѣющей долинѣ Каира. И они кажутся мнѣ „огнями въ честь умершихъ“, что когда-то горѣли въ Саисѣ, въ городѣ богини съ неизреченнымъ именемъ. Со всѣхъ сторонъ обступаютъ Каиръ мертвыя моря песковъ и африканская душная почва. Изъ тьмы невѣдомыхъ горячихъ почвой пролагаетъ свой путь священная рѣка, источникъ которой знали лишь жрецы Саиса. Невѣдомыя экваторіальныя созвѣздія поднимаются отсюда—и звѣздное небо принимаетъ, по арабскому выраженію, видъ лучистыхъ алмазовъ на черно-бархатномъ покровѣ гроба... Черны были и палатки таинственныхъ азіатскихъ кочевниковъ, „царей пастуховъ“, несмѣтной ратью охватившій пѣ-когда Египетъ на цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ. Черны были Аписы Мемфиса. Чернымъ гранитомъ лоснились скаты пирамиды Хуфу,—только остріе ея сверкало золотою воронкой. Черными представляются мнѣ и грозныя слова: Ассаргадонъ, Асурпазирпалъ, и особенно—Камбизъ „Семусиномъ“—черно-пламеннымъ ураганомъ песковъ—прошелъ онъ по Египту, до основанія разрушивъ и Онъ, и Мемфисъ, и это въ его полчищахъ жизнью на пути къ черной Нубіи! И вотъ тогда-то и дохнуло на Египетъ дыханіе смерти, и помутилось

солнце его отъ пыли сраженій и отъ куреній жрецовъ... „И прибѣгъ онъ къ идоламъ и чародѣямъ и къ вызывающимъ мертвыхъ“...

На мѣстѣ Она, нынѣ покрытомъ хлѣбами, пальмами и хижинами арабской деревушки Матаріа, среди оаза, что питается родникомъ Айль-Шемесъ—„Солнечнымъ источникомъ“, — одиноко стоитъ въ эту ночь десяти-саженный обелискъ, на треть утопущій въ землѣ, излѣдненный іероглифами и облѣпленный гнѣздами осъ. А въ Ливійской пустынѣ сонныя змѣи песковъ бѣгутъ и бѣгутъ во входы пирамидъ. Но и мертвые исчезли изъ могилъ Египта. Муміи изъ гробницъ и пирамидъ Саккара выкинулъ Камбизъ. Пустой саркофагъ изъ базальта, найденный въ пирамидѣ Менкерн, потонулъ вмѣстѣ съ кораблемъ въ океанѣ, на пути въ Британію. Пустой огромный саркофагъ стоитъ и въ Великой Пирамидѣ. Кто тотъ, что покоился въ ней? Наука сказала — Хуфу. Кошты говорятъ: Сауридъ, жившій за три вѣка до потопа и отъ потопа сохранившій въ ней и свой трупъ, и все сокровища египетской мудрости... Въ тѣ долгіе вѣка, когда умершій Египетъ пребывалъ въ тишинѣ и забвеніи, пришли въ его пустыни новыя завоеватели, арабы, пробили, послѣ долгихъ исканій, уже ободранную пирамиду и въ гробовой тѣмѣ, по узкимъ проходкамъ, ведущимъ сперва на двѣсти футовъ въ глубину скаль, а затѣмъ вверхъ, въ сердце пирамиды, проникли, въ надеждѣ на клады, въ покой человѣка, умершаго въ началѣ міра. Но, озаривъ факелами заблестѣвшія, какъ черный ледъ, шлифовано-гранитныя стѣны высокаго куба, въ ужасѣ отступили: посреди покоя безъ крышки стоялъ прямоугольный огромный, лишенный всякихъ украшеній и тоже весь черный саркофагъ. Въ немъ лежала мумія въ золотой бронѣ, осипанной драгоценными камнями, и съ золо-

тымъ мечомъ у бедра. На лбу же муміи краснымъ огнемъ горѣлъ громадный карбункулъ, весь въ нисъмевахъ, непонятныхъ ни одному смертному...

10.

И кончилось этотъ вечеръ въ оперѣ, въ театрѣ на какой-то площади, сплошь занятой табуретами и столиками, шумной и людной, какъ ярмарка въ Тантаѣ.

Двери театра были открыты настежь, но въ партерѣ, усыянномъ фесками, стояла одуряющая духота. Что же было въ рѣшетчатыхъ ложахъ, гдѣ помѣщаются гаремы? Подняли подъ музыку занавѣсъ-- и въ глубинѣ сцены открылся огромный плакатъ: лиловая ночь и огромная луна надъ лиловымъ силуэтомъ города, состоящаго изъ однѣхъ пальмъ и мечетей и четко отраженнаго въ блѣдно-лиловой рѣкѣ. На полу среди сцены стояло ярко-зеленое бутифорское дерево, а подъ деревомъ — арабъ въ пышной старинной одеждѣ и колоссальномъ тюрбанѣ. Страстно завылъ и загудѣлъ оркестръ, и арабъ, приложивъ одну руку къ сердцу, а другую, дрожащую, вытянувъ, разразился такими гнусавыми воплями, что весь партеръ затрепеталъ отъ рукоплесканій. Арабъ жаловался на несчастную любовь и прозакладывалъ кому-то душу, лишь бы увидѣть свою милую. Затѣмъ онъ смолкъ, закрылъ лицо руками и затрясся отъ беззвучныхъ рыданій. А наплакавшись, глубоко вздохнулъ, снялъ темный широчайшій халатъ, положилъ его подушкой подъ деревомъ и, оставшись въ другомъ, блѣдно-розовомъ, легъ спать. Музыка подъ сурдинку зашипела что-то осторожное, хитрое. И тогда изъ-за кулисъ безшумно выпорхнули черти въ красныхъ балахонахъ, съ бѣлыми изображениями че-

реновъ на груди. Радостно подвивая и взвизгивая, они закружились надъ своей добычей. И вдругъ ухнулъ барабанъ — и, подхвативъ спящаго, черти бросились за кулисы... Среди бѣшено сыплющихся аплодисментовъ я, шатаясь, выбрался на площадь, на воздухъ и почти упалъ на табуретъ возлѣ мраморнаго столика, среди криковъ бродячихъ кондитеровъ, гула трамваевъ, рожковъ автомобилей и воплей водоносовъ, таскающихъ на ремнѣ черезъ лѣвое плечо огромныя бутылки...

Домой я вернулся за полночь. Каиръ затихалъ и темнѣлъ, на улицахъ было пусто и прохладно. Но въ номерѣ, несмотря на открытыя окна и дверь на балконѣ, стояла почти такая же горячая духота, какъ и въ театрѣ. Съѣдаемый москитами, я безъ сна лежалъ на широкой постели. Два раза я одѣвался и спускался во второй этажъ, въ баръ, торгующій всю ночь, и жадно глоталъ ледяной аполлинарисъ. Передъ разсвѣтомъ взошелъ мѣсяцъ, озарилъ теплымъ золотистымъ свѣтомъ верхушки пальмъ во дворѣ отеля и противоположные балконы, и въ окна потянуло свѣжестью. Но тутъ воздухъ внезапно дрогнулъ отъ мощнаго трубнаго рева. Ревъ загремѣлъ побѣдно, всеоглушающе—и, внезапно сорвавшись, разразился страшнымъ захлебывающимся скрипомъ. Рыдалъ въ сосѣднемъ дворѣ осель —и рыдалъ странно долго! Но усталость все-таки сломала. Я закрылъ глаза—и черезъ два часа вскочилъ съ постели совсѣмъ бодрый. Выходило солнце, у воротъ ждала коляска, съ вечера напаятая къ пирамидамъ.

Раннее утро въ городѣ имѣетъ своеобразную прелесть. Въ Каирѣ оно восхитительно. Чистые широкіе проспекты еще въ тѣни и пусты. Они уже политы. Полита и зелень въ цвѣтникахъ, палисадникахъ и скверахъ, нѣжно и свѣжо пахнущихъ. Верхушки пальмъ

розовѣютъ. Бездонное небо легко и жемчужно-бирюзово. Экипажъ быстро катится по гладкимъ мостовымъ. Щелкаше быча звучно и бодро... Вотъ и площадь... Мостъ съ бронзовыми львами черезъ Нилъ... Свѣтъ утренняго солнца радостно и ослѣпительно блещетъ надъ розово-голубымъ моремъ пара, въ которомъ тонуть и острова, и вся долина Нила.

„Привѣтъ тебѣ, Амонъ-Ра-Гормахисъ, самъ себя производящій! Привѣтъ тебѣ, священный ястребъ со сверкающими крыльями, многоцвѣтный фениксъ! Привѣтъ тебѣ, дитя, ежедневно рождающееся, старецъ, проплывающій вѣчность!“

Нилъ подъ мостомъ дымится, и въ дыму медленно идутъ сѣрые паруса барокъ. Вереницы ословъ и верблюдовъ, нагруженныхъ овощами, зеленью, молокомъ, птицей, тянутся на базаръ и несутъ въ городъ простоту деревни, здоровье полей и свѣжесть утра: на зарѣ росы покрываютъ нивы и кровли арабскихъ хижинокъ, на зарѣ холодѣетъ даже песокъ. Переѣзжаемъ островъ, потомъ рукавъ Нила, ѣдемъ мимо зоологическаго парка—и впереди открывается море шизменности, море зрѣющихъ ячменей и пшеницы: стоитъ время Шаму, какъ называли египтяне жатву. И прямая, какъ стрѣла, аллея акацій до самой пустыни прорѣзываетъ это море. Трамвай скользнулъ мимо и потонулъ въ перспективѣ ея многоверстнаго зеленаго корридора. И тамъ, въ самомъ концѣ ея, какъ риги въ концѣ деревенской аллеи, стоятъ на обрывѣ скалисто-песчанаго плоскогорья, по косои линіи къ западу, три каменныхъ треугольника цвѣта старой, слегка фіолетовой соломы.

Черезъ полчаса я былъ у нихъ подножья. Но—какъ все измѣнилось за эти полчаса! Огромная долина Нила еще полна блескомъ и свѣжестью утренняго пара. У самаго подъема на стофутувый уступъ пустыни, за стѣ-

нами сада, окружающего англійскій отель, еще тѣнисто и воркуютъ горлицы. Но бѣлая косая дорога на уступѣ, обнаженная весенними вѣтрами съ сѣвера, уже горяча и рѣзка подъ яснымъ синимъ небомъ. Четко отдѣляется отъ неба и край плоскогорья—желто-сѣрый песокъ, и мягко и четко возносятся въ прозрачный воздухъ зубчатая грани каменной горы ржаво-соломеннаго цвѣта... Послѣ недолгаго спора бедуины, встрѣтившіе меня еще въ аллеѣ, истощили весь свой запасъ англійскихъ и французскихъ словъ и за нѣсколько франковъ мирно пропустили въ свои владѣнія.

Отъ Великой Пирамиды—одной изъ самыхъ дивныхъ видовъ въ мірѣ. Бѣлая страна, чуть не вся низменность Дельты, теряется на сѣверѣ, радуя вѣчной молодостью природы: молоды кажутся отсюда, изъ пустыни, съ древнѣйшаго на землѣ кладбища, эти нивы, пальмы, селенія и люди, создающіе ихъ! Необозримая долина Нила тонетъ въ радостномъ солнечномъ туманѣ. Что-то блещетъ въ немъ... И смотрю на югъ—и раздѣляю воображаемую гордость величайшей и славнѣйшей на землѣ рѣки, за семь тысячъ верстъ отсюда выходящей изъ Луинныхъ Горъ, изъ невѣдомыхъ странъ чернокожихъ... А за долиной, за моремъ свѣта, чуть виденъ мутно-аснидный городъ и призраки аравійскихъ горъ. За ними чувствуется Красное Море, одно названіе котораго волнуется чѣмъ-то сказочнымъ, ветхозавѣтнымъ... А сзади все заслоняетъ и все подавляетъ восходящая до яркихъ небесъ ребристая стѣна изъ ржаво-пуммулитовыхъ глыбъ. Я чувствую себя подъ нею столь малымъ, что это гнететъ меня: по наклону въ ней полверсты, по отвѣсу сажень семьдесятъ. И я отхожу отъ стѣны и направляюсь къ сѣверу, по обрыву плоскогорья, по камнямъ, занесеннымъ горячими атласными волнами цвѣта львиной шкуры.

Отойдя, я вижу, что сѣверный бокъ пирамиды высоко, высоко занесенъ пескомъ. Онъ въ тѣни—и голубоватая тѣнь падаетъ отъ него на песокъ. Вправо—блескъ солнца. Тамъ, нѣсколько наискось,—второй треугольникъ, пирамида Хаффи. Ея громада, почти равная первой и тоже утонувшая въ атласныхъ слоистыхъ пескахъ, снизу ободрана, рубчатая, доисторически-груба и проста, какъ и Хуфу, но сверху блеститъ розоватымъ гранитомъ. Въ чистомъ воздухѣ она кажется необыкновенно близкой и четкой. Но еще болѣе четки на сини небосклона грани третьей—Красной Пирамиды Менкери, стоящей въ полверстѣ отъ меня и сплошь покрытой сіенитомъ. Она гораздо меньше и острѣе двухъ первыхъ. Въ ней, кромѣ Менкери, покоилась еще и царица Нитакритъ, достроившая ее черезъ шестьсотъ лѣтъ послѣ его смерти. А къ горизонту, тамъ, гдѣ пустыня, поднимаясь волнистыми буграми, ярко отдѣляется отъ сине-лиловаго неба, теряется вдали еще нѣсколько безыменныхъ маленькихъ конусовъ... Вотъ она, ясность красокъ, нагота и радость пустыни! Но еще рѣзче и радостнѣе сжимается мое сердце при взглядѣ на зубчатую гору Хуфу. На мгновеніе превращаюсь я въ мысль... И вижу въ долинѣ подъ солнцемъ, въ свѣтломъ утреннемъ парѣ, смутный очеркъ первой столицы міра, жившей почти три тысячи лѣтъ,—тусклый блескъ крышъ и храмовъ Мемфиса. Вижу его толпу, улицы, яркую полихромію одеждъ, обелисковъ, пилоновъ, столь любимую древнимъ Египтомъ... Вижу пирамиду такую, какой была она шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ,—обведенную каналомъ изъ Нила, донизу покрытую разноцвѣтными гладкими плитами, увѣнчанную золотыми пирамидономъ... Ничего, кромѣ камня и мумій, не осталось отъ древняго царства! Но ничто и не исчезаетъ. Все изъ праха прошлаго. И вотъ—я

опять ее чувствую, эту связь со всѣмъ міромъ, съ богами всѣхъ странъ и съ людьми, стократъ истлѣвшими!

Но тѣмъ яснѣе сознаю я, какъ все это старо. Вхожь въ пирамиду съ сѣвера. Пески засыпали ея скать какъ разъ до того мѣста, гдѣ нашли, наконецъ, отверстіе въ „самое таинственное святилище міра“. Отверстіе зияетъ — и круто, по скользкому склону въ триста слишкомъ футовъ, падаетъ въ бездну, въ удушающій мракъ, въ тѣсноту. Съ половины этого жерла поднимаются вверхъ по другому, круто идущему въ страшное сердце пирамиды: сперва въ погребальный покой царицы, — откуда, пробивая и пирамиду, и скалистое плоскогорье, падаетъ двѣстифутовая шахта въ подземный колодець, — а потомъ въ покой фараона, находящійся въ центрѣ. Тамъ теперь нѣтъ ничего, кромѣ тьмы, вони летучихъ мышей и огромной гробницы безъ крышки... Гдѣ же кости того, кто вотъ уже шесть тысячъ лѣтъ изумляетъ землю? Онѣ, говорятъ, покоились на днѣ шахты, — подъ пирамидой, а не въ ней. Тамъ былъ, по преданіямъ, храмъ таинствъ. Шахта будто бы соединялась подземнымъ ходомъ съ Ниломъ... съ подземнымъ капищемъ Изиды, которой посвящена пирамида... съ ходомъ подъ Сфинксомъ... Но не все ли равно? Вотъ я стою и касаюсь камней, — можетъ быть, самыхъ древнихъ изъ тѣхъ, что вытесали люди!

Съ тѣхъ поръ, какъ ихъ клали въ такое же знойное радостное утро, какъ и нынче, — о, какъ давно оно было! — тысячи разъ измѣнялось лицо земли и религій царствъ ея. Только черезъ двадцать вѣковъ послѣ этого утра родился Моисей, не разъ стоявшій возлѣ пирамиды... Черезъ сорокъ — пришелъ на берегъ Тиверіадскаго моря Сиріецъ, передъ неизреченной красотой Котораго стало безсильно человѣческое слово... Но исчезаютъ вѣка, тысячелѣтія — и братски соединяется

моя рука съ сизою сухой рукой аравійскаго плѣнника, клавшаго эти камни. И я вижу живымъ его побѣдителя, благочестиваго сверхъ-звѣря, высокаго, узкаго въ бедрахъ и широкаго въ плечахъ, съ красноватою кожей, въ бѣломъ льняномъ запонѣ, въ ожерельи и золотыхъ запястьяхъ, чернокурчаваго и съ блестящими глазами. И на мгновеніе всѣмъ сердцемъ раздѣляю мистическій языкъ его гимновъ Солнцу, воплощенному и въ немъ, и въ сфинксѣ, и въ пламенномъ дискѣ, совершающемъ въ баркѣ свой путь.

„Ты идешь, лучезарный Амонъ-Ра-Гармахисъ! Твои гребцы гребутъ! Ты достигаешь зенита, по высшему приказу твоей матери Ну! Сердце твоихъ перевозчиковъ довольно, владыка небесъ! Боги и люди, испуская крики радости, падаютъ ницъ предъ престоломъ Солнца! Ты — Священный Ястребъ со сверкающими крыльями! Многоцвѣтный фениксъ! Великій левъ, существующій самъ по себѣ и открывающій путь барки! Мужъ, все оплодотворяющій! Быкъ — ночью, начальникъ — днемъ! Царь неба, властитель земли! Тайна, образъ которой невѣдомъ!“

Я повторяю эти радостные гимны и, по указаніямъ самого Хуфу, иду къ Великому Сфинксу — образу восходящаго Солнца, символу безсмертія, стражу жизни, стоящему на порогѣ Великаго Некрополя.

„Горь живой, царь Египта Хуфу, нашелъ храмъ Изиды, покровительницы пирамиды, рядомъ съ храмомъ Сфинкса, къ сѣверо-западу отъ храма Озириса, господина гробницы, и построилъ себѣ пирамиду рядомъ съ храмомъ этой богини... Мѣсто Сфинкса — къ югу отъ храма Изиды, покровительницы пирамиды, и къ сѣверу отъ храма Озириса“...

Бѣлый пламенный день заливаетъ своимъ свѣтомъ долину и пустыню, когда я, по этимъ указаніямъ, про-

хожу вдоль восточной стѣны пирамиды къ голой дорогѣ, ведущей сюда снизу. Я пересѣкаю ее и по песчанымъ шелковистымъ буграмъ спускаюсь въ огромную котловину, гдѣ лежитъ каменное стоаршинное чудовище, каменная гряда съ тринадцатнаршинной головой... И вступаю въ адитонъ—святая святыхъ Египта. Это уже послѣдняя ступень исторіи!

Вокругъ меня мертвое жаркое море дюнь и долинъ, полузасыпанныхъ скаль и могильниковъ. Все блеститъ, какъ атласъ, отдѣляясь на западѣ отъ шелковистой лазури. Всюду гробовая тишина и бездна пламеннаго свѣта. Вотъ страшная извилистая полоса на пескѣ—здѣсь протащила свой жгутъ змѣя, можетъ быть, сама Фи, знаменитая въ священныхъ писаніяхъ Египта, вся желто-бурая, вся въ бурыхъ поперечныхъ лентахъ, съ маленькими вертикальными глазами и большими ноздрями, отъ всѣхъ гадовъ отличная рожками. Ноги мои вязнуть, солнце жжетъ тѣло сквозь тонкую бѣлую одежду. Пробковый шлемъ внутри весь мокрый. Но я пьянъ отъ свѣта и почти не замѣчаю слѣда змѣи. Я иду и не спускаю глазъ съ сфинкса.

Туловище его—часть скалистой горы. Оно высѣчено изъ ея гранита. гранитныя плечи и голова приставлены. Грудь обита, плоска, слоиста. Лапы обезображены. И весь онъ, грубый, дикій, сказочно-громадный, носитъ слѣды жуткой доисторической древности и той борьбы, что съ незапамятныхъ временъ суждена ему, какъ охранителю „Страны Солнца“ отъ Сета. Онъ весь въ трещинахъ и кажется покосившимся отъ песковъ, наискось засыпающихъ его. Но какъ спокойно, спокойно глядитъ онъ на востокъ, на далекую солнечно-мглистую долину, на какую-то черную арабскую деревушку, пріютившуюся у самаго порога пустыни! Его женственная голова, его пятинаршинное безносое лицо вызываютъ въ моемъ

сердцѣ почти такое же благоговѣніе, какое было въ сердцахъ подданныхъ Хуфу.

„Честъ тебѣ, старецъ, многоликій владыка Уреусъ, испускающей лучи, разгоняющіе мракъ!“

И спустившись къ лапамъ сфинкса, я заглядываю въ огромную полузасыпанную шахту между ними—храмъ изъ сіенита—и несмѣло поднимаю глаза на красноватый исполняскій ликъ...

Есть Свѣтъ Зодіака. Онъ встаетъ серебристымъ пирамидальнымъ сіяніемъ въ темномъ небѣ жаркихъ странъ долго спустя по закатѣ. Онъ еще не разгаданъ. Но божественная наука о небѣ называетъ его свѣченіемъ первобытнаго свѣтоноснаго вещества, изъ котораго склудилось солнце. Я еще помню отблескъ закатившагося Солнца Греціи. Теперь, возлѣ Сфинкса, въ катакомбахъ міра, зодіакальный свѣтъ первобытной вѣры встаетъ передо мною во всемъ своемъ жуткомъ и таинственномъ величій...

11.

Я обошелъ Великую Пирамиду и съ запада. Я прошелъ между Хуфу и Хафри по широкой волнистой долинѣ. Хафри былъ близко, близко... Но показалась вдали кучка людей: три бедуина, два европейца въ кремовой фланели и розовое платье подъ бѣлымъ зонтикомъ, блестящимъ на солнцѣ. И по тому, какъ четки, но малы были ихъ фигурки среди песчаныхъ бугровъ, сразу стало видно, какъ обманчиво, какъ громадно пространство между мной и пирамидой, между небомъ и несками. И долго, долго шелъ я, спотыкаясь на блестящіе черные камни, скользя и увязая въ шелковистыхъ разсыпчатыхъ наносахъ.

Въ глубинѣ долины Хафри скрылся. Стало почти страшно—такъ свѣтло, такъ тихо и жарко было въ ней. Впереди тянулась гряда скалъ, замеченная сверху сѣрымъ золотомъ, съ пробитыми въ ней входами въ могильники. Я заглянулъ въ одинъ и увидѣлъ въ душномъ полуsvѣтѣ звѣриный пометъ, похожій на зерна кофе. Одна стѣпа была закончена дымомъ—вѣрно, пастухи почевали. Но здѣсь могли быть и гѣны... И я посиѣшилъ выбраться на солнце. Гѣнь не оказалось, зато мои руки и вся одежда мгновенно покрылись живой, жгучей свѣткой блохъ... А когда я достигъ, наконецъ, Великой Пирамиды, то увидѣлъ жалкую сцену: бедуины продѣлывали съ европейцами комедію ѣзды на верблюдѣ. Верблюдъ съ глухимъ внутреннимъ ревомъ и клокотаньемъ поднимался съ колѣвъ, и толстая женщина, бокомъ сидѣвшая на немъ, вытаращивъ глаза и исказивъ красное, потное лицо ужасомъ, отчаянно визжала и хваталась за черныя руки бедуиновъ.

Голосъ ея прозвучалъ въ знойномъ пространствѣ между небомъ и пустыней, какъ пискъ. Въ головѣ моей, одурманенной жарой и усталостью, тяжело отдавался стукъ сердца. Шлемъ былъ мокръ, руки горѣли отъ укусовъ. Но я былъ пьянъ, пьянъ всю дорогу до Каира. Жаркая сквозная тѣнь безконечной аллеи кружевомъ бѣжала по лошадямъ, по фескѣ извозчика, по моимъ колѣнямъ. Разливы свѣлыхъ песчаныхъ хлѣбовъ дремали полуденной рабочей дремотой. Полуденнымъ сномъ и солнцемъ былъ отягченъ зоологическій паркъ. Жутко и пышно было въ немъ въ этотъ часъ! Но я еще не насытился. Я остановилъ коляску и вошелъ.

Блестя огромной листвою, низко склоняли вѣтви тѣнистая тропическія чащи, до земли висѣли узорчатая купы мимозъ. Высоко возносились въ пламенный

воздухъ, въ пыльно-серебристое небо пальмы, накалялись цвѣтники. На горячихъ дорожкахъ млѣли, цѣпенѣли огромныя бабочки сказочно-бочатыхъ рисунковъ. Въ загонѣ подъ какими-то высокими зонтичными деревьями стоялъ покатыи жирафъ, древне-египетскія изображенія котораго считались когда-то баснословной смѣсью всѣхъ животныхъ, и, поводя змѣиной шеей, тянулся рогатой головкой къ листьямъ макушекъ; и нельзя было понять, льются ли узоры свѣто-тѣни или, это блеститъ и переливается его песочно-пантерова шкура. Въ другихъ загонкахъ, закрывъ ясные дѣвичьи глазки, истомленные душной тѣнью, лежали палеваы газели и антилопы. А дальше снова шли открытые солнцу пруды и поляны. Неподвижно на одной погѣ, какъ на блестящей трости, стояли въ теплой грязной водѣ прудовъ розовыя фламинго, надутые пеликаны, хохлатыя тонкія цапли. Неподвижно, бронзово-зелеными маслянистыми бревнами, лежали среди пловучихъ острововъ допотопные хамсы Египта — свиноголазые крокодилы, до половины высунувшись на горячую илистую отмель. И безсильно, плоско растягивались на песокъ и пестрыхъ камняхъ, за частой свѣткой клѣтокъ, плетевидные гады, столь чтимые Востокомъ, — большеротые, остроглазые, съ треугольными самоцвѣтными головками. Иные сверкали всѣмъ великолѣпиемъ палитры въ свѣжихъ краскахъ, иные — іероглифами рисунковъ: точекъ, рѣшетокъ, полосъ. Медленно ползла сѣрая, въ черныхъ чешуйкахъ, „кошачья змѣя“ и, какъ всякій ползущій гадъ, казалась длинной-длинной. „Ночныя“ змѣи дремали. Онѣ такъ втирались въ песокъ и камни и такъ сливались съ ними, что лишь случайно наталкивался я на ихъ страшные неподвижно-стеклянные глаза съ вертикально-хищными зрачками. И тогда сердце замирало отъ мистическаго ужаса. Въ саду все клонилось

отъ свѣла. Самоцвѣтными камнями сверкали, скользя, ящерицы. Искрились тысячи золотисто-купоросныхъ мухъ. Пряно пахли нагрѣтыя травы. Животной теплою вошью несло изъ загона, гдѣ бродили голенастые страусы, нося на своихъ лошадиныхъ ногахъ кургузья туловища въ атласно-бѣлосиѣжныхъ курчавыхъ перьяхъ и съ глупымъ удивленіемъ вытягивая лысыя головки на голыхъ шеяхъ. Хищно, восторженно и всегда неожиданно вскрикивали въ мертвой тишинѣ крѣпкоклювые, горбоносые попугаи,—радужные, рубиновосиніе, золотые и зеленые. И тогда садъ казался Эдемомъ, заповѣднымъ пріютомъ блаженства и незнанія. Но, снѣдаемый жаждой запретнаго, я ходилъ отъ рѣшетки къ рѣшеткѣ и заглядывалъ въ бездну. Ужасъ и отвращеніе всеяла лѣнивая, широколобая, пучеглазая „капская гадюка“, лежащая подъ искусственными кустарниками толстымъ ярко-соломеннымъ жгутомъ въ темныхъ подковахъ. Къ мѣсту приковывали алмазные глазки хорошенькой Эфы, почти скрытой въ песокъ, буро-песочной, пестро усыпанной крапинками. И, свившись въ палевою спираль, отливавшую голубымъ пещломъ, неподвижно смотрѣла въ пространство круглоглазая, съ яйцевидной головкой Гайя, неотразимо смертоносная покровительница всего древняго Египта, — символъ величія и власти, уреусъ на митрахъ фараоновъ, жгутъ, обвивающій крылатую эмблему Гора, „ара“, стократъ изображенная надъ входами храмовъ...

А Каиръ встрѣтилъ меня закрытыми ставнями, сохнувшими отъ зноя деревьями, бѣлыми пустыми улицами. Небо было тускло, дулъ жгучій пыльный вѣтеръ... То былъ вѣстникъ Сета, бога первобытнаго пламени. И дышалъ онъ надъ странюю могилъ отъ первородныхъ чадъ ея, съ таинственнаго и грознаго юга, —

оттуда, гдѣ богъ въ своемъ лучезарномъ теченіи покрываетъ кожу людей мрачнымъ блескомъ сажи и, иссушая, курчавитъ ихъ волосы*.

Весна 1907 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	стр.
Чеховъ	5
Сны	25
Золотое дно	35
У истока дней	45
Астма	61
Счастье	103
Цифры	113
Гѣнь птицы	129
Зодіакальный свѣтъ	177